

СМЕНА 3 ВУ

ISSN 0131-6656

Кому на заводе быть хозяином. Фотоочерк

Борис Чичибабин. Новые стихи

Тайны нашего здоровья. Репортаж

Штеффи Граф. Кто бросит вызов?

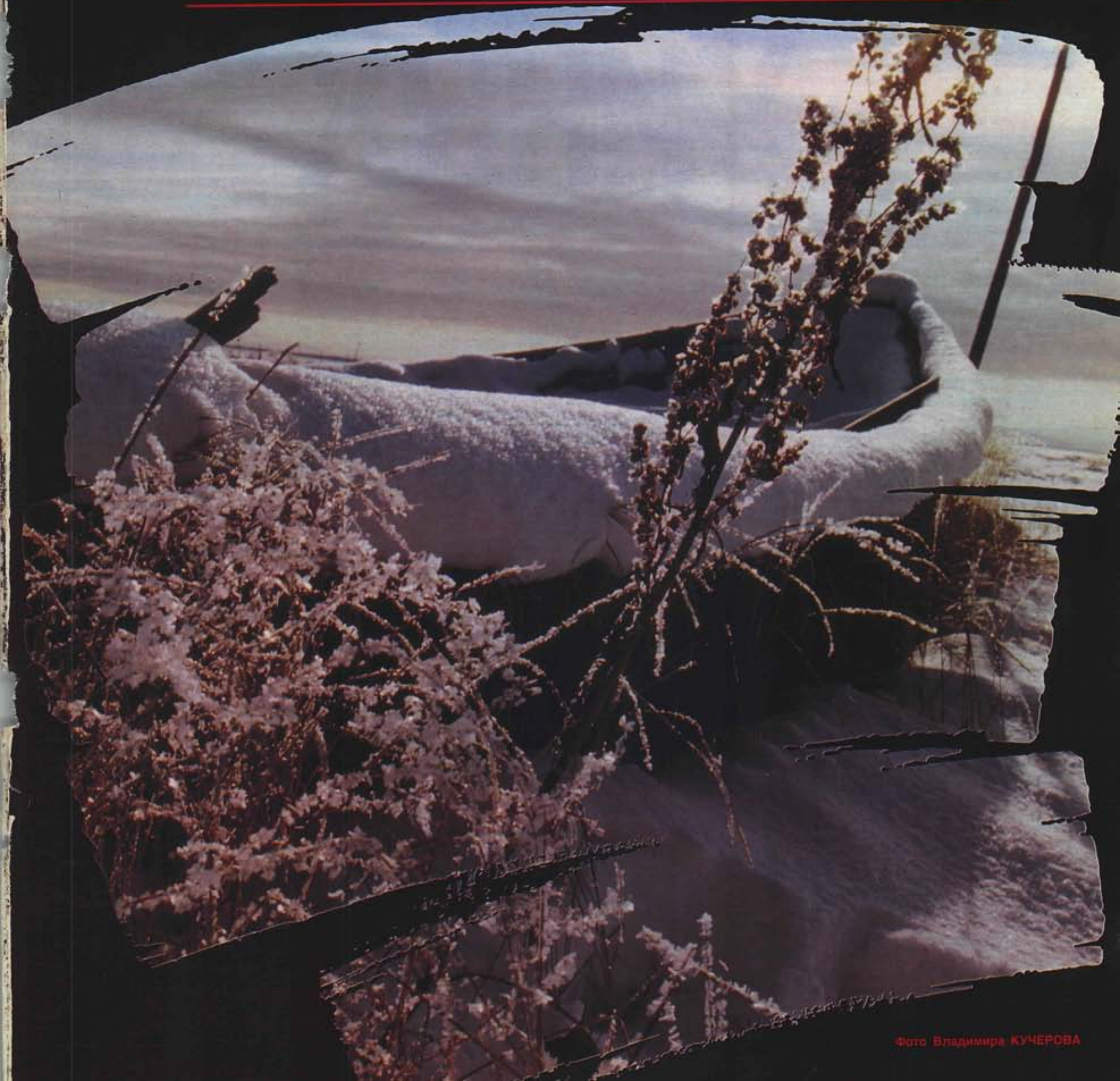
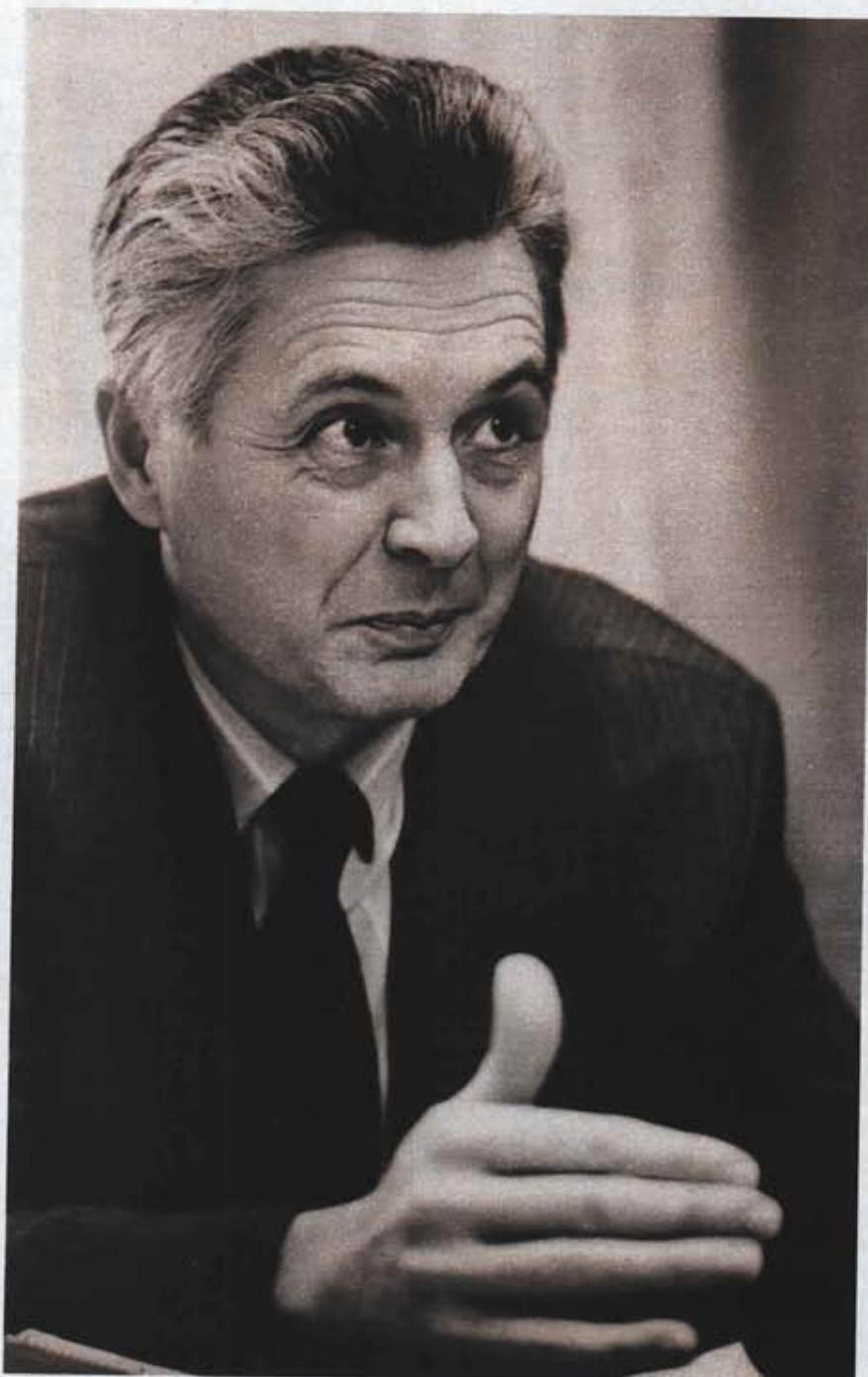

Фото Владимира КУЧЕРОВА

ЦЕНТР ПРИГЛАЩАЕТ УМНЫХ

XX век — век потрясающих открытий в науке и технике. С этим примелькавшимся уже утверждением нельзя не согласиться. Вспомним хотя бы о таких революционных открытиях в физике, как расщепление ядра урана, в результате чего возникли атомная техника и энергетика, открытие лазеров, нашедших широчайшие области применения, наконец, создание транзисторов, которые позволили развить современную радиозлектронику, электронно-вычислительную технику. Торопливый пульс века сказывается во всем, в том числе и в промышленности. И сказывается, к сожалению, острым и постоянным дефицитом современной микропроцессорной техники. А между тем ни одно устройство или машина, не оснащенные микроэлектроникой, сегодня уже не могут быть проданными на мировом рынке. Как же обстоит дело у нас в стране с развитием такой пока еще новой для отечественной науки отрасли, как микроэлектроника? Об этом беседа заместителя главного редактора «Смены» Бориса ДАНИУШЕВСКОГО с генеральным директором создаваемого в Ульяновске научного центра микроэлектроники доктором технических наук Алексеем РЫЖЕВСКИМ.

— Решение о создании Ульяновского научного центра микроэлектроники принято в мае 1987 года. Актуальность этого шага заключается в том, что стало наконец-то очевидным: наше машиностроение в первую очередь теряет на электронике. Ни для кого не секрет такая картина: приходят наши станки на западный рынок, из них выбрасывают всю электронную начинку, ставят свою, и станок снова продают, но намного дороже. Это касается не только станков, перечень тут можно продолжать долго. Например, почему наши автомобили плохо идут на западном рынке? Причин в принципе довольно много, но вот одна из основных: их электронная начинка резко уступает западной. В итоге это — и выхлопные газы, и меньший уровень безопасности. В последнее время, правда, наши автомобилестроители стали ставить импортную электронику на продукцию, которая идет за рубеж.

— Значит, прежде чем продать наши автомобили и заработать валюту, сначала надо ее потратить?

— Валюта эта потом возвращается, потому что мы продаем эти машины снова на Запад, внутри страны западная электроника на автомобили практически не ставится. Но то же Ивановское станкостроительное объединение вырвалось в последнее время вперед за счет того, что ставит западную электронику на свои станки прямо здесь и продает их тем потребителям, которые готовы оплачивать продукцию с этой электроникой.

— Но ведь речь-то идет о западной электронике, а не о своей, отечественной. Нельзя же все время ориентироваться на Запад, надо бы уже и самим голову поломать...

— А знаете, сколько наше машиностроение теряет функционально из-за отсутствия электроники? Например, когда произошла трагедия Чернобыля, бульдозеры пошли туда, управляемые электроникой, а не человеком. И делались они в дикой спешке, а могли создать их и раньше, ведь надо же было подумать о том, что такие условия, когда присутствие человека нежелательно, или опасно, или вредно, возникают довольно часто. Вот так мы сейчас расплачиваемся за те ошибки, которые были допущены раньше в нашей инвестиционной политике. Когда средства вкладывали не туда и вкладывали не так. Хотя многие понимали (не думайте, что это было непонятно): еще где-то в 75-м году в нашем министерстве приборостроения будировался вопрос о том, что надо развивать собственную элементную базу, делать специальную электронику, не ограничиваясь тем, что нам дают, что эта общая тенденция требует не только огромных капиталовложений, но серьезной ломки мировоззрения многих наших руководящих товарищей. Однако они к этому были не готовы, и, по существу, все то, что говорили технари, повисало в воздухе. А сегодня тенденция такова, что происходит радикальная революция в приборостроении и вообще в электронике. Раньше мы, по существу, играли «в кубики»: есть набор готовых кубиков, и из них мы делали нужную нам электронную начинку. Избыточно и не очень надежно. А сегодня уже многие инофирмы успешно решили задачу, когда электронное изделие делается не из типовых элементов, а под данную проблему. Это радикальное изменение: если раньше делали прибор из типовых микросхем, то теперь сам прибор делается как микросхема. Он требует очень серьезных затрат, и интеллектуальных, и материальных, и производственных, да в общем-то, и нового мышления. Ну, а причин нашего отставания много.

— Назовите хотя бы главную.

— Мы всегда были для министерства

электронной промышленности потребителями второго сорта. Оно решало сначала те задачи, которые стоят перед ним, и только потом уже дело доходило до машиностроения. Были отдельные прорывы, были иногда какие-то удачные решения, но это фрагменты. А когда все держится на фрагментах: сегодня удалось договориться, а завтра уже не договорились — это и не позволяет работать системно. Вот для того, чтобы в какой-то степени заполнить эти пробелы, и создается наш Центр микроэлектроники для машиностроения.

— Алексей Гордеевич, позвольте задать вам один коварный вопрос. Вот мы говорим о нашем отставании в области электроники. А все-таки, по вашим расчетам, насколько реально мы отстали от самых развитых в научно-техническом плане стран? Знаете, задавая вам этот вопрос, я вспоминаю анекдот: у японца, приехавшего к нам в страну, спросили: «Как вы думаете, на сколько лет мы отстаем от вас в техническом развитии?» Он ответил: «Навсегда». Как вы считаете, это только анекдот, или же печальная реальность?

— Нет, я так не думаю по ряду причин. Видите ли, трудно представить себе человека, который является чемпионом мира по всем видам спорта. Точно так же ни одна страна в мире не может быть лидирующей во всех направлениях науки и техники. Поэтому мне представляется, что одно из условий нормального развития — это полнейшая интеграция нашей экономики с мировой. Мы в свое время очень активно отделялись от нее, была даже теория, что по мере развития исторического процесса экономические связи социалистических стран с капиталистическими будут уменьшаться. Наверное, это нереально и так не должно быть. Мы должны как равные, уважаемые партнеры сотрудничать с другими зарубежными фирмами: обмениваться достижениями, технологиями, товарами, а это означает, что мы всегда в чем-то будем хуже других, — это неизбежно, и когда я вижу решение Госстандарта о том, что, мол, каждое изделие должно соответствовать мировому уровню, такое решение вызывает у меня улыбку, это же просто какая-то авантюра. Но при этом мы должны иметь что-то такое, что будет лучше всех в мире, — тогда это реальная заинтересованность партнеров в сотрудничестве с нами, это реальные контакты, обмен технологиями, продукцией и т. д. Я не думаю, что мы всегда будем отставать, но в чем-то отставать мы будем, это естественный процесс.

— А не случится ли так, что это «что-то» будет как раз микроэлектроникой?

— Понимаете ли, микроэлектроника — это широчайшая область деятельности, не менее широкая, чем машиностроение, где есть свои направления, свои тенденции, свои более развитые или менее развитые области, классические — не классические, новейшие и т. д. Так вот для того, чтобы микроэлектронике выйти на мировой уровень, надо и в других областях иметь достижения лучше всех в мире. Тогда будут подтягиваться остальные направления, тогда мы будем что-то покупать или продавать, что-то обменивать, то есть мы должны в каких-то направлениях микроэлектроники быть лучше всех в мире — это безусловное и необходимое условие. В 1990 году мы введем в строй здесь, в Ульяновске, первый комплекс заводов и институтов по интегральным датчикам. Первое же знакомство с работами АН СССР, близкими этим направлениям, показало, что мы имеем результаты, которые в ряде случаев превосходят все, что есть в мире, но, увы, все это пока далеко от промышленности. Значит, нам надо, ис-

пользуя результаты фундаментальных исследований — прикладной математики в частности, где мы всегда были очень сильными, — срочно вводить их в промышленную сферу. Беря на вооружение все, что делается по нашему направлению в Академии наук, в других институтах, развивая работу у себя, мы, я думаю, неизбежно в чем-то вырвемся вперед. И если это произойдет, то мы станем уважаемыми людьми, с которыми зарубежные фирмы есть смысл иметь дело, и не просто как с потребителями, а как с равными партнерами. Сейчас мы ведем активную работу по созданию совместных предприятий в Ульяновском центре микроэлектроники, а это тоже один из путей достижения мирового уровня.

— Тогда позвольте вас спросить: есть ли смысл нам сегодня договариваться западные фирмы, начиная эту работу у себя чуть ли не с нуля? Не лучше ли воспользоваться тем, что уже есть в мировой практике? Например, купить лицензию и по ней делать то, что сегодня более всего необходимо?

— Понимаете, когда мы покупаем лицензию, мы, как правило, просто фиксируем уровень зарубежной техники. Ну купили, сегодня это хорошо, а через три года все это уже отстало от того, что есть в мире. Нет, конечно, надо не закупать лицензии, а создавать совместные фирмы и с ними работать: естественно, и зарубежной фирме, и нам имеет смысл тащить туда все лучшее.

— А какие конкретно фирмы вы имеете в виду?

— Об этом пока говорить рано, но мы имеем в партнерах целый ряд стран и работаем с ними очень активно — в основном это западноевропейские фирмы.

— А Япония?

— Нет, традиционно с японскими фирмами у нашего министерства слабые контакты, хотя это и плохо, и надо это срочно поправлять. Хотелось бы иметь более тесные контакты с южнокорейскими фирмами, сегодня эта страна занимает очень серьезные позиции в микроэлектронике, и есть смысл с ней работать.

— А какова ситуация с американскими фирмами? Действует ли еще сегодня тот запрет президента Рейгана, который он установил несколько лет назад на поставку нам электронного оборудования?

— Вопросы эти сейчас прорабатываются. Однако я должен сказать, ничего неизменного нет. По существу, каждый месяц, каждый квартал что-то меняется, что-то возникает новое...

— Тогда ведь, помнится, этот запрет был обусловлен напряженной политической ситуацией, конфронтация была, что называется, в самом разгаре, а сейчас, когда отношения между нашими странами существенно изменились к лучшему, встает вопрос о развитии контактов между учеными.

— Мы сегодня много говорим о нашей бюрократии, но не забывайте, что она есть и у них, и потому от политических контактов до совместных научных работ — дистанция огромного размера. Во всяком случае, они очень хотят с нами сотрудничать: целый ряд американских фирм уже работают с нашим министерством, намечаются контакты и с Ульяновским центром. В общем, идет активный процесс сближения, и я был бы очень рад, если бы нам удалось создать совместное производство, совместные научные коллективы.

— Теперь, Алексей Гордеевич, давайте поговорим о том, что же сегодня представляет собой Ульяновский центр микроэлектроники.

— Пожалуй, сначала я скажу о том, что должно быть, а потом уже — что есть на сегодня. Итак, Ульяновский

центр — это пять крупных научно-исследовательских комплексов, каждый из которых состоит минимум из института и завода, точнее, опытно-производственной базы. Эти пять направлений, по существу, комплексно охватывают всю микроэлектронику для машиностроения. Но... беда в том, что они разнесены во времени, я имею в виду создание и ввод их в эксплуатацию, хотя жить друг без друга они не могут. Поэтому сегодня мы имеем только зародыши — скажем так — всех этих комплексов: где-то больше, где-то меньше. В основном же это люди, которые определяют, нарабатывают, точнее сказать, формируют будущую идеологию этих комплексов. Все они, по существу, нацелены на единую отрасль промышленности — машиностроение.

Первый комплекс, как я уже сказал, — это комплекс интегральных датчиков.

— Поясните для непосвященных — это что, основа основ микроэлектроники?

— Это то, что явно больше всего упущено в микроэлектронике, я бы так сказал. В чем тут проблема? Мы сегодня имеем аппаратуру, которая обрабатывает информацию, запоминает ее, хранит и т. д. Эта аппаратура — вычислительная техника. Но, чтобы работать, сначала эту информацию надо получить. Скажем, вычислительная техника — к примеру, бортовой компьютер — работает на бульдозере и надо для него получить информацию: в каком состоянии двигатель, подается ли масло, идет ли дизтопливо, не перегрелось ли, каков состав выхлопных газов и т. д., то есть электронике надо дать информацию. Так вот сегодня одна из основных проблем, стоящих перед машиностроением, — это крайняя скудость и крайне низкий уровень техники, которая дает и воспринимает эту информацию. Техника эта очень наукоемкая: так называемые интегральные датчики (иногда их называют сенсорными). Производство этих датчиков сегодня у нас, по существу, близко к нулю. В мире же оно уже перевалило за 10 миллиардов долларов. Конечно, наша космическая техника не могла без них обойтись, у нее такие датчики есть, но ведь это не массовое производство. А чтобы охватить гражданское машиностроение — нужны миллионы датчиков. Вот такой научный коллектив, такую опытно-производственную базу, которые бы позволяли решать эту задачу, отлаживать новые технологии, мы должны ввести в эксплуатацию в 1990 году. Сегодня мы имеем зародыш этого института, где-то около 100 человек, но это все профессионалы, которые съехались к нам из разных городов — Ярославля, Пензы, Ленинграда, Львова.

— Москву почему-то не называют?

— Заместитель директора этого института бросил квартиру в Москве, работу, приехал сюда. Он доктор наук, большой энтузиаст по этому направлению. Не думайте, что люди из Москвы не уезжают. Уезжают, потому что знают, что мы создаем в Ульяновске очень интересные, нестандартные условия для работы.

— Вы сейчас у нас, можно сказать, пионеры в этой области науки?

— Я бы так не сказал, потому что люди работали в этой области и раньше, но у них не было условий, чтобы довести все это до промышленности. Они получали отдельные удачные образцы, дальше надо было организовывать их производство, а это ведь десятки миллионов капиталовложений, если не сотни. По существу, все это оседало на полках, и мы сейчас проводим очень серьезную ревизию того, где и что уже наработано, но не запущено в производство — в Академии наук, в других институтах, и немало из этого тащим к себе. Но, к стыду нашему, стоит сказать, годичный опыт работы с ведущими физическими институтами Академии наук показывает, что мы сегодня не имеем механизма «выкачивания» идей из Академии в промышленность. Даже то огромное богатство в виде идей, ко-

торое мы уже имеем, и то чисто случайно может попасть в промышленность, а может и не попасть. Должен быть какой-то алгоритм, который бы работал систематически, постоянно, хочешь не хочешь, а оно доходит до производства.

— Вы рады, что ваш Центр не в системе Академии наук?

— Видите ли, я довольно долго — девять лет — работал в вузе, в исследовательской лаборатории. И кончилось тем, что я ушел в промышленность. Ушел по одной простой причине: хотел и хочу, чтобы мои мысли, мои идеи воплощались в металл. Но ведь для этого мне пришлось уйти из института, а надо, чтобы люди могли, не уходя, работать и чтобы их разработки доходили до промышленности. Нужна система. Стык отраслевой науки и академической требует серьезной работы. Пока же все основано на личных контактах, чьих-то личных желаниях, а не на закономерном, неизбежном внедрении научных разработок в промышленность.

— Не пора ли тут нам уже перенять зарубежный опыт, когда только ученый-разработчик что-то придумал, мгновенно находится та или иная фирма, которая сразу же берет его идею на вооружение и претворяет ее в жизнь.

— За последние пару лет и у нас резко возрос интерес предприятий к новинкам. Было время, когда наши заводы очень активно отбивались от новой техники, сегодня же они буквально бегают за новинками. Это однозначно, потому что стимулы появились. Раньше, по существу, новая техника, кроме вреда, заводу ничего не приносила: надо готовить производство, переучивать людей, а ради чего — непонятно. Сегодня стимул есть, потому что если долго выпускаешь старье, вводятся скидки за низкий технический уровень, в результате падают прибыль и все фонды предприятия и т. д. Сегодня портфель не реализованных разработок, наверное, дошел почти до нуля в промышленности. А вот конструкторские организации отраслевых институтов стимула лезть по Академии наук, выискивать то, что там появилось и запустить у себя, дорабатывая до научного товарного продукта, до конкретной разработки, пока еще не имеют. И наши разговоры о том, что научная продукция стала товарной продукцией, так и остаются разговорами.

— Алексей Гордеевич, а что из себя представляют остальные комплексы Центра?

— Второй комплекс — комплексная миниатюризация аппаратуры управления. Это та часть, которая должна воспринять информацию от датчика, обработать ее, запомнить, пообщаться, если надо, с оператором и дать команду на какие-то исполнительные части изделия машиностроения. То есть это, по существу, бортовая электроника, которая должна ставиться на автомобили, на строительную технику, на станки. Создание микроэлектроники для народного хозяйства — проблема сложная и технологически, и технически, и довольно разнородная. Мы должны все изделия машиностроения как-то сгруппировать, выделить общие задачи, решить их, найти необходимую базу и помочь заводам ставить собственное производство микросхем, когда это нужно. Таков наш второй институт, который должен выдавать комплекты устройств потребителям. Три остальных комплекса в значительной степени нацелены на эти два.

Во-первых, и для датчиков, и для средств миниатюризации аппаратуры управления нужны свои материалы. Трудно найти у нас какую-то область техники, которая была бы так запущена, как материалоедение. Это серьезная наука, где свои проблемы, своя методология работы, своя техника, свои специалисты. Она исключительно важна, ибо в огромной степени определяет успех при решении тех или иных задач. Взять те же датчики. Мы пытаемся поставить задачу: разработать нужные материалы для создания датчиков и средств автоматизации и самим их

производить. Вот таков наш третий комплекс — не менее сложный и важный, чем два первых. Потому что из того, что сейчас у нас есть под рукой, мы отличного изделия не сделаем — оно просто будет не конкурентоспособно на мировом рынке.

Четвертый комплекс — это комплекс по созданию необходимого оборудования для производства датчиков, средств автоматизации и для материалообработки: новая технология, новые задачи требуют создания и нового оборудования. Этот комплекс по размерам должен быть, пожалуй, больше, чем любой из трех названных.

И, наконец, пятое производство — это автоматизация проектирования. Мы пытаемся создать единую систему автоматизации проектирования для всех наших институтов и заводов. Для этого есть свой институт автоматизации проектирования, СКБ, и уже начал функционировать завод, который этот комплекс поставляет.

Наконец, мы должны открыть учебный центр для переподготовки наших кадров. У нас сейчас строится техникум, который будет готовить рабочих — специалистов высшей квалификации для наших производств и институтов. Сегодня во всем мире признано полезным раз в пять лет человека переучивать. Хочет он того или нет, но надо его сажать за парту и вливать в него информацию. По-другому жить невозможно. Такой центр переподготовки кадров, работающих в области микроэлектроники, мы должны ввести в эксплуатацию в 1990 году. Он планируется не только для нашей страны, но и для стран СЭВ. Здесь мы построим гостиницу международного класса, лаборатории и учебные аудитории, свой спортивный центр. Причем мы замысливаем это учебное хозяйство как комплексное, что позволит нам готовить специалистов чуть ли не с детского садика. Наши специалисты сейчас отработывают создание непрерывного цикла обучения: садик с простейшими компьютерными играми — ребенок должен привыкнуть к электронике: хотя бы на экране цыплят считать. В подшефной школе оборудуем компьютерные классы — там должны готовить людей с началом на наши проблемы. С ними будем много нянчиться и уже нянчимся вместе с нашим университетом — филиалом МГУ, отработываем такую технологию, чтобы звенья цепочки: садик — школа — техникум — политехнический институт или университет — высшая ступень переподготовки кадров — были единым замкнутым потоком, чтобы дополняли друг друга. Планируем создать школу-интернат, в которую будем отбирать действительно талантливых ребятшек где-то с 8-го класса, чтобы потом они у нас и работали. Вот такой довольно многоплановый и серьезный учебный комплекс закладывается сейчас у нас в городе. В феврале — марте этого года он уже должен приступить к отбору кадров.

— Алексей Гордеевич, известно, что Новосибирский академгородок возник как научный центр тогда, когда туда приехал ряд наших выдающихся академиков, которые и возглавили молодую сибирскую науку. Нет ли у вас идеи пригласить известных ученых, которые стали бы сами по себе неким магнитом, притягивающим молодые умы?

— Мы ряд шагов в этом направлении уже предпринимаем. Правда, академик хорошо приглашать тогда, когда организация академическая, а если он переходит в промышленный институт, слишком много проблем возникает. Поэтому вопросы, касающиеся Ульяновского центра, мы рассмотрели прошлым летом на президиуме отделения механики Академии наук, и отделение приняло решение, чтобы на Центр распространялись все академические льготы и привилегии. Сегодня же у нас работают четыре доктора наук и несколько десятков кандидатов, и постепенно их будет все больше и больше. В основном набор высококвалифицированных

специалистов и ученых начинается в марте этого года. И будет практически непрерывно идти примерно десять лет. Причем наша политика тут нацелена на то, чтобы людей опытных брать по минимуму. А в основном мы делаем ставку на талантливых ребят 26—28 лет — незабитых, незапуганных, так скажем. Которые не боятся поражений.

— То есть с нулевым уровнем профессионализма?

— С минимальным опытом работы в два-три года, лучше сказать.

— Но при этом надо быть уверенным, что берешь именно такого человека, который нужен, значит, предполагается какая-то система конкурсов или олимпиад?

— Безусловно. У нас, по существу, невероятно хорошие условия для работы: новые институты, новые должности, новейшие направления науки и техники, новейшее оснащение и — что пока крайне редко бывает — полная гарантия предоставления жилья. Мы полностью обеспечиваем жильем весь контингент, который набираем.

— Ну на первых порах, наверное, речь идет об общежитии?

— Нет, о квартире. Общежития мы, конечно, будем иметь, но только на переходный период. Уже с марта мы можем принимать специалистов и предоставлять им нормальные условия. В этом же году мы открываем у себя и аспирантуру, будем строить типографию для издания своих трудов — все это дает молодежи редкую возможность полностью проявить себя.

И вот еще о каком аспекте хочу сказать — для многих, думаю, он будет притягательным. Мы боимся создать классический советский научный монстр, когда есть многотысячный неуправляемый коллектив и левая нога не знает, что делает правая. Поэтому мы уже сейчас отработываем такую систему, когда бы наши институты, по существу, представляли собой федерацию творческих коллективов. Причем самоуправляемую. Что это означает на деле? Мы пытаемся создать такую систему, когда бы институты формировались в виде творческих бригад, работающих на конкретную проблему, отвечающих за нее и знающих, что за решение этой проблемы будет столько-то заплачено. Вот деньги, они ваши. Можно решать ее два года, год или полгода, можно решать одному, вдвоем или сотней людей, как хотите, но стоит она будет — по нашему мнению или по мнению заказчика — столько-то и именно столько вы и получите. Переходить на эту систему будем уже в этом году с тем, чтобы у молодежи была максимальная возможность творить.

— После завершения строительства Центра — всех пяти его комплексов — на что будет похож ваш научный городок?

— Сейчас, конечно, когда мы только строимся, представить трудно. А вот о жилищных наших делах стоит сказать подробнее — ведь для людей, которых мы ждем к себе, это один из главных вопросов бытия. Московский институт имени Мезенцева проектирует для нас в Ульяновске новый жилой район. По существу, это будет город на сто тысяч жителей со всей инфраструктурой, отвечающей самым современным градостроительным требованиям. Здесь будут школы, сады, ясли, больница, кинотеатры, стадион, Дом ученых, где можно будет проводить международные конференции. Плюс дом отдыха на Черном море, пионерлагерь, туристические базы и т. д. То есть в социальном плане предусмотрено все, что нужно для нормальной жизни и отдыха людей.

— Алексей Гордеевич, не возражаете, если мы теперь несколько отвлечемся от микроэлектроники? Читателям, думаю, интересно будет узнать, кто же возглавляет сегодня все это дело, кто притягивает их сюда, в Ульяновск. Поэтому расскажите о себе.

— Я родился в 1941 году. Москвич, при эвакуации семья попала в Пензенскую область. Там учился в средней

школе, поступил в политехнический институт, окончил его с отличием в 1964 году. Все годы учебы в институте очень активно работал в студенческом научном обществе, был даже его председателем. Моя студенческая научная работа в свое время была признана лучшей в стране в области технических наук. В 27 лет стал кандидатом технических наук, в 32 года — доктором. В 1977 году меня перевели работать в Орел, там я работал десять лет, и с 1982 года, до перевода сюда, был там генеральным директором НПО «Автограф». Это объединение по разработке средств автоматизации проектирования. Создавал его с нуля.

— Какая у вас семья?

— У меня трое детей: две старших дочери — студентки, сын — в шестом классе. Жена — кандидат наук, всю жизнь мы с ней работали вместе, да и дети явно пойдут по нашим стопам. Впрочем, это уже пятое поколение инженеров в нашем роду: и дед мой, и прадед, и отец, и мать — все были инженерами.

— Что вы больше всего любите, кроме электроники?

— Очень люблю читать исторические книги, мемуары. У меня хорошая библиотека, собираю ее лет с 13, и вкусы практически все эти годы не менялись. Как ни странно, очень люблю строить. Своими руками. Всю жизнь, пока работал в промышленности, всегда что-то строил. Умею все — столярничать, плотничать, работать по камню, по металлу. Люблю рыбалку. В Ульяновске она очень хорошая, но времени практически на нее нет.

— Кроме общего руководства УЦМ, вы имеете какую-нибудь лабораторию или отдел? Удовлетворяете ли вы свои научные интересы или они утекают куда-то за административной работой?

— Вообще первый год в этом плане был очень тяжелым. Потому что требовал постоянного отвлечения на всякие административно-строительные дела. Сейчас все это как-то стабилизировалось, и появилась возможность больше заниматься чисто научной деятельностью.

— Есть какие-то конкретные планы?

— Да, конечно, я последние годы пытался с общих позиций рассмотреть теорию средств машинной графики. Что-то здесь получилось: докладывал на международной конференции результаты этой работы. Конечно, боюсь потерять научную квалификацию — превратиться просто в начальника не хочется. С нетерпением жду открытия аспирантуры, потому что когда появляются аспиранты, это волей-неволей заставляет и руководителя работать, дисциплинирует.

— Вы, конечно, были за границей. Испытывали ли вы удивление, когда смотрели на те вещи, которыми сами занимаетесь как ученый?

— Вы знаете, как правило, такого обычно не бывает, потому что все знаешь из публикаций заранее. Но был однажды страшно поражен как бывший сельский житель, когда мы во Франции заехали на сельхозферму. Стоит дом, возле него сарай, и в нем всего три трактора, но зато несколько десятков

всяких приспособлений к нему. Трактор этот чего только не делает, я даже не знал, для чего многие приспособления служат. Был немислимо поражен. Хотя, наверное, специалисты все это знают, но для меня это было удивление дилетанта. И убийственно обидно за нашу сельхозтехнику.

А вообще больше всего не удивляешься, когда все это видишь у других, а злишься. Ну что, мы не можем все это создать, у нас всего этого не может быть? Вопрос «почему» все время встает. Почему мы так живем? Почему отстаем в технике? Почему порядка у них больше? Почему так чисто? Почему дома хорошие? Почему люди культурно живут? Много этих самых «почему», и, когда возвращаешься домой, хочется все делать лучше.

— А вам не кажется, Алексей Гордеевич, что ответы на эти вопросы дал в своем выступлении на XIX Всесоюзной партконференции ваш коллега В. П. Кабаидзе — генеральный директор Ивановского станкостроительного объединения. Такой же, кстати, первопроходец, как вы.

— Кажется. Причем, вы знаете, на станках, которые он выпускает, должна стоять наша электронная продукция.

— А сейчас стоит зарубежная?

— Конечно. Я недавно был на фирме «Симменс» и как раз видел, как они собирают стойку управления для Кабаидзе. Это тоже обидно.

— Есть что-то общее между хозяйственными моделями вашего Центра и его объединением?

— Да, есть. У него тоже проектные лаборатории, научные СКБ. Но что такое модель? Задача ее простая: разрабатывай и производи. Задача, разная любому заводу, ничего тут сверхъестественного придумывать не надо. Только б желание иметь. Долго мы вопили, что нам чего-то не дают и что нам мешают. Правильно, и сегодня еще мешают в какой-то степени. Но сегодня есть другая проблема: мы далеко не используем всего того, что нам разрешено делать или по крайней мере не запрещено, так точнее сказать. Нам еще надо учиться не бояться работать.

— Теперь вот такой вопрос: год назад вы стали ульяновцем. Приращаете постепенно к этой земле. Как вы считаете, те идеи и проекты, которые вы задумали и собираетесь осуществить, должны изменить облик сегодняшнего Ульяновска?

— Безусловно. Представьте себе город, в котором появляются университет, пять научно-исследовательских институтов, еще один крупный учебный центр. Это значит, что в городе появится много технической интеллигенции, изменится и его облик, и духовное его начало. Атмосфера станет другой. Ведь люди создают фон города, а тут сразу несколько тысяч научных работников, огромный приток научной и студенческой молодежи. Приезжайте к нам через пару лет, и вы увидите, что это не моя фантазия, а самая настоящая реальная жизнь.

— Спасибо за приглашение и за интересную беседу. Надеюсь, что наши молодые читатели — самые умные и самые талантливые — не будут ждать, когда все, о чем вы рассказывали, совершится без них.

Редакция «Смены» решила установить творческое сотрудничество с Ульяновским центром микроэлектроники. Между нами и Центром сроком на три года подписан договор, в котором подробно обозначены обязанности наших творческих коллективов по отношению друг к другу. В частности, мы будем регулярно освещать на своих страницах ход строительства научной и производственной базы Центра, объектов соцкультбыта, помогать ему в формировании научных коллективов самыми талантливыми, самыми смелыми и новаторски дерзкими молодыми кадрами. Поэтому те, кто хочет и уже решил работать в Ульяновске, могут обращаться не только в Центр, но и в нашу редакцию.

Кроме этого, мы примем самое активное участие в конкурсах, олимпиадах, которые будет проводить у себя УЦМ, подготовим «Дни журнала «Смена» в Ульяновске с участием известных артистов, писателей, поэтов, публицистов.

Ждем ваших писем, самые смелые, дерзкие и талантливые!

Петр
КИРИЧЕНКО

СОН

Ближе к вечеру. Василий Никитин вскинул на плечо рюкзак и подался в деревню, где давно обжил ничейную развалюху с подслеповатыми окнами и престарелым дымарем. На трассе голосовал еще засветло, но пока доехал до развилки, стемнело, и от шоссе он часа три топал проселочной дорогой — то лесом, то полем, мимо деревеньки, где из двух десятков домов окна светились только в одном. Из двора его облаяла собака, не зло, а как-то тоскливо, с подвыванием.

Несмотря на сентябрь, ночь выдалась теплая, тихая. Взошла над лесом дорожная луна, дорога высветлилась, забелела. В лунном свете засеребрилось поле, и Никитину померещилось, что пал на жухлую траву иней. Невесомо и хорошо. Вокруг ощущались приволье и неземной покой. Душа холодела от такой красоты, и Никитин, мерно вышагивая, жадно вглядывался вокруг, будто бы видел все это впервые. В такой красоте угадывалась хрупкость подлунного мира, и казалось, что на красоту смотреть-то надо осторожно, с любовью и сочувствием, чтобы ненароком не повредить. Думалось легко, спокойно, и, как всегда, вырываясь из дому, Никитин надеялся пописать-поработать, побродить вволю с этюдником, насмотреться и надышаться. Отошли куда-то и ссора с женой, и позабытые в издательстве иллюстрации, и суетная дама из редакции, которая не могла и минуты посидеть на месте...

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

Никитин надеялся сдать иллюстрации и двадцатого получить деньги, но редактор заявила, что работа не подойдет.

— Что же вам не нравится? — спросил он, глядя на иллюстрации. — Техника или сюжет?

— Как-то не так, — ответила неопределенно редактор, но зыркнула на Никитина зло. — Не так, и все.

— Но что именно?

— Конкретно и не скажешь... Извините.

Она покрутила иллюстрации и высказала мысль, что издают начинающего автора, а не классика, и надо бы попроще.

— А мне рассказы понравились, — возразил Никитин, понимая, что загвоздка не в работе. — И при чем здесь — классики, неклассики.

Редактор покривилась.

— Не знаю, но вот здесь пятнушко! И здесь!

Она так и сказала «пятнушко», ткнула пальцем в буквицу и снова умчалась. Никитин ждал эту неуловимую даму, бегавшую где-то по закоулкам, и думал, что пробегает она здесь лет пятнадцать, после посидит свою дочь, вероятно, такую же бездарную, и... Дальше думать не хотелось. Выходило как-то безысходно, и он ушел домой, забыв иллюстрации на столе. Дома он сказал жене, что денег двадцатого ждать нечего.

— Я так и знала, — ответила Саша с печалью, опустив руки, и стала вдруг маленькой, жалкой. — Сердце мое чуяло... Нет, не можешь ты устроить нам хорошую жизнь. Не можешь. В том месяце, считай, ничего не принес, а теперь готовые деньги не сумел отобрать. Растаял!

— Саша, — успокаивал жену Никитин, — многие живут хуже нашего. И в прошлый месяц я заработал...

— Что ты суешь мне прошлый месяц! — прервала его Саша зло, истерично. — Прошлый, прошлый! Настроился на деревню, думаешь, я не вижу. Доставай деньги, где хочешь. Иначе не поедешь!

— Саша, ну, послушай.

— Что, Саша, — не унималась жена. — Ты сказал этой мерзавке, что нам жить нечем? До каких пор мы будем... Вот ты, здоровенный мужик, до каких пор будешь терпеть? Ты — художник, а что у нас за жизнь?

Саша говорила, как вычитывала, о тесной комнате, о ботиночках сыну, а ей — белых туфельках, костила его на чем свет стоит, винила во всех невзгодах.

Никитин нигде не служил, был художником, как говорится, на вольных хлебах, и деньги перепадали от случая к случаю. Сашу это дергало, и она говорила, что у них — то густо, то пусто. Когда было «густо», слова ее звучали весело, даже бесшабашно, когда же наведывалась пустота, слушать ее становилось тяжело. И вообще последнее время она часто раздражалась и говорила Никитину, что лучше бы ему подыскать место, ходить на службу и приносить деньги, как делают все люди. Никитин попытался объяснить ей, что в таком случае он потеряет остатки свободы и никогда ничего не напишет.

— Кому нужна твоя свобода и...

Саша осеклась, едва не закончив «и твои пейзажи». Никитин понял, обидчиво промолчал, но посмотрел на жену так, будто спрашивал: «Неужели это ты, прежняя Саша?»

Уехать в деревню, не оставив денег, Никитин не имел права и потому отправился заниматься к приятелю. Сергей жил холостяком, работал, недавно у него вышла небольшая книжка, следовательно, деньги водились. Но дома его не оказалось. Никитин ждать не стал, нацарапал записку и поехал назад, домой. Собрать рюкзак было рискованно, так как Саша ревниво следила за ним, поняв, что денег он не привез. Никитин мысленно выругался и пошел к соседям. Ближние были на работе, а дальних он не знал. Поднялся этажом выше, оглядел закрытые двери, выбирая, в какую позвонить: три были с глазками, а четвертая обита дерматином. В нее и позвонил. На пороге возникла невысокая женщина в цветастом халате и с распущенными волосами, густыми, длинными, нежно-золотистыми. Приготовленная улыбка слетела с лица при виде случайного человека.

— Чего надо? — спросила она низким, грудным голосом.

— Извините, ошибся, — выдавил из себя растерявшийся Никитин. — Извините.

— Ну тогда, ку-ку! — скупой улыбнулась хозяйка и закрыла дверь.

Никитин постоял, помедлил еще секунду и снова нажал кнопку звонка. Женщина, увидев его, даже не удивилась, спросила спокойно:

— И долго будешь ошибаться?

Никитин молчал, а она смотрела на него прямо и немного насмешливо. Пауза слишком затянулась.

— Вы живете внизу? — заинтересовалась женщина, а когда Никитин кивнул, растворила дверь пошире и сказала командирским голосом: — Зайди!

Никитин очутился в прихожей, где резко пахло духами и пудрой, из кухни сильно тянуло запахом кофе. Он огляделся, не решаясь проходить дальше, впрочем, хозяйка и не приглашала.

— Так что за проблемы? Надеюсь, не три рубля для полного счастья?

— У меня есть одна работа, картина, — неожиданно

для себя начал Никитин, понимая, что не сможет просить займы у этой женщины. — Отдам недорого.

— Деньги нужны? — догадалась она. — Сколько?

— За пейзаж?

— На жизнь, — улыбнулась хозяйка.

— Рублей пятнадцать... В деревню надо ехать, а...

Женщина, не дослушав, пошла в глубину квартиры и вскоре вернулась, протягивая ему деньги.

— Держи! — сказала она с улыбкой, но без насмешки. — Ты ведь художник, так?

Никитин кивнул, поблагодарил хозяйку, сказав, что она очень его выручила, но та отмахнулась, заметив, чтобы отдал не раньше, чем станет богатым.

— Кофе хочешь?

— Спасибо!

— Что, спасибо? — засмеялась женщина. — Отчего это вы все такие несмелые? Айда на кухню. Ботинки можешь не снимать, у меня с этим просто. Зовут меня, кстати, Нина — живем рядом, а друг друга не знаем.

Она оглянулась на Никитина, будто хотела убедиться, что гость следует за нею.

— Садись! Будь как дома, но не забывай, что в гости! Правда?

И это «правда» примирило Никитина с командирским голосом, и с некоторой грубоватостью.

Какое-то время молчали. Никитин пил душистый кофе, а хозяйка рассматривала его в упор, как бы прицениваясь. Было неловко под ее взглядом, и Никитин улыбнулся:

— Вы извините, что так получилось. Может, и я вам когда помогу.

— Не поняла, — откликнулась Нина, — кофей действует или новая обстановка?

— И то, и другое.

— А-а, — протянула она и сказала, что знает его жену. — В садике работает, да? Видела, нервная такая...

Художнику требуется жена как стена, — добавила она таким тоном, что Никитину стало ясно: стена — это она сама. — А твоя бабешка ничего, но... Это, конечно, ваше дело, как жить, а на меня не хмурься, говорю по-доброму. Меня вот кинули в этот муравейник и забыли. Каждый день одно: работа. Отупела за три месяца, а как была деревенской, так и осталась, кофе только пью, пристрастилась, а так...

— Все так живут, — начал успокаивать ее Никитин. — Я вот деньги занимаю, к приятелю ездил, а его дома нет.

— Так живут не все, — возразила Нина, усмехнувшись. — А приятеля твоего я знаю: видела вас вместе. Гляди, чтобы жену не увел этот приятель. У него взгляд масляный, она, нервная, уйдет. А ты не грусти, художник, тебе такая жизнь и нужна, положено так жить, положено — и все! Когда туго будет, приходи.

Нина проводила Никитина до дверей, и он ушел, сбивший с толку и разговором, и тем, что может ехать в деревню, и еще чем-то таким, чего он не сумел сразу объяснить. Вроде бы тревога осталась после знакомства с соседкой...

Саша напустилась на него, отчитывая, что он сбегает в деревню, а ей оставляет домашние заботы, но Никитин не стал слушать жену, засобиравшись. Вытащил из морозилки обрезную кость, выудил банку кальмаров, располовинил кусок сала, зашморгал рюкзак, попрощался и тронулся в путь...

Раздумывая и глядя вокруг, шагал Никитин ночной дорогой, перебирая многое в своем прошлом, и понял, что жить так дальше не сможет: ничего страшного вроде бы за последнее время не произошло — точно так же жили они с Сашей и сыном и год назад, — а вот подступило к нему что-то неотвратимое, как смерть. Он помнил Сашу совсем другой. Познакомились они летом в деревне под Вышим Волочком, и навсегда осталось в душе необычайной легкости, чистого деревенского воздуха, удивительной, казавшейся теперь сказочной жизни. Он тогда гостил у родителей приятеля, бродил с этюдником, купался, загорал. Саша тоже приехала в гости, она оканчивала медучилище. Разговорились они случайно, стали встречаться, бродили допоздна, по ночам купались. Никитин засыпал до обеда. Тетушка Саши, полная, добрая женщина, посмеивалась над ним, но чувствовалось, была довольна их знакомством. Саша тоже не торопилась вставать, у нее от сна припухали глаза, и она становилась до того привлекательной и желанной, что у Никитина сжималось сердце от предчувствия счастья и какого-то покоя. Этюды были прочно забыты, летели дни, и, наконец, пришло время расставания. Никитин привик к Саше, не представлял жизни без нее, ему казалось диким, что он сядет в поезд, и больше не будет ни прогулок, ни сумасшедших ночей, ни счастливых Сашиных глаз...

Осенью они поженились, и Саша, забеременев, говорила ему:

— Это у реки, помнишь?

Говорила стыдливо, пряча глаза, но была счастлива.

Он смело отвечал, что помнит, и долго вспоминал чудные места, жалея, что не пописал вволю...

Никитин прошел по опушке и минут через десять оказался у одинокой привольной сосны, стоявшей на окраине деревни; вдохнул полной грудью и, будто отрекаясь от прошлого, сказал:

— Дома!

Легко и радостно стало на душе, словно он действительно добрался домой, где давно не бывал, но где должен был жить. Он ускорил шаги...

В начале сентября все еще держалась теплыня, что для этих северных мест было удивительно; дни стояли погожие, по-летнему жаркие, и Никитин, наверстывая упущенное, бродил по окрестностям, располагаясь с этюдником то на опушке леса, где тихо стояли тронутые желтизной деревья, то у извилистой мелкой речушки, где над водой стелилась низко вытянутая ветка ольхи. Привольно было в одиночестве, беспешно, и мысли приходили неторопливые. Никитин вольготно растянулся на траве и думал о том, что раньше художник готовил себя к работе, воздерживался от лишнего шага, даже постился, берег себя от случайного и суетного, а теперь каждый норовит создать что-то стоящее как бы между прочим, бегая то в издательство, то в магазин и соображая в основном, как бы прожить до зарплаты. Художников много, а редко какая работа остановит взгляд, мало кто избежал житейской суеты. В этой жизни Никитину было бы достаточно иметь этюдник, крепкие ботинки и сумку через плечо, и бродил бы он по земле, смотрел на то, что еще осталось и чего завтра уже не будет... Он вздохнул, поскольку это были пустые мечтания, пустые, но приятные, повалился на спину и закрыл глаза: почувствовал, до чего же хочется жить, жить свободно, видеть себя не мужем и отцом и даже не художником, а просто человеком. Трезвая мысль о том, насколько все сложно в жизни и порой несбыточно, стылость сырой земли, холодившая спину, заставили его встать, собрать этюдник и возвратиться в развалившийся дом...

Вечерами к Никитину наведывался Радошка, засиживался допоздна, курил, жадно расспрашивал городские новости. Никитин гадал, откуда такое прозвище — Радошка, но ничего толкового не придумал, а спросить стеснялся. Радошка так Радошка, хотя радости в нем было не особенно. Когда он здоровался, то подавал руку ладонью вверх, словно говорил «Ha!». Здоровался и неизменно добавлял:

— Горе-человек!

Был он долговязым, характера ровного, спокойного и рассудительного, лицо — чистое, бритое, взгляд серых глаз был всегда внимательным и немного грустным.

Никитин знал, что Радошка давно живет бобылем, держит большой огород, сад, работает в дальнем колхозе, но больше бывает дома. Странный человек, и слухи о нем ходили странные: то говорили, что в городе у него жена и дети, которым он раз в полгода отвозит гроши; то рассказывали, как отыскал и привез умиравшей старухе сына, пропавшего двадцать лет назад. Вдвоем они и хоронили старуху, а теперь сын каждый год приезжает и живет в старом доме, ходит на погост. Никитин видел его: пожилой мужчина, тихий такой, невзрачный.

В первый вечер Радошка заглянул к Никитину на огонек, поздравил с приездом и спросил:

— Не насовсем ли? А то нам с дедом Емельяном сиротливо. Люди с огородами покончили, теперь редко кто наведывается.

— На неделю, — ответил Никитин. — А что дед? Здоров? Все так же смотрит на заход солнца?

— Живет, здоровьем бог не обидел, — сказал Радошка, устремившись на лавке. — Да только какая у нас теперь жизнь, долгие сумерки, вот такое дело... Вместе с тобою будет трое на всю деревню. А ты, значит, поработать...

— Интересно, а о чем дед думает?

— Да уж интересного мало, — как-то странно ответил Радошка. — Нам его мыслей лучше не знать.

— Что так? Странные?

— Человека можно долго дурить и гнуть в три погибели, но придет время, и он поймет. Вот тогда лучше, хотя... Радошка весело взглянул на Никитина, — можем поговорить с ним, приглядишься, может, напишешь. Из последних людей человек... А что там в городе? Ты вот вырвался...

— Еле вырвался, — признался Никитин, поведав, что произошло в издательстве и как ходил занимать деньги.

Радошка внимательно слушал, не перебивал, а потом неожиданно предложил:

— Пойдем ко мне в гости? Посидим, потолкуем, закусим чего-нибудь, а?

— Это я должен тебя угощать, — замялся Никитин, — да не просто угощать, а городскими гостинцами.

— Комод новый покажу, — уговаривал Радошка так, будто не слышал. — Комод, комодиче, деревянное днище. Год, почитай, возился. Пошли!

В доме Радошки было уютно, обжито, чисто; хозяйски прочно белела прохваченная мелом печь, отдавала теплом; пахло так, как пахнет в жилом крестьянском доме: выпеченным хлебом и укропом. Радошка усадил гостя за стол, метнулся в сени, внес миски с капустой, огурцами, нарезал сало, из печи вытащил чугунок картошки, нашлась и бутылка очищенной. Когда стемнело, включили свет и сидели, неторопливо беседуя, до полуночи. Шкаф оказался янтарно-светлым, легким с виду. Никитин похвалил работу. Радошка по обыкновению помолчал, а затем

признался, как задумался однажды: что же остается после человека?

— Ты картины пишешь, пейзажи, портреты, а я — огород, работа, что же еще...

— Послушай, а где твоя жена? Отчего ты один? — спросил Никитин, осмелев от выпитого.

— Не перескакивай, — ответил Радошка, как бы говоря, что торопиться не надо. — Была жена, да вся, как люди заметили, вышла. Так вот, решил я оставить шкаф. Думаешь, мелко?

Никитин давно понял, что Радошка любит прикинуться простачком, явить вопросик: дескать, а что ты, горе-человек, ответишь. На самом деле дошел до многого, где не может быть мелко или не мелко. Никитину пришло в голову: а отчего в заброшенной деревне остались такие, как дед Емельян и Радошка? С дедом, пожалуй, проще: куда ему ехать? Но Радошка — зачем он здесь, живет один, будто поджидает кого-то. И подумалось, что в каждой опустевшей деревне, сколько бы их ни было, остались один-два человека как укор и надежда другим.

— Послушай, Радошка, я уже давно ничего не понимаю. Почему ты здесь? Была же у тебя семья?

— Была, — твердо ответил Радошка, нахмурился, видно, не хотелось ему говорить. — Были и жена, и дети. Они и сейчас есть, живут-поживают. Жена замуж выскочила.

— Как же ты отпустил? — удивился Никитин. — Нет, не понимаю.

— Горе ты, человек. Да ведь как не отпустишь? Невозможно.

— Отчего же невозможно?

— Невозможно.

— Да ведь ты ее и теперь любишь, — догадался Никитин и уставился на Радошку. — Любишь, а говоришь — невозможно.

— Невозможно, — подтвердил тот с таким убеждением в голосе, что Никитина это должно было остановить.

— Если любишь, возможно.

— Нет! — сказал Радошка, как обрубил, помолчал. — И во всем так: никто вроде бы за руку не держит, а — нельзя. Что же такое с нами творится? Неужто на убилье пошли, а?

— Не понимаю я тебя, — повторил Никитин. — Надо было жену вернуть. Поехать...

— Ах ты, горе-человек, — засмеялся Радошка. — Зачем за нею ездить, она сама навевывалась. В дом пригласил, за стол усадил, жена все-таки, хоть и бывшая, непутевая, поговорили, и назад отправил. Думаешь, ты не так бы поступил? Точно так, по-другому невозможно.

— Что ты заладил: невозможно, невозможно.

Они еще долго сидели, толковали, в общем-то не понимая друг друга.

— Оставила нас любовь, — задумчиво говорил Радошка. — А ведь все от нее. Без любви никчемные мы люди. А она откуда? От земли. Гляди, последний крестьянин, — Радошка тыкал себя в грудь пальцем, — я да дед Емельян. Не понимаешь?

— А почему ты последний крестьянин? — допытывался Никитин задиристо. — И народ есть, и крестьяне. И будут!

— Будут, — улыбнулся Радошка, видно, ему не хотелось продолжать разговор. — Но все равно: последний... Почему? Живу на земле и от земли живу, потому и последний. Ты ведь думаешь: земля кормит человека. Нет, она не кормит, она содержит, силу ему дает, стержень. Ты вот говоришь, в городах разводятся, правильно. А привези сюда двоих таких, дай им землю и скажи: «Владейте!» Никогда не разведутся, и жизнь у них будет...

Радошка прикрыл глаза, показывая, какая будет жизнь, и Никитин с удивлением уставился на него, теперь уже и вовсе не понимая. Радошка приметил и усмехнулся.

— Сейчас тебе чудно слышать, — сказал он, глядя в глаза Никитину, — а ведь этим все и кончится. Дадут и землю, и свободу, поскольку деваться будет некуда. Одного боюсь: брать некому будет.

И после, вспоминая растрепанный их разговор, Никитин находил, что Радошка во многом прав и за его правотой стоит эта брошенная деревня. Наперекор кому или чему живет Радошка в одичавшей деревне? Неужели он и вправду верил, что наступят другие времена, пригодятся и развалившиеся дома, и такие, как он и дед Емельян? Ответа Никитин не знал, но увидел Радошку как-то по-новому. Подумалось о портрете, вспомнились глаза и обтянутые кожей упрямые скулы — если осилит это, передаст и веру, и одиночество. Написать соседа Никитин хотел давно, но все боялся начать; теперь стало еще сложнее: он думал о Радошке как о последнем крестьянине...

На другой день, перекусив и захватив по обыкновению кусок хлеба, Никитин отправился к речке и вернулся только под вечер. Вскоре взглянул и Радошка.

— Кажи, что наработал! — заявил он с порога.

Просьбе Никитин не удивился, потому что Радошка и раньше интересовался этюдами. Он выставил поближе к свету написанное в эти дни и посоветовал, что в этот приезд работаете крайне худо.

— Критикуй!

— Это и дурак сумеет, — откликнулся Радошка, не

глядя на Никитина. — А что не работаете, то нет в душе спокойствия.

Пока Радошка разглядывал работы, Никитин кинул щепок и несколько поленьев в плиту и поставил чайник. Они пили крепко заваренный чай и долго разговаривали. Никитин стал рассказывать о наскальных рисунках, вспомнил индийскую живопись с ее строгими правилами, резко прервал себя, сказав, что человек всегда хотел понять окружающий мир и выразить себя в жизни, а теперь успокоился, видать, решил, что хватит заглядывать в неизвестное. Радошка слушал не перебивая, а затем спросил:

— Как ты сказал? Чувствовали линию и цвет? Хорошо! Отчего же мы не знаем об этом?

— А вот не знаем, — подтвердил Никитин и хотел было еще пройтись по равнодушному и отупевшему человечеству, но Радошка перебил:

— Тысячи лет! — В его голосе послышалось восхищение, он хитровато взглянул на Никитина и сделал неожиданный вывод: — Тогда работай! И крепко верь, ох, как крепко! Я знаю.

А откуда знал — не сказал, ушел такой же веселый, радостный и загадочный...

На седьмой день собралась гроза. Близился вечер, солнце приметно клонилось к лесу, из-за реки выползла аспидно-черная туча, закрыла солнце, и все вокруг померкло, принокло, стало так тихо, как бывает только перед грозой. Вскоре облака затянули небо, налетел крученый ветер, зашумел, забуянил, раскачивая деревья, и на деревню обрушился сильный, явно не сентябрьский ливень. Вокруг стало гемно и сизо; в темноте отчетливо проступали зигзаги белых молний, озарявшие дома, выгон и едва черневшую колею дороги. Гром раскалывал плотный воздух так, будто сдвинулся на людей и вздумал как следует их припугнуть. Он не ведал, что деревня пуста, а двоим оставшимся не страшны были ни пожары, ни молнии, ни сама смерть...

Постепенно небо прояснилось, предзакатное солнце торопливо осветило раскисшую дорогу, дома, заборы. Блеснула набравшаяся в колеях вода, еще падали редкие капли дождя, но гроза уже откатилась дальше к шоссе.

Никитин вышел к воротам, поглядел вслед заманчивой черноте и увидел, что молния сожгла стоявшую на выезде из деревни сосну. Сгорела она на удивление скоро, а после истекла молочным дымом, уходящим вверх, и чудилось, будто там росло еще одно дерево с закрученными ветвями. Никитин смотрел на сосну, на дорогу, на быстрые сумерки, наползавшие с огорода...

Часа через два, когда Никитин собирался ложиться, в сенях послышались шаги, и непривычная рука долго нашаривала щеколду. «Кто бы это?» — тревожно подумал Никитин и открыл дверь. На него смотрело улыбающееся лицо Сергея.

— Ты?! — удивился Никитин. — Что-нибудь случилось?

— Ничего особенного, — ответил Сергей, входя в дом; был он весь вымокший, забрызганный грязью. — Не ждал? Еле нашел тебя, а тут еще и погода. Промерз до костей, ты бы нашел что-нибудь накинуть. И вот!

С этими словами он вытащил из сумки бутылку водки, поставил на стол, огляделся. Никитин подал ему старый свитер, телогрейку и стал растапливать плиту. После нарезал сала, вывалил из кастрюли холодную картошку, открыл банку кальмаров. Сергей жадно ел, проголодавшись в дороге. Никитин подрезал хлеб, гадая, что же все-таки произошло, но гостя не торопил, только смотрел, как нервно и зло тот ломал хлеб и крошил его на столе.

— Как ты тут? — спросил Сергей и, дождавись кивка Никитина, дескать, все нормально, стал говорить обо всем сразу: о записке, которую прочитал вечером, о сданной рукописи, которую должны рецензировать, потом замолчал, предложив выпить еще. Выпили.

— Женюсь, — сказал вдруг Сергей так, словно хотел поразить новостью. — Так уж получается...

— Сразу бы с этого начинал, — хмуро сказал Никитин. — Поздравляю! Что же ты — мялся, мялся, и на тебе! Женюсь!

Сергей взглянул на него и вытащил из кармана порядком измятый конверт. Никитин собрался вскрыть его, но Сергей остановил:

— Успеешь! Давай, как говорят, по лампадке.

— Давай, — кивнул Никитин, понимая, что конверт не принесет ему ничего хорошего. — Может, соседа пригласим? Толковый мужик.

— Не надо, — поспешно возразил Сергей и, показав глазами на конверт, добавил: — Я на ней женюсь.

— Ага, — не понимая в первое мгновение, ответил Никитин, опустил руку со стаканом на стол и спросил упавшим, каким-то не своим голосом: — Шутить?

Сергей молча выпил, налил остатки в свой стакан, затем смело и задиристо взглянул на Никитина. Тот резко надорвал конверт. Саша написала всего несколько слов: «Развод оформим после. Мне ничего не надо. Комнату оставляю тебе. Живи».

— Так, — сказал Никитин и тупо поглядел на Сергея. — Так, — повторил он, поднимаясь.

Сергей следил за ним напряженно, лоб его хмурил-

ся, видно было, что он готов ко всему. Но Никитин не встал, подпер голову руками и глухо проговорил:

— Вы хоть бы меня дождались.

— Старик, а чего ждешь? — как-то по-доброму откликнулся Сергей. — Жизнь у вас не сложилась, это ясно... Да и кто теперь ждет? Как говорится, не тот исторический момент. Ты мне друг, но не пойду же я против жизни? Сам подумай. — С этими словами он вынул из сумки еще бутылку и со стуком опустил ее на стол. — Давай лучше выпьем, а то меня морозит. Промерз я, натерпелся.

Никитин хмуро посмотрел на него, промолчал, но выпил. Сергей говорил, как пришел к Саше, и она стала жаловаться на мужа, а закончил тем, что литература подошла к закату.

— Что читают! — воскликнул он весело и пьяно. — Посмотри, что читают! Меня читают! Ха-ха-ха!

Никитин почти не слушал. Голова была ясной и какой-то пустой до звона. Он не понимал ни того, что произошло, ни себя, сидящего за столом: отчего он не выкинет этого иду за дверь? А «иуда», словно прочитав его мысли, весело и с каким-то наслаждением принялся говорить, что люди измельчали, запакостились, знают это, понимают, а сделать ничего не могут.

— Жену отобрал, так ведь? — спросил он, глядя на Никитина, а в угол. — Так, а ты сидишь, пьешь со мной и сделать ничего не можешь. Не можешь, и все. И я такой же, мы все теперь такие: понимаем, что не туда все катится, а сделать ничего не можем. Глупые, мелкие — все. Все-все!

Выговорившись, Сергей сник, положил руки на стол и, уронив голову на кулаки, уснул. Никитин смотрел на него, ощущая одну только гадливость, после встал и открыл дверь, чтобы немного вытянуло дым. Вышел на крыльцо, постоял, прошел к воротам. Над лесом висела красноватая луна, показавшаяся ему старой и равнодушной, как все в этом мире. И так же равнодушно подумал он об измене жены, о правоте спящего негодяя, утверждавшего, что ничего не изменишь. Тут пришло в голову, что раньше в его положении стрелялись или умирали, а теперь и это невозможно. Мысль о возможности смерти заставила Никитина глупо и возовез уж по-детски заплакать. До боли было жаль чего-то, но чего, он не понимал: возможно, недостижимой чистоты лунного сияния или такой же чистоты в самом себе...

Никитин долго стоял, думая о жизни, подошедшей к пустоте. Он не знал, как жить дальше...

Внезапно Никитин увидел идущего по выгону человека и узнал жену. Она шла торопливо, почти бежала.

— Саша, — сказал он радостно и растерянно, когда жена подошла к воротам. — Саша...

— Где этот бандит?! — злым шепотом спросила Саша, кинувшись к нему. — Ты его не слушай, не слушай. Я тебя никогда не оставлю. Слышишь, никогда!

Саша вцепилась в Никитина, прижалась к нему, показывая, как крепко она держится и никогда не отпустит.

— Да как же так? — глупо спросил он, сам не понимая, о чем спрашивает. — Как же так?

— Пришел, понимаешь, подкатился, пожалел, а баба, сам знаешь, только скажи доброе слово...

— Как же так? — невольно повторил Никитин.

— И ушла бы, — стонущим голосом продолжала Саша. — Ушла бы, сил моих больше нет, только не смогу после этого жить. Не смогу, хоть ты убей. — Она вдруг тихо заплакала, и Никитину стало понятно, что ей страшно хочется бросить его, но что-то не пускает.

— Не смогу, а так бы... — повторяла она сквозь слезы. — Не смогу...

— Пойдем в дом, — сказал Никитин, отрывая от себя жену. — Что это за балахон на тебе?

— Твоя подруга снарядила, и сын у нее остался... Налетела на меня, чертей отсыпала, ты, говорит, не понимаешь, не ценишь... А чего я не понимаю? Я понимаю... Ой, что же будет? Собирайся, и поедем домой.

— Ночью? — удивился Никитин. — Пошли в дом.

— Да не пойду я в твой дом, — сердито отрезала Саша. — Неужели ты не понимаешь?.. Поехали.

— Попутной не будет.

— Ну и пусть не будет...

Через полчаса, оставив спящего Сергея, Никитины шли к развилке. Дорога раскисла, лужи мерцали лунным светом. Когда проходили мимо сгоревшей сосны, Никитин оглянулся и увидел, как в доме Радошки засветилось окно. С опозданием подумал, что надо было забежать к нему... Саша уже успокоилась и норовила идти рядом с мужем, маленькая, жалкая в широком соседкином балахоне. Она говорила, что теперь будут жить не так, лучше, но говорила неизвестно кому, верно, себе. Никитин не слушал ее, широко шагал с рюкзаком на спине и думал, что не нужна ему ни другая, ни лучшая, да и никакая жизнь не нужна. В голове крутилось только одно: «Как же так?!»

— Как же так! — сказал он вслух с отчаянием.

— Ничего, — бодрым голосом откликнулась Саша и забормotalа: — Будем жить. Купим тебе заграничные ботинки, а мне — туфельки, и будем жить-спасаться. Что же нам еще...

Слезы катились по ее лицу, но Никитин этого не видел.

Валерий ГУРИНОВИЧ
 Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

— Скажи Мищенко — хватит... Рас-
 торгаем договор. Они там, в НИИ, пять
 лет с приводом мудрят. А толку?

— Но, Юрий Сергеевич, кое-что
 есть...

— За кое-что мы и заплатили «кое-
 что». А платить за перелицовку не бу-
 дем. Новые разработки нужны. С чем
 мы на рынок выйдем через три года?
 Ты главный конструктор, с тебя правле-
 ние и спросит.

— Разработка в миллион обойдется,
 не меньше...

— Виктор, дорогой, мы и полтора,
 и два заплатим. Было бы за что! Они

же старые узлы компонуют за такие
 деньги: мол, кооператоры не обедне-
 ют... А мы считать должны, считать...

— Юрий Сергеевич, «платежки» под-
 пишите. И вот — чеки. Вас до поне-
 дельника не будет?

— До понедельника, Алла Дмитриев-
 на.— Директор вновь обернулся к До-
 рофееву.— Ты главбуха поспраши-
 вай, стоит ли за «спасибо» деньги пла-
 тить?

Нарышкина улыбнулась понимающе:

— Я за бесплатную вежливость...

Королев улетал в Поти. Тамшний
 завод электромашинных усилителей

Директор завода-кооператива Юрий Королев.

СЧЕТ В НАШУ ПОЛЬЗУ

Непростой вопрос...

или идеалы, «кавалеристы» или прагматики, аренда или кооператив? А важно — все, что помогает из болота выбраться, очнуться от многолетней дремоты. Не противопоставлять, а соединять — не это ли насущно?..»

И еще ему подумалось: а ведь несколько месяцев назад и мы стояли перед выбором...

Московский завод низковольтной аппаратуры в электротехнической промышленности страны занимал особое место. Здесь еще сорок с лишним лет назад был собран первый отечественный строчный телевизор, да и позже продукция его пользовалась повышенным вниманием и спросом. Электроприводы для металлорежущих станков выпускали только москвичи, и даже намек на какую-либо конкуренцию не было. Брали все. И требовали, просили — еще!

Завод выполнял план, а чаще всего набрасывал «сверх» процент-другой, шли премии, вручались грамоты и знамена. Но нынче, оборачиваясь в те дни, заводчане усмеваются: «на пузе» вытягивали... «Черные» субботы, штурмовщина в конце квартала и ничегонеделание в первых декадах были привычны, как те же премии.

Словом, завод как завод — сотни таких в Москве, тысячи по стране. За них в министерских кабинетах спокойны: стабильный «верняк». В должниках не ходили, средний заработок — 216 рублей, у высококвалифицированных рабочих — и под четыреста.

— Все началось с аттестации, — вспоминает секретарь парткома Лидия Ивановна Кирьянова. — А примерно за год до этого новый директор пришел. Юрий Сергеевич Королев. Он до нас руководил опытным заводом «ВНИИ электропривода». Грамотный, спокойный, без крика... Но мы поняли: покой нам теперь будет только снится. И, знаете, обрадовались...

Ту, позапрошлогоднюю аттестацию, на заводе хорошо помнят. Она закрутила всех — рабочих, мастеров, инженеров. Так совпало: надоело «на пузе» вытягивать, а тут воздухом свежим потянуло — слово «хозрасчет» на занятиях по экономике да и в бытовках, курилках, где не прекращались споры и обсуждения нового метода хозяйствования, обрело вполне конкретные, зримые очертания.

Из чего складывается прибыль, что значит заработать заработную плату, как увязываются нормативы с производительностью труда? Почему тарифы скачут вверх-вниз, словно акции на

лондонской бирже? Вопросы, вопросы... — Мы сыты были миражами. В глгах пестрело от показателей. Одними и теми же цифрами можно было доказать, что черное — белое, и наоборот. А тут — мы себя за цифрами увидели. Вот что такое экономика!

Сергей Куклин 15 лет работает наладчиком автоматических станков. В одном цехе, на одном заводе. Прежде все эти цифры его интересовали, как он сам говорит, в одном качестве — «сумма прописью». И выходило неплохо.

— А сейчас? — Вдвое больше... И качество у этих денег иное: нужно не наряд «с умом закрыть», а работать с умом.

Еще разговор, еще штрих. Молодой технолог сборочного цеха Сергей Крук:

— Ответственность перестала быть анонимной. На сборке каждый монтажник теперь знает, что от меня зависит, что от мастера, а что от него лично...

Да, аттестация рабочих мест, аттестация итэровцев, перевод предприятия на хозрасчет — все это стало своеобразным магнитом, втягивающим в дело идеи, инициативу. Люди почувствовали, что можно работать интереснее, легче. Нет, не проще, а именно легче, не цепляясь судорожно за ускользающие сверхплановые проценты.

Но стало и другое: необходимо круто менять производственные отношения как внутри завода, так и вне его. Хозрасчет? Они ощущали его зыбкость, предугадывая министерский диктат, полусамостоятельность — финансовую и хозяйственную. В Минэлектротехпроме предложили: попробуйте аренду. Мозговали, спорили, прикидывали. Съездили на предприятия, где внедрялась аренда, и убедились: это не для них.

— Тут все на «как бы» держится. Не понимаешь? Ну, не вразуму хозяева, а как бы... Это все равно, что в одолженном костюме щеголять.

Не будем вдаваться в анализ промышленной аренды. Вполне вероятно, что мастер Виктор Лопыгин перегнул. Но все же в суждении его есть доля истины.

Впервые за долгие годы, ясно взглянув на собственный портрет в интерьере острейших хозяйственных проблем, взвесив, оценив возможности, заводчане почувствовали в себе силу для настоящего замаха, когда и удар не на копеечку...

Кооператив — вот что надобно! Узнали — есть такой опыт: подмосковный завод фиброцементных плит, вконец прогорев, преобразовался в кооператив

Слесарь Николай Лобанов — самый молодой депутат.

обанкротился. Одиннадцать миллионов долга! Это при том, что сам стоил всего семь миллионов рублей. Завод изготавливал двигатели, в том числе и для электроприводов. И вот теперь ликвидировался.

Для московского кооперативного предприятия по выпуску низковольтной аппаратуры, где как раз и делали эти приводы, такой оборот сулил нешуточные осложнения. Искать нового поставщика? Необходимо время. Да и найдешь ли в забитом «под завязку» госпроизводстве щель, чтобы влезть со своим внеплановым заказом? Даже с оплатой по договору. А найдешь, где гарантии, что не начнутся новые митарства — недопоставки, неритмичность, брак...

А что, если откупить завод, сделать его своим филиалом?

Королев вспомнил, с какой дотошностью на правлении обсуждали каждую цифру, каждый вложенный рубль. Как быстрее и качественнее реорганизовать производство? По-прежнему транспортировать двигатели в Москву или же наладить сборку электроприводов в Поти? Сколько и на какой срок ко-

мандировать туда специалистов, чтобы не инструкцией, не бумагой — делом! — поднять завод на ноги. Все обсудив, обсчитав, убедились: через полгода завод будет давать прибыль.

Вчера еще в Минэлектротехпроме СССР такой выход сочли бы за блажь, химеру, маниловщину. Отдать свой завод кооператорам?! Но сегодня в министерстве, все здраво взвесив, сказали: а почему бы и нет... Ведь полгода назад и завод низковольтной аппаратуры был в отраслевой системе. Словом, дали добро. И плюс — три с половиной миллиона (под «божеский» один процент) для погашения срочной задолженности потийцев.

«Люди там работающие, — думал Королев. — И директор, Владимир Иванович Хохобая, мужик деловой, знающий производство. А цеха запущены, бытовок нет, руки сполоснуть — и то негде. И дисциплина... Как фруктовый сезон — так прогулы. Почему? «Мой завод, мой цех» — слова и только, если для них — грязь в цехе, «дедовские» станки, туалет на улице и получка вместо заработка... В прессе спорят: что важнее для перестройки — интересы

«Березка». Выпускает паркетные плиты, которые идут нарасхват. Срочно поехали туда. Убедились — оно самое.

Теперь искушенный читатель с нетерпением ждет рассказа о том, как пришлось будущим кооператорам бороться с чиновниками-бюрократами, как упирались министерство и какие козни строил райисполком.

Разочарую, ничего подобного. И хотя Минэлектротехпрому было не очень-то выгодно терять крепкий «верняк», к решению рабочего коллектива стать кооперативным предприятием там отнеслись с пониманием. И министр Олег Георгиевич Анфимов, и его первый заместитель Анатолий Васильевич Головацкий горячо поддержали необычное предложение. С одним условием: пятилетний план по поставкам должен быть выполнен.

...В июле 1988 года Тимирязевский райисполком без всяких проволочек зарегистрировал первый в Москве завод-кооператив.

На учредительном собрании решили: паевой взнос — 500 рублей, можно в рассрочку. Повременка, сдельщина, оклады — побоку. Для всех — единый трудодень. Он «стоит» пятнадцать рублей. Дополнительная оплата (распределение части прибыли) в соответствии с КТУ. В первый же месяц заработок вырос до трехсот семидесяти...

Спрашиваю, намного ли сократилась численность работающих?

— Мы никого не сокращали, — отвечает Кирьянова. — Ушли человек сто пятьдесят. Кто призы получать, а не зарабатывать.../Расширили КБ: свежая конструкторская мысль, смелая идея — вот истинный капитал любого производства. А уж кооперативного тем паче. Мне вспомнился спор в кабинете Королева. Как он повторял настойчиво: «Мы считаем, должны, считать...» В чью пользу этот счет? Только ли кооператоров? Думаю, в нашу общую пользу.

На слуху нынче — конъюнктура рынка, конкуренция. Но, пожалуй, лишь кооператоры начинают понимать в полной мере, что это такое. И пока в госсекторе — на заводах ли, в сфере обслуживания, в общественном питании — недоверчиво мнутя возле хозрасчета, как барышни у речки, пробуя, а не студено ли, кооператоры ахнули в воду, порой и не ведая, где этот самый брод.

Рискованно — согласен. Но кооперативное движение сегодня схоже с разведкой. Это — разведка боем в тылу бесхозьяственности, «экономной экономики», закостенелой лениости ума и действия. И это же — прорыв в завтрашний день.

Их называют делегатами и идеалистами, фанатиками и рвачами, отменными организаторами и хитроунами. Что ж, кооператив кооперативу рознь. Тридцатикопеечные пирожки (будто начиненные не нашей отечественной, а заморской капустой), шашлыкный дымок, уносящий наши червонцы и слабые надежды на скорое изобилие, московский Рижский рынок, где штаны оцениваются в месячную зарплату инженера, — это нахиль. И по меньшей мере опрометчиво судить по ней о «вкусе» всего кооперативного движения.

Более двухсот тысяч москвичей трудятся сегодня в кооперативах. Инженеры, рабочие, учителя, врачи, конструкторы, исследователи, программисты — мастера первой руки (неумехам там попросту нечего делать). Так что же, все они — рвачи и выжиги?! Не верится... Ведь именно кооператоры, не только с телевизора, а трудом своим дают нынче новое толкование НЭП — Наведению Элементарного Порядка.

Это — стержень деятельности и завода-кооператива. На тех же производственных площадях, с той же техникой и оборудованием, при меньшем числе работающих промышленные кооператоры резко увеличили выпуск продукции, причем продукции качественной (вот когда заработал лозунг: «Лучший контролер — рабочая совесть!»), значительно повысили производительность труда. В нынешнем году планируется доход в 12 миллионов. Как распреде-

лятся эти деньги? Три миллиона — государству, 5,2 — фонд заработной платы, остальное — на социальное-бытовое строительство и техническое перевооружение предприятия.

Наведение элементарного порядка — первый, но очень существенный шаг.

В повестке дня одного из общих собраний среди прочих вопросов значился и такой: исключение из кооператива бригадира П. За что же исключали рабочего, еще вчера числившегося в передовиках, чей портрет неизменно красовался на Доске почета? За приписки! Он не калялся, не оправдывался, искренно недоумевал: как же так, не для себя, для бригады старался! Чтобы зарплата «красиво нарисовалась». Прежде такие «художества» проходили. Знали — приписывает, обманывает. И молчали — в бригаде, цехе, на заводе. Сегодня заговорили, да так, что бригадир опешил. И если по другим вопросам кооператоры спорили, высказывая различные, иногда прямо противоположные мнения, то здесь были единодушны — исключить!

— Да не рублей этих, что ты тайком в карман сунул, жалко, — выкрикнула одна из монтажниц. — Бог с ними! Ты на доверие наше наплевал, вот что обидно. Ну, как теперь с тобой работать? Оглядываясь поминутно, не обманешь ли...

(Знаю, что П., считая себя несправедливо, незаконно уволенным, подал в суд. Как обернется дело — никто не знает. А вдруг по решению суда вернется вороватый бригадир на завод? Вопреки решению коллектива, профсоюзного комитета...)

Почти треть работающих здесь — молодежь. Секретарь комитета комсомола Володя Сапрыкин — инженер в бюро инструментального хозяйства.

— Раньше я был «подснежником»: получал инженерную ставку 160 «рз» и крутился между бумагами и райкомом. Отчеты, планы, справки, заседания... К концу дня — с ног валишься, а конкретного дела — почти ноль. Хотя в райкоме были довольны: взносы — без задержки, собрания — по графику, планы — «рост рядов» — в порядке.

— А теперь?

— Зарабатываю триста, для общественной работы освобожден один день в неделю. Здорово помогает комитет, группкомсорги. Ребята видят, что на производстве вкалывают наравне со всеми, не «белый воротничок»... Скажу честно, легче стало. Да и в райкоме к нам, первичкам, отношение иное: не на бумаге, на дело смотрят...

Я разговаривал со многими комсомольцами. Все сходятся в одном: жизнь заводской молодежи стала ярче, интереснее. С тех же субботников не безмянные деньги на безмянные нужды перечисляют, а конкретно: свои, заработанные — в Фонд культуры, в Фонд воинов-интернационалистов. Ребята в выходные работают на реконструкции заводского пионерского лагеря, создают творческие молодежные коллективы, которые нацелены на решение самых острых производственных вопросов. Подумывают об МЖК...

Завод-кооператив молодеет. В отделе кадров мне сказали, что средний возраст тех, кто пришел сюда в эти полгода, чуть выше тридцати лет. (Из управленцев самый «старый» — сорокасемилетний председатель-директор.) Немало ребят, только-только отслуживших в армии.

...Андрей Дюков окончил электромеханический техникум. На этом заводе проходил преддипломную практику. Воевал в Афганистане. Был ранен, награжден двумя медалями. Сейчас — электромонтажник.

— Меня отговаривали — в кооперативе, дескать, работа без продыха, там лишь деньги заколачивают. Чего скрывать, после армии деньги нужны. Я ведь человек семейный, а где еще 350 в месяц зарабатую? И все же, конечно, не деньги главное. Отношения между людьми добрее стали. Мне это наш взвод напоминает: без товарищеской выручки, без доверия — хана...

Две тысячи четыре человека (вме-

сте с «договорниками») работают на кооперативном заводе НВА. Есть и «до черные» предприятия: кооператив «Селект» — разрабатывает автоматическую систему управления, «Каучук» — налаживает производство пластмасс, «Символ» — ведет на заводе реконструкцию и новое строительство... А теперь вот и завод в Потю...

Я спросил у Юрия Сергеевича Королева, так ли уж все гладко, безоблачно?

— С поставщиками стало сложнее. Для них мы кто — частники! Если нам не поставят вовремя комплектующие, министерство сквозь пальцы посмотрит, а попробуй госзаказ сорвать? Так что от «авралов» не избавились пока. Правда, уговаривать людей не нужно, работают в полную силу.

Другое тревожит всерьез. До сих пор ни Госплан СССР, ни Минфин не могут четко определиться в отношении промышленных кооперативов. А ведь уже действуют «Березка», мы, создаются аналогичные предприятия в Харькове, Магадане... Думаю, в нынешнем году сотни небольших заводов захотят включиться в кооперативное движение. Кому разрешат, а кому и нет...

На мой взгляд, вся наша легкая промышленность должна стать кооперативной, большинство предприятий Минбыта, пищевая переработка, да и заводы Минэлектротехпрома — все! — вполне могут быть заводами-кооперативами. Возникнут новые, более прочные хозяйственные связи, маховик экономической реформы наберет скорость, мощь... А пока он медленно, со скрипом проворачивается.

С Королевым можно спорить — но не увидеть разумного делового зерна в его размышлениях нельзя. Ведь уже сегодня завод-кооператив приносит ощутимый доход государству.

Многие директора предприятий ломают головы, сокрушаются, как заставить рабочих трудиться честно, качественно. А надо ли заставлять?

Королев и его команда выбрали иной путь, четко усвоив посыл: свобода — это осознанная необходимость. В том числе и труд, освобожденный от бессмысленной заорганизованности.

— Мы выпускаем только то, что требует потребитель, — говорит Юрий Сергеевич. — Он, а не чиновники, диктует спрос. Нужны миксеры, фены, удлинители — пожалуйста. Станкостроителям современные приводы? Кооператив внедряет в производство любую новинку вдвое, втрое быстрее госпредприятия... Будем строить туристический кемпинг на Клязьме, пансионат в Потю, откроем фирменный торговый зал. Деньги должны делать деньги...

Чрезмерные ревнители чистоты социалистического способа производства страшат нас тенью капитализма, которая вот-вот затмит отечественную экономику. Памятуют горьковские слова, скажем: нас пугают, а нам не страшно. Потому что ленинская мысль о кооперации, кооперативах сегодня реализуется все с большим размахом.

P.S. Когда материал был уже подготовлен к печати, произошли трагические события в Армении. В те дни в Ленинакане на заводе шлифовальных станков находились в командировке инженеры-конструкторы московского завода-кооператива Михаил Борблик и Юрий Колганов. Михаил Борблик погиб.

— На моих глазах, — рассказывает Юрий, — девятиэтажное здание заводоуправления сложилось «гармошкой». И сейчас вижу этот ужас... Живыми откопали всего человек 10—12...

Тело Борблика из Ленинакана в Москву привезли Михаил Берендеев и Владимир Фоломкин. Пять суток почти без сна они работали на расчистке заводских руин.

— Мы видели огромное человеческое горе. И мужество. И настоящее братство...

Сто тысяч рублей перечислил завод-кооператив НВА в фонд помощи Армении.

Ирина МАЧУЛЬСКАЯ,
специальный корреспондент
«Смены»

Володя Пехтерев, первый секретарь Мценского горкома комсомола, сидел в зале рядом со мной, сосредоточенно уткнувшись в многоотражку. Началась отчетно-выборная партконференция завода алюминиевого литья. Уже занял свои места единогласно избранный президиум, уже вышел на трибуну докладчик и принялся читать речь о «производственных успехах и недостатках». А о Владимире Пехтереве забыли, никто даже не упомянул его имени в числе присутствующих, словно он, комсомольский секретарь, был человеком-невидимкой...

— Почему именно к нам, в Мценск? Профессиональная тайна? — понимаю, уже усмехнулся Пехтерев. — И так ясно: Орловская область на подъеме, вот и заспешили к нам журналисты. Вас, конечно, будет интересовать сельское хозяйство...

Он очень удивился, узнав, что меня интересует подготовка горкома комсомола к выборам в Советы.

— Но ведь никаких инструкций по выборам не поступало ни к нам, ни в горисполком, — пожал плечами Владимир. — Разведем самостоятельность, а потом окажется, что нагородили не то. Ведь только конец октября...

Конечно, можно упрекнуть комсомольского секретаря в том, что не очень-то стремится он к самостоятельности. Но так ли уж велика его вина, если наша инерция и привычка ждать инструкций сильнее нас самих?

Пехтерев привык, что предвыборная кампания начинается не после Указа Президиума Верховного Совета СССР, а по указанию горкома партии. Ему и в голову не придет что-то предпринять самому, пока не появится на столе бумажка, спущенная с верхних этажей самого заметного в городе здания, где кандидаты в депутаты будут расписаны, как по нотам. Трудно только остаться — «провести» этот список член-рез бюро.

Не вина, наверное, — беда его в том, что, числясь в политической организации, коей считается комсомол, он и понятия не имеет, как заниматься этой самой политикой. И поэтому немудрено, что, пожалуй, самым главным в своей работе Пехтерев считает организацию досуга молодежи, хотя похвалиться мценскому комсомолу тут особо нечем. Конечно, дело это важное, но неужели все молодежные проблемы замыкаются именно на досуге?

Как засветилось лицо Володи, когда он достал из шкафа уже начинающий

желтеть рулон бумаги и осторожно, как драгоценную реликвию, расстелил передо мной!.. На эскизе было изображено двухэтажное красного кирпича здание с арочными сводами, широкой лестницей, ведущей на второй этаж, коваными люстрами-фонарями. Это проект будущего городского молодежного центра. Идею его создания вынашивал еще предшественник Пехтерева.

Молодежный центр — лишь часть задуманного энтузиастами плана реконструкции исторического центра города, где много старинных зданий, помнящих более заботливых хозяев. Уже давно подготовлены все расчеты...

— Когда мы несколько лет тому назад обратились за помощью в горисполком и горком партии, — вспоминал Пехтерев, — нам ответили примерно так: «Идите и занимайтесь своими делами, хотя занимаетесь вы все равно ерундой».

Не знаю, какой смысл вкладывали в свой ответ «отцы города», какими именно делами предлагали заниматься горкому комсомола, но в чем-то они были, несомненно, правы. Массовые спортивные пробеги, КВНы, помощь воспитанникам детских домов, мотокроссы, о которых с гордостью рассказывал Пехтерев, — все это, конечно, здорово. Но при одном условии: если бы комсомол занимался одними только культурно-массовыми мероприятиями. А ведь в Уставе ВЛКСМ записано, что комсомол — общественно-политическая организация, призванная защищать интересы молодежи.

Но, может, у городской комсомолки нет проблем? Или она нашла чудесный эликсир, ислив который, советские и партийные органы кинулись помогать молодежи? Увы. Чуда не произошло. В Мценске острая нехватка жилья для молодежи, не устроен быт молодых специалистов, принцип «еще успеют» здесь действует во всем.

Так, значит, есть все-таки, где проявить комсомолу настойчивость и требовательность?

Нельзя, конечно, обвинять горком ВЛКСМ в том, что он мирно дремлет, взирая на социальную несправедливость по отношению к молодежи. Бывают всплески и озарения, но какие-то уж очень робкие. Вот, например, выступает секретарь комитета комсомола завода алюминиевого литья Игорь Старых на отчетно-выборной партконференции предприятия. И говорит как будто все правильно: о том, что комсомольская работа — лишь часть воспитания молодежи; что обвинения молодых в эгоизме часто необоснованны, ибо молодым людям, как и всем остальным, нужны жилье, хорошая зарплата, возможность для полноценного отдыха; что авторитет комитета комсомола зависит во многом и от того, как поддер-

живают его партком завода, администрация. Но в его голосе столько просительных, неуверенных интонаций, что все правильные мысли тонут в жалобах на судьбу и просьбах о помощи. И почему-то Игорь ничего не говорит о том, что секретаря парткома на заседании комитета комсомола и цеховые собрания не дозвешся, что администрация перестала выделять, как раньше, комитету одну-две квартиры для поощрения молодых активистов... Бойтся комсомольский секретарь? Сам ведь живет с семьей у родителей и стоит в очереди на жилплощадь...

«У нас горком комсомола по рукам и ногам связан», «чтобы я пошел туда за помощью? Вот насмешили! Как скажет администрация, так и будет». — Такие отзывы мне приходилось слышать в Мценске не раз. Неуверенно защищает интересы молодежи горком, нет у него самостоятельности, — в этом, думаю, причина непопулярности. Не обходится здесь, вероятно, и без влияния «старших товарищей», которые искренне не считают, что молодежь не от кого и незачем защищать.

Но как же горком ВЛКСМ может реально помочь молодым мценцам, не обладая ни законодательной, ни исполнительной властью, не располагая денежными средствами? В основном через свое участие в Советах! А для этого нужно найти настоящих лидеров и выдвинуть их в депутаты. Кто как не горком комсомола вместе со своим активом, с представителями самостоятельных организаций должен подготовить политическую программу для своих депутатов?!

Готовы ли к такой работе мценские горкомовцы?

Право, не знаю, что может воодушевить их на подвижничество, если сам первый секретарь относится ко всей предвыборной «суете» весьма скептически, похоже, не надеясь на успех. Ему, как и аппарату горкома, приходится балансировать между «начальством», которого над молодежной организацией более чем достаточно, и комсомольцами. Но можно ли быть одинаково хорошим для всех? Тем более что, по признанию самого Пехтерева, его как работника ценят «наверху» не за собственное мнение и инициативу, а за умение быстро выполнять поручения.

Беда в том, что и «первые лица» в городе не особенно-то стремятся к контактам с комсомолом. Прямой телефон, связывающий кабинеты первых секретарей горкома партии и комсомола, молчит уже год. О моей встрече с городскими руководителями Пехтерев договаривался через третьих лиц. Занятостью, конечно, можно оправдать многое, но вряд ли — отношение к молодежным проблемам.

Хотя внешне все обстоит благопри-

ятно. На словах-то председатель горисполкома Л. Гомонов городскому комсомолу чуть ли не отец родной. И комсомольским-то инициативам здесь дают «зеленую улицу», и вздыхают о том, что среди молодых депутатов так мало активистов, а уж они, ох, как нужны сейчас городу!..

— Я бы так сформулировал свою предвыборную платформу в отношении молодежных проблем, — говорит Леонид Александрович. — Приближение культурных центров к месту жительства, акцент на нужды молодых семей. В новых микрорайонах по социально-культурному плану развития города предусматривается устройство комнат, кафе, клубов по интересам. Скоро будет сдан дом для учителей на шестьдесят квартир, там мы хотим открыть клуб отдыха для молодых педагогов. Есть идея создать научно-технический центр для молодых специалистов...

Замечательно! Правда, многое пока лишь в планах. Тот же Л. Гомонов говорит о том, что никак не возьмет в толк, почему, например, «молодежь не идет в спортивные секции и дома культуры, а расплзается по подвалам». Видно, мол, формы работы у комсомола с молодежью не те... А какие же «те»? И так ли уж плохо, что «расплзаются по подвалам», которые сами же и оборудовали?

А, может, дело даже не столько в формах, сколько в том, что этих культурных центров для тридцатитысячного молодого населения в городе явно недостаточно? И пока светлое будущее с избытком новых спортивных сооружений, клубов не наступило, почему бы не помочь приспособить для отдыха молодежи пресловутые подвалы? Тем более, что в Мценске немало талантливых людей, к которым тянутся подростки. К примеру, Н. Бондарев ушел работать с высокооплачиваемой должностью на заводе руководителем подросткового клуба от СПТУ-18. Около ста человек занимаются в секции атлетической гимнастики у тренера Н. Маслова, кстати, в подвале. Все оборудовано самими спортсменами, от желающих попасть в секцию нет отбоя. Директор СПТУ-3 В. Александров провел со своими ребятами операцию «Подвал», результат — открыли новое молодежное кафе.

Другое дело, что подвалы, даже самые роскошно обставленные, вместить всех желающих не в состоянии. Многие молодежные клубы распадаются именно из-за нехватки помещений. Так, «бездомным» оказалось объединение воинов-интернационалистов. Некому отстаивать их интересы.

— Но ведь у нас и сейчас есть молодежные депутаты! — сказали мне.

Есть-то они есть, да выбраны-то в свое время были в основном по разнарядке. Все они хорошие люди, замечательные производственники, но вот в исполкоме чаще всего в роли почетных гостей.

Когда я спросила Наташу Новикову, лаборанта центральной заводской лаборатории завода алюминиевого литья, какую программу она могла бы предложить своим избирателям на выборах, девушка растерялась. После длительной паузы призналась, что не думала об этом. Какие дадут наказания, такие и бу-

дет выполнять...

А какую политическую платформу собираются предложить первый секретарь горкома КПСС на предстоящих выборах? Ведь он, вполне возможно, будет одновременно и председателем исполкома.

— Опора на молодежь, — ответил Владимир Ксенофонтович Петухов. — Не век же нам занимать эти кресла. Надо подумать и о преемниках.

Только не очень-то вьется это с тем, что довелось мне увидеть в Мценске. Понуканий, нравочений хватает, а вот что касается опоры... Трудно сказать, подставит ли мценская молодежь свое плечо, если все знают, к примеру, что с появлением нового хозяина в «правительственном» доме опять, в который уж раз затевается капитальный ремонт. Там и в мой приезд кипела работа, кооператоры укладывали в вестибюле мраморные плиты. А вот денег на строительство молодежного центра не хватает...

Не думаю, что симпатии у молодежи вызывает и то, что первый секретарь ГК КПСС относится к лидеру комсомола достаточно сдержанно. Ну, не приглянулся ему, человеку суровому и немногословному, Пехтерев, но разве это повод для прохладного отношения ко всем комсомольцам города?

Может, потому на партконференции завода алюминиевого литья «и не заметили» комсомольского лидера, а секретарь парткома завода Н. Шестаков уделил в своем докладе заводскому комсомолу всего две строчки?

Увы, из беседы с Владимиром Ксенофонтовичем Петуховым я так и не уяснила, как, например, горком партии поддерживает начинания молодых, кого из молодежных лидеров знает. Зато познакомилась с личными взглядами первого секретаря на семейное и трудовое воспитание, его точкой зрения на проблемы сельской молодежи. Но ведь и у городского комсомола их немало! Я рассказала Владимиру Ксенофонтовичу о том, как вспыхивают конфликты между группировками молодежи района «В» и обитателями «предместья», почему текучесть кадров среди молодых рабочих самая высокая (из-за нехватки жилья, низкой заработной платы). Повела и о беде ребят из СПТУ-3, операторов ЭВМ, которые после окончания учебы остаются безработными, потому что на заводе Мценска ЭВМ еще очень мало, и о том, как отмахнулись реставраторы, восстанавливающие памятники архитектуры, от помощи школьников и будущих молодых рабочих...

Не берусь судить, должен ли был знать об этом первый секретарь горкома партии, ведь работает он здесь всего год. И в то же время год, наверное, не такой уж малый срок для того, чтобы увидеть, чем и как живет городская молодежь.

У меня сложилось впечатление, что мценская молодежь к выборам в Советы не готова. Можно наверняка упрекнуть в этом и комсомол, и советские, и партийные органы. Горком ВЛКСМ ждет инструкций, партийные органы и Советы смотрят на это сквозь пальцы, потому что сами, похоже, толком не знают, как ему помочь. А может, и не хотят?

ЕМОСТЬ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РУКОВОДИТЕЛИ

Степь ковыльная.

и люди иного замеса и склада — Третьяков, Цветков, Морозов, Солдатенков, Ляпин. Как много они сделали для русской школы живописи! Нашлись меценаты и среди прижимистого купечества Войска Донского. Они снарядили Ивана Крылова в дорогу, а затем обеспечили скромной стипендией.

Пейзажной живописи Крылов учился у старых мастеров. Среди студентов бытовала поговорка: «В Академии стены учат». Действительно, импозантное здание на Васильевском острове больше всего напоминало музей.

В семидесятые — восьмидесятые годы прошлого столетия ландшафтным классом Академии художеств руководил передвижник Михаил Константинович Клодт. От него, честного и бескорыстного человека, Крылов воспринял не приемы, а главное, сердцевину художественного метода — реализм, которому не изменял до конца своей долгой творческой жизни, несмотря на все соблазны капризной живописной моды. Вместе с тем в его крупных

ТАМ, ГДЕ РАСТЕТ КО

Автопортрет.

Борис ЗОТОВ

Купальня.

...Родился Иван Крылов в декабре 1861 года в казачьей семье. Отец, фельдшер станицы Елизаветинской, имел медаль за воинскую доблесть, проявленную в боях за освобождение болгар от турецкого ига. Мать вела хозяйство, кое-как сводя концы с концами.

Рисовать Ваня начал очень рано, без всяких учителей и правил. На смоленом каючке заплывал на середину Дона, доставал припасенный лист бумаги, карандаш... И рисовал, рисовал взахлеб. С красками Иван познакомился позже, в новочеркасской Платовской гимназии.

Способности юного Крылова оценил один новочеркасский купец. Он дал совет: ехать в Петербург, в Академию художеств.

Немало справедливо-злого говорено о темноте, буйстве и отсталости русского купечества. Но были среди жадных до денег коммерсантов

работах видны следы воздействия «старого академизма» — строгость, подтянутость в рисунке, выверенная композиция, некоторая локальность цветовых пятен — как говорят художники, «дробность цвета».

Академия многое давала. Но и брала многое. Не все выдерживали, даже талантливые ученики подчас были не в силах пройти через жернова академической требовательности. Ушел из академии, отказавшись от выпускного конкурса, земляк Крылова Николай Дубовской — его вольной душе претила чиновничья система руководства искусством, вызывал «грандиозное отвращение» дух рутинности, царивший в здании на Васильевском острове. Впрочем, Дубовской успел получить за успехи четыре серебряные медали и впоследствии не отрицал основательности полученной профессиональной подготовки.

Крылов выдержал испытание на прочность и преодолел все трудности академической школы. В 1888 году, после девяти лет упорных занятий, он завоевал три серебряные

Аул Джиряхи.

ВЫИТЬ...

медали и звание классного художника. Началась жизнь на вольных, как говорится, хлебах. Но вблизи нива столичного искусства легкой не оказалась. Случайные заработки художника без имени, без протекции, без поддержки какого-нибудь мощного клана плохо кормили только что созданную Крыловым семью. Приходилось брать чертежную работу, заниматься чуть ли не вывесками. Молодая жена шила на заказ.

Несмотря на все усилия, работы начинающего пейзажиста «не шли». Доброжелатели уговорили перебраться в Москву и попытаться счастья там — в старой столице и жизнь была подешевле, и не так, как в Петербурге, давила конкуренция со стороны именитых.

И все же успеха настоящего, большого, прорыва в верхний эшелон

Зима.

Развалины дворца князей Шеремиды.

признанных живописцев не было. Жизнь в Москве, поманив, обернулась теневой стороной. За снятый на окраине города флигель с каждым годом приходилось платить все дороже. А главное — в живописи повеяло новыми ветрами, началась переоценка ценностей, помка взглядов. Сокрушались кумиры и тут же воздвигались новые. Под ударами идеологов нового творческого объединения «Мир искусства» зашаталась такие корифеи, как Репин, Суриков, Васнецов, Поленков; их живопись, по словам критиков, отставала от требований бурного века. Сорокалетний классный мастер Иван Крылов с его реалистическими взглядами оказался в числе «устаревших», но в отличие от своих старших единомышленников, успевших заслужить признание, он не имел прочной материальной основы существования. Вместе с веком стоял он на перепутье...

Пришлось отступать. Родная донская земля должна была дать силы художнику начинать свой путь в искусство сызнова. Крылов переехал на Дон, в Новочеркасск. Как оказалось, уже навсегда.

Природа нижнего Дона, жаркие калмыцкие степи, Азовское море, упругий бег ветра по ковыльному серебряному раздолью — все это ху-

дожник увидел, принял, понял, почувствовал будто бы вновь. Появившиеся картины высоко ценила и покупала местная интеллигенция — врачи, адвокаты, учителя, музыканты, артисты. Кое-кто приходил брать уроки рисунка и живописи.

Крылов стал вновь потихоньку выходить с картинами на весенние академические вернисажи; он посылал свои пейзажи на провинциальные выставки, но большого успеха не имел. Однако в мастерстве он продвигался вперед. Его кисть стала свободней, послушней, мазок точней. Он подходил к вершине, к высшему пределу своих творческих возможностей.

Давнишней мечтой Ивана Ивановича была поездка в Париж и в Италию. Своими глазами увидеть шедевры мирового искусства, сосредоточенные в Лувре, войти под своды римского собора святого Петра, постоять перед полотнами знаменитых венецианцев, сделать наброски с кампанилы и соборов Сан-Марко... В среде художников такая поездка считалась почти ритуальной, но необходимая сумма свободных денег собралась лишь к 1910 году. Вояж состоялся и занял более трех месяцев. Ознакомление со старым и новейшим

Фото
Владимира БОГДАНОВСКОГО

Снимки эти — кусочки жизни студенток Челябинского института культуры. Быт, который можно стыдливо назвать скромным, незатейливым и который в официальных документах именуется «отлично налаженным», объектив Владимира Богдановского рассматривает под иным ракурсом.

...Постирушка в комнате, здесь же — обед «на ходу», утренний макияж и сигарета перед чашкой чая... Карандашный набросок подруги (зачет? курсовая?), а рядом готовится ужин. И гитарный перебор: минуты отдыха, отрешенности от жгучего, то-ропливого желания «успеть!».

По большому счету, здесь ничего не происходит. Все, как в популярной песенке тридцатилетней давно-

крыша над гол

сти: «В общежитии девчат фотографии висят, дремлют ленты на гитарах и будильники стучат...» Обыденность — не это ли зафиксировала камера фотографа? И еще, вторым планом, какая-то, может, едва уловимая неуверенность: а что завтра?

Тысячи молодежных общежитий в стране. Разных — студенческих и рабочих, показательных и развальных. Но тех, кто живет в них, роднит одно — чувство временности. Они будто на вокзальном перроне: вот-вот подадут состав, и — здравствуйте, иная жизнь, иные места!

А пока — общежитие... Общий дом? Крыша над головой? Нет, скорее, пристанище. Мостик между вчерашним и завтрашним днем. Разве немало у нас таких судеб, коротающих тут долгие, долгие годы? Казалось бы, все обустроено, обжито, а все равно — пристанище.

Человеку необходимо свое гнездовье. Родной дом, очаг — в нем и уверенность, и теплота, и свет, и людское достоинство. Ведь с детства и до глубокой старости, до крайнего дня не временные мы на этой земле.

Чем же и как обратить общежитие в такое гнездовье? Чтобы быт обернулся бытием, а не обыденной скукой?

Подумаем сообща...

Михаил АЛЕКСЕЕВ

НОВОЙ

Этого момента ждал весь теннисный мир. И не только теннисный: вся Федеративная Республика Германии затаила дыхание у экранов телевизоров — на этот вечер отменены были деловые встречи, походы в рестораны и театры, а канцлер Гельмут Коль лично позвонил в США и пожелал удачи 19-летней звезде тенниса Штеффи Граф. А на другом конце земного шара, в Аргентине, телеантенны были также настроены на нью-йоркский теннисный центр Флашинг-Медоуз, но молились там за другого кумира — грациозную красавицу Габриэлу Сабаттини, по своей популярности в стране превзошедшую даже Диего Марадону. Новости политики, биржевые катаклизмы, курс доллара — все ушло на второй план, потому что в тот вечер должно было произойти событие историческое, независимо от будущего результата финального матча открытого первенства США. Победит Граф — и тогда она станет третьей в истории тенниса обладательницей Большого Шлема; победит Сабаттини — и она не только выиграет свой первый турнир такого ранга, но и прославится как игрок, вставший на пути непобедимой Граф. В Аргентине ждали чуда, во всем же остальном мире не было сомнений в победе Штеффи.

И вот матчбол. Подает Граф, и Сабаттини чудом успевает подставить ракетку, растянувшись в немислимом шпагате. Мяч взмывает по высокой траектории и опускается у самой задней линии противоположной стороны корта. Не спеша, мелкими шагами Штеффи забегает под свой коронный удар справа, от которого еще никто не придумал спасения. Предугадать, что будет дальше — удар по линии, обратный кросс, — невозможно, как невозможно предсказать рикошет пули. В последний момент Штеффи успела заметить, как Сабаттини начала перемещаться, готовясь к приему кросса, и, чуть повернув кисть руки, послала мяч по незащищенной линии. Удар был резок и точен, и Габриэла только глазами успела проводить желтый мяч, а ее отчаянное «Нет!» потонуло в невообразимом реве трибун многоотсычного стадиона. Большой теннис приветствовал новую королеву: 35 лет спустя после Морин Конноли и 18 — после Маргарет Корт ею стала Штеффи Граф. На центральной трибуне Питер Граф — отец чемпионки, ее первый тренер и менеджер — не скрывал слез счастья, а сама королева — как всегда спокойная и невозмутимая — укладывала ракетки в чехол.

Я не знаю, с чем можно сравнить выигрыш Большого Шлема — победы в течение одного сезона в четырех самых престижных теннисных турнирах, собирающих всех сильнейших мастеров мира: открытых первенствах Австралии, Франции, США и в Уимблдоне. Пожалуй, в футболе это равнозначно тому, что сборная выиграет подряд чемпионаты мира и континента, и еще Олимпийские игры. Большой Шлем — главная мечта любого теннисиста, но, вследствие узкой специализации игроков и жесточайшей конкуренции, чаще всего он остается мечтой. Дело в том, что четыре главных турнира проводятся в течение одного сезона, а выйти на пик формы четыре раза в год при нынешних нагрузках просто невозможно, немисливо. И еще: все турниры играют на кортах с разными покрытиями — от травяного газона Уимблдона до бетона Флашинг-Медоуз и толченого кирпича Ролан Гарроса — а это такая же разница, как спать на мягкой перине или на каменном полу. Кто-то лучше играет на «быстрой» траве, но уступает на «медленном» грунте, кто-то наоборот. И надо иметь феноменальное дарование, чтобы одинаково уютно чувствовать себя везде. Определение «феномен» наиболее применимо к Штеффи Граф.

Впервые это имя промелькнуло в наших газетах, не слишком балующих нас теннисной информацией, весной 1982 года. На турнире девушек до 18 лет в Западном Берлине наша восходящая звезда Юлия Сальникова получила в соперницы в четвертьфинальном матче мало кому известную 13-летнюю теннисистку из ФРГ. Сальниковой к тому времени исполнилось 17, и это были годы расцвета ее дарования. У наших тренеров были, казалось, все основания с оптимизмом смотреть в полуфинальное будущее. Но, как говорят, нашла коса на камень. Худенькая, стройная девочка носилась по корту, как тайфун, вытаскивая самые «мертвые» мячи, и методично дожимала соперницу не по годам мощными ударами справа. Юля продержалась половину первого сета, на большее ее не хватило. «Трудно играть против крупнокалиберной пушки», — комментировала она свое поражение. Вот тогда-то в нашей картотеке и появились имя Штеффи Граф и жирный знак вопроса рядом. Имя означало, что к этой девочке надо относиться серьезно, а вопрос оставлял место сомнениям относительно ее будущего. Любый вид спорта — а профессиональный теннис в особенности — знавал немало вундеркиндов, в юные годы щедро выплескивавших свой талант и потом тихо и незаметно сходящих с дорожки. Спортивный талант сам по себе значит, конечно, много, но еще больше судьба его зависит от тренера. Только в руках хорошего ювелира алмаз становится бриллиантом, и таким ювелиром для Штеффи стал ее отец.

Когда он впервые привел четырехлетнюю дочь на теннисный корт, оказалось, что девочка и ракетка, которую ей дали в руки, были примерно одного роста. Проблемой была решена немедленно: Питер Граф взял и отпилил от ручки значительную часть. Этот факт напоминает мне сегодняшние «страдания» родителей наших юных теннисистов, которые роют землю в поисках суперновейших и супердорогих ракеток для своих чад, делающих еще только первые шаги в теннисе. Все «зациклены» на одной идее: только первоклассное импортное снаряжение дает шансы стать чемпионом. Да разве в этом дело!

Штеффи Граф пришла в теннис во времена, когда о графитовых ракетках и талочках со сложной комбинированной подошвой, которые «сами бегают», еще и речи не было. Зато были требовательный тренер, собственное огромное трудолюбие и четко выверенная система тренировок.

Это сейчас Штеффи позволяет себе выходные от тенниса дни и даже небольшие каникулы, а было время, когда тренировки отнимали у нее по 8 часов в сутки. Отнимали ли? Теннис, как и любой вид спорта, для спортсмена жизнь: в нем радость и горе, победы и поражения. Как же может жизнь отнимать время?

Я не верю спортсменам, когда они начинают рассказывать о тяжелом труде на тренировках, о сотнях пробегаемых ими километров, о тоннах поднятых тяжестей. Либо они кокетничают, либо они спортсмены без будущего. Те, кто видел тренировки Граф, рассказывают даже не о том, ЧТО она делает, а о том, КАК она делает. В отличие от многих других в ее глазах совсем нет танталовой муки, даже когда она на одной ноге прыгает по ступенькам двадцатипятиэтажного отеля с грузом килограммов в 20 на плечах. Усталость — да, есть. Но еще и радость, какую дарит любимая работа, радость предвкушения будущих побед, просто радость мышц здорового тела. И когда она на тренировке часами обрабатывает свой знаменитый удар справа, во всем ее облике чувствуется нетерпение поскорей увидеть растерянного соперника, провожающе-

го глазами неберущийся мяч.

В семь лет она впервые обыграла отца, и Питер Граф понял, что детская забава уступает место серьезному отношению к теннису. Мало-помалу ее стали подпускать к турнирам, сначала детским, потом, когда ей стало скучно обыгрывать заметно уступающих по уровню девочек, в старших возрастных группах. Тренеры Граф не форсировали события, осторожно вводили ее в мир тенниса, чтобы психологически не надломить юную спортсменку. График соревнований Штеффи никогда не был излишне напряжен, в нем всегда находилось место отдыху, в отличие от изматывающей турнирной свистопляски, в которой крутится большинство других игроков. С немецкой тщательностью и пунктуальностью достижению каждой цели отводилось определенное время. Как эта методика не похожа на ту, что бытует у нас, когда спортсмена выжимают, как губку, и, еще не достигнув расцвета, он уже ненавидит тренировки, соревнования да и сами победы.

Еще в детстве тренеры Штеффи Граф заметили ее необычайную подвижность и выносливость. Она могла часами носиться по корту и потом заниматься на тренажерах или бегать крос-

сы. Эти врожденные качества требовалось скрупулезно развивать, для чего была разработана специальная программа чередования нагрузок, их строгая дозировка. Сейчас по физическим данным в мировом женском теннисе Штеффи не имеет равных. Каким бы по продолжительности ни был матч, никто еще не видел откровенно уставшей, вымотанной Граф. В свое время недосыгаемой в этом отношении была Мартина Навратилова, но годы берут свое, и это главная причина, почему она уступила звание первой ракетки мира своей молодой сопернице. Главная, но не единственная.

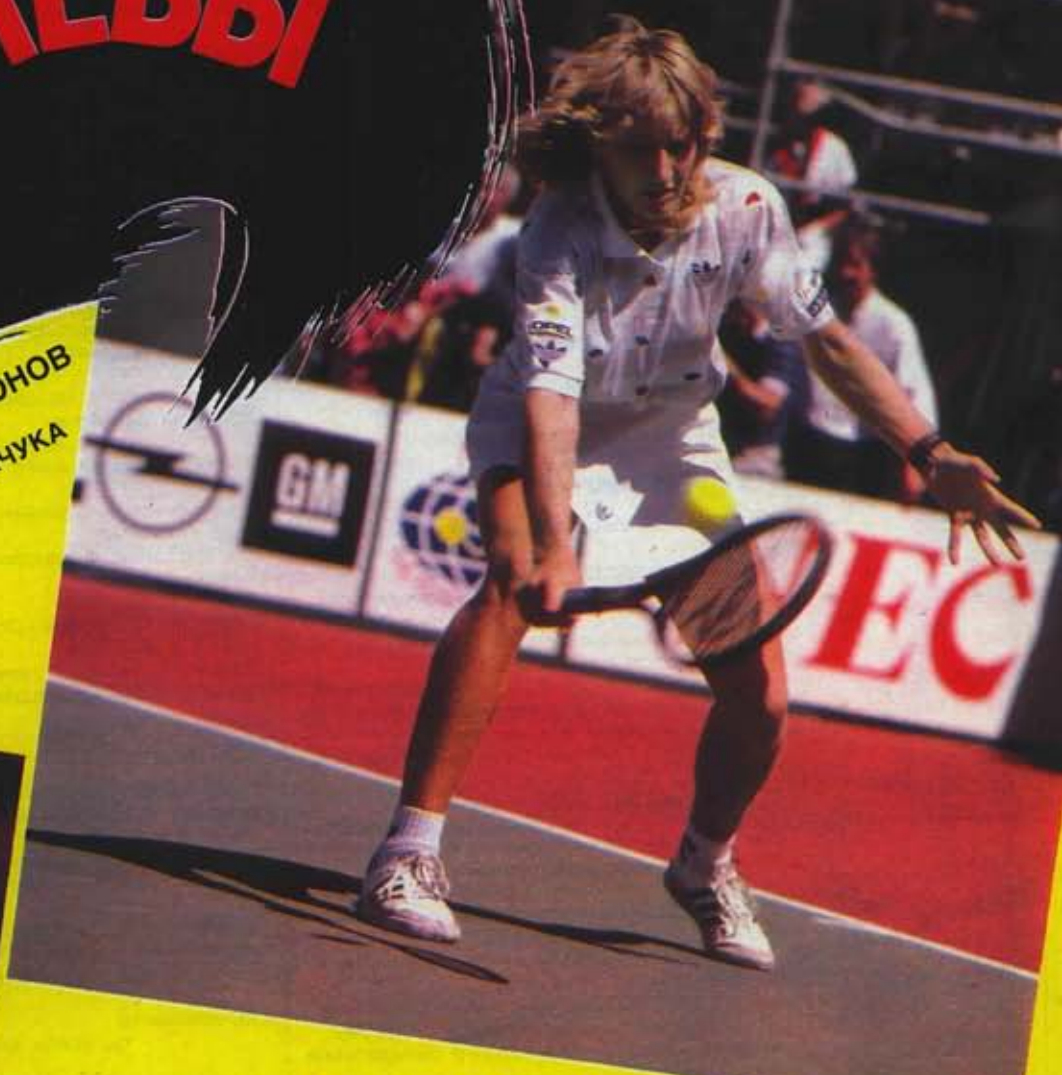
Поклонники тенниса часто задаются вопросом: что нового привнесла Штеффи Граф в эту игру? Ее победы — результат смены поколений или новый стиль в женском теннисе?

Когда-то Мартина Навратилова ворвалась в теннисную элиту, отобрав первую строчку классификации у Крис Эверт, и эта смена лидеров была обусловлена совершенно новым пониманием игры. Эверт — яркая представительница классического тенниса с медленным розыгрышем мяча на задней линии —

КОРОЛЕВЫ

Игорь КОНОНОВ
Фото
Виктора ЯНЧУКА

уступила игре агрессивной и наступательной, с выходами к сетке, с мощной подачей и нокаутирующими ударами, что больше характерно для мужского тенниса.

Граф довела этот стиль практически до совершенства, и сейчас классного игрока характеризует одно слово — универсальность. Кредо Штеффи — атака по всем линиям: справа, слева, с лету, с подачи, с приема. У нее нет сколько-нибудь заметных слабых мест. Некоторые, правда, считают, что ее удар слева оставляет желать лучшего, но это видимость слабости. Этим ударом она великолепно подрезает мяч, очень точно ведя его розыгрыш и ставя соперницу в неудобное положение. Тем же левым, но уже подкрученным, она выигрывает самые невероятные мячи. Те, кто видел ее игру, замечали, что Граф предпочитает бить справа, подчас «забегая» под мяч так, что остается открытой практически вся площадка. У начинающих это считается серьезной ошибкой, но после удара Штеффи соперница редко достает мяч — такова сила и точность попадания, а если и достает, то о контратаке и не помышляет, лишь бы отбить. Этот знаменитый удар, прозванный «отбойным молотком», стал главным козырем Штеффи в соперничестве с Мартиной Навратиловой. И в конечном счете Граф переиграла Мартину за счет более агрессивной и точной игры на задней линии.

Если судить по таблице классификации, то теннисная карьера Штеффи Граф выглядит стремительной, как мяч после ее удара. В 1982 году она была 214-й в мире, в 1984 году — уже 22-й, а в 1987-м стала первой ракеткой мира. Такого прогресса в женском теннисе еще не было, а ведь ей только 19 лет!

Свой первый турнир из серии Большого Шлема она выиграла в 1987 году — это было открытое первенство Франции, где в финале она разгромила Навратилову, и уже тогда стало ясно, кто придет на смену многолетнему лидеру. Но даже специалисты не предполагали, что это произойдет так быстро.

Уже через четыре месяца хладнокровный компьютер поставил ее первым номером в мировом рейтинге, потому что после Франции последовала серия блестящих побед в соревнованиях Гран-при, где ни одной спортсменке не удалось взять у Штеффи даже сета. Но по-настоящему звездным для нее стал 1988 год. Лишь однажды она ушла с корта побежденной, но это случилось в самом конце сезона после того, как был выигран символический Большой Шлем, множество других турниров и завоевано звание олимпийской чемпионки.

К этой последней победе Граф шла особенно упорно. Она не раз повторяла, что ни одно соревнование Большого Шлема не идет ни в какое сравнение с Олимпийскими играми. Генеральная репетиция состоялась в 1984 году в Лос-Анджелесе, но тогда теннис был в разряде показательных видов спорта, а блеск настоящего олимпийского золота не давал покоя.

Из лидеров в Сеуле отсутствовали только Эверт и Навратилова, а с глав-

ной своей соперницей Сабаттини Штеффи должна была встретиться лишь в финале. Но планы едва не оказались порушенными по вине Ларисы Савченко. Нет, дело было не в том, что Граф недооценила силу 14-й ракетки мира — для нее это нехарактерно, но в такой теннис Лариса никогда еще не играла. Она была единственной на этом турнире, кто отобрал у Граф сет, и победа была близка, если бы... Если бы это была не Штеффи Граф. Она потом призналась, что впервые за последние месяцы почувствовала, что может проиграть. Но не проиграла. Не могла проиграть — это было бы крайне нелогично.

Такое еще никому не удавалось — в один год собрать все призы большого тенниса. Что дальше? Турниры, в которых Граф заранее «обречена» на победу? Неизменная первая строка в табели о рангах? Или все же найдется та, кто бросит вызов?

Из нынешней теннисной элиты наиболее реальным претендентом на королевский трон называют Габриэлу Сабаттини. Если бы решение вопроса зависело от внешних данных, то Габриэле не стоило бы даже затруднять себя выходом на корт. Но так как речь идет не о конкурсе «Мисс Вселенная», то я бы не оцени-

вал шансы аргентинки столь безапелляционно. Конечно, ее игра впечатляет, и сейчас она, бесспорно, № 2 в мире, но для лидерства ей никогда не будет хватать собранности и хладнокровия, что так выгодно отличает Штеффи Граф. Теннис Сабаттини слишком романтичен, по-южному мягок при кажущейся мощи, ему недостает методичной настырности и умения «дожать» противника. Игра Штеффи, возможно, менее зрелищна, но более рациональна и эффективна. И хотя я сам поклонник именно зрелищности и экспрессии, все же признаю, что на ближайшие годы будущее за стилем Граф. А наиболее близка к этому стилю Наташа Зверева, и именно ее я бы поставил на один уровень со Штеффи.

Это не какой-то квасной патриотизм, а просто реальная оценка. У этих спортсменов много общего: близкие методики тренировок, стиль игры, характеры, что немаловажно. Более того, по скорости мышления на корте, по нестандартности решений я бы смело отдал первенство Зверевой. Дело за главным — опытом. Он придет, обязательно придет, и, если кому-то не взбредет в голову форсировать события, года через три мы будем свидетелями решительного спора за королевскую корону между Штеффи Граф и Наташей Зверевой.

Но это в будущем. А пока впереди новый сезон, и Штеффи набирается сил, проводя короткие каникулы в своем родном Бриле. Она очень любит гулять по большому парку в компании со своими овчарками, а еще больше любит одиночество. Это и понятно, ведь на пьедестале тесно вдвоем.

Борис ЧИЧИБАБИН

“ МЕЧТА УСЫЩАТЬ ДУША ”

ПАМЯТИ ГРИНА

Шесть русских прозаиков, которых я взял бы с собой в пустыню, это: Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов, Пришвин и — Александр Грин.

Какой мне юный мир на старость лет подарен!
Кто хочешь приходи — поделим пополам.
За верность детским снам, о, как я благодарен
Бегущей по волнам и Алым парусам.

На русском языке по милости Аллаха
поведал нам о них в недавние лета
кабацкий бормотун, невадный бедолага,
чья в эту землю плоть случайно пролита.

Суди меня, мой свет, своей улыбкой темной,
ценитель редких книг, по сто рублей за том:
мне снится в добрый час тот сказочник
бездомный,
небесную лазурь пронесший сквозь содом.

Мне в жизни нет житья без Александра Грина.
Он с луком уходил пасти голодный год
в языческую степь, где молочай и глина,
его средь наших игр мутило от нагот.

По камушкам морским он радости учился,
весь заслан синевой, — уж ты его прости,
что в жизни из него моряк не получился, —
кому дано летать, не свойственно грести.

Упрямец и молчун, угрюмо пил из чаши
и в толк никак не брал, почто мы так горды,
как утренняя тень, он проходил сквозь наши
невнятные ему застолья и труды.

С прозрения по гроб он жаждал только чуда,
всю жизнь он прожил там и ни минуты здесь,
а нам и невдомек, что был он весь оттуда,
младенческую боль мы приняли за спесь.

Ни родины не знал, и в индии не плавал, —
ну, лакомка, ну, враль, бродяга и алкаш, —
а ты игрушку ту, что нам подсунил дьявол,
рассудком назовешь и душу ей отдашь.

А ты всю жизнь стоишь перед хамлом навтыж,
и в службе смысла нет и совесть не грызет,
и все пройдет, как бред, а ты и не увидишь,
что солнышко твое зашло за горизонт...

Наверно, не найти средь русских захолустий
отверженной глуши, чем тихий Старый Крым,
где он нашел приют своей сиротской грусти,
за что мы этот край ни капли не корим.

От бардов и проныр в такую даль заброшен, —
я помню, как теперь, — изглодан нищетой,
идет он в Коктебель, а там живет Волошин, —
о, хоть бы звук один сберечь от встречи той!..

Но, если станет вдруг вам ваша жизнь полынна,
и век пахнет чужим, и кров ваш обречен,
послушайте меня, перечитайте Грина,
вам брошен этот круг, не будьте дурачем.

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ

Два огня светили в темень,
два мигалища.
То-то рвались лошадки, то-то ржали.
Провожали братца Федора Михальча,
за ограду провожали каторжане...

А на нем уже не каторжный наряд,
а ему уже — свобода в ноздри
яблоней,
а его уже карьерою корят:
потерпи же, петербуржец
новоявленный.

Подружиться с петрашевцем все
не против бы,
вот и ходим, и пытаем, и звоним,
да один он между всеми,
как юродивый,
никому не хочет быть своим.

На поклон к нему приходят
сановитые,
но, поникнув перед болью
костоедкой,
ох, как бьется — в пене рот,
глаза навывкате,
все отведав, бьется
Федор Достоевский.

Его щеки почернели от огня.
Он отступником слывет
у разночинцев.
Только что ему мальчишья болтовня,
а с Россией и в земле не
разлучиться.

Не сойтись огню с водой,
а сердцу с разумом,
и душа не разбежится в темноте ж,
но проглянет из божницы
Стенькой Разиным
притворившийся смириением мятеж.

Вдруг почудится из будущего зов.
Ночь — в глаза ему,
в лицо ему — метелица.
И не слышно за буряном голосов,
на какие было б можно понадеяться.

Все осталось, ничего не зажило.
Вечно видит он, глаза свои расширя,
снег, да нары, да железо... тяжело
достается Достоевскому Россия.

ЦЕРКОВЬ В КОЛОМЕНСКОМ

Все, что мечтала услышать душа
в всплеске колодезном,
вылилось в возгласе: «Как хороша
церковь в Коломенском!»

Знаешь, любимая, мы — как волхвы:
в поздней обители, —
где еще, в самом охвостье Москвы, —
радость увидели.

Здравствуй, царевна
среди русских церквей,
бронь от обидчиков!
Шумные лица бездушно мертвей
этих кирпичиков.

Сменой несметных ненастий и ведр
дышат, как дерево.
Как же ты мог, возвеличенный Петр,
съехать отселова?

Пей мою кровушку, пшикай в усы
зелием чертовым.
То-то ты смладу от Божьей красы
зенки отвертывал.

Божья краса в суете не видна.
С гари до света я
вижу: стоит над Россией одна
самая светлая.

Чашу страданий испивши до дна,
пальцем не двигая,
вижу: стоит над Россией одна
самая тихая.

Кто ее строил? Пора далека,
слава растерзана...
Помнишь, любимая, лес да река, —
вот она, здесь она.

В милой пустыне, вдали от людей
нет одиночества.
Светом сочится зари золотой
русское зодчество.

Гибли на плахе, катились на дно,
звали в тоске зарю,
но не умели служить заодно
Богу и кесарю.

Стань над рекою, слова лепечи,
руки распахивай.
Сердцу чуть слышно журчат кирпичи
музыкой баховой.

Это из злыдни, из смуты седой
прадеды вынесли
диво, созвучное Анне Святой
в любящем Вильнюсе.

Полные света, стройны и тихи,
чуда глашатаи,
так вот должны воздвигаться стихи,
книги и статуи.

...Грустно, любимая. Скоро конец
мукам и поискам.
Примем с отрадою тихий венец —
церковь в Коломенском.

ОДА НЕЖНОСТИ

О, дай мне одой нежности побыть,
кувшинкой белой, дуновеньем мяты,
я так боюсь заветное забыть.
Хоть на минуту вспомнишь ли
меня ты?

Я повторю на тысячи ладов,
перетрублю сиянье лир и лютен,
что нет, не страсть, о нет,
и не любовь,
но, нежность,
ты всего нужнее людям.

Ты приходила девочкой простой,
вся из тепла, доверия и грусти,
как летний луг с ромашкой и росой,
как зимний день
в сверкании и хрусте.

Касалась боли холодом бинта,
на жаркий лоб снежинками
снижалась,
и в каждом жесте мне была видна
твоя ошеломительная шалость.

Я помню пальцы твердые твои,
их волшебству веками не угаснуть.
Явись еще и чудо сотвори,
верни мою утраченную ясность.

Твой тихий шаг звучит едва-едва.
Зову, мечусь: да разве ж ты немая?
Я целый мир у зла отвоёвал,
а твоего не вызвал пониманья.

Ни заслужить, ни вымолвить нельзя,
чтоб соловьями волосы запели.
Ты — легкая, ты — светлая,
ты — вся
как первый снег и первый звон
капели.

И только ты нас делаешь людьми.
Нам хорошо в твоей могучей власти.
О сохрани несбыточность любви
от прямоты ожесточенной страсти.

Плесни в мой жар, о карая река,
омой мою струящуюся муку.
Живи со мной, как правая рука,
не торопись на вечную разлуку.

Ведь если я и вздор порой мелю,
и если вдруг и потемнею ликом,
то в этом легком,
праздничном хмелю,
а не в чаду, удушливом и диком.

Дышать было нечем. Было очень жарко. И очень обидно. Приехать в Сочи на два дня по служебным делам и половину одного из них потратить на унылое очередостояние в аэрофлотской кассе — досадно до предела. Липкий, густой воздух субтропического города в стеклянном пенале местного трансгагентства накалялся еще и истомленной нервозностью толпы. Причем накал этот час от часу возрастал пропорционально количеству многодетных матерей и ветеранов войны, с переменным успехом пытавшихся реализовать свои законные права на внеочередное приобретение заветных голубых бумажек. Молодые женщины и пожилые мужчины превращались в единый объект смутной, гудящей, как сама очередь, неприязни.

Спасаясь от горячего дыхания в затлок и уверенных локтей сердитых соседей по очереди, я выскользнул из нее. Прошелся вдоль других кассовых окошек — взглянуть что да как, может, где-то шансов побольше. Картина та же самая... батальоны курортников бок о бок с командировочными, блатными и прочим людом билась за право вернуться домой.

В ход шли записки и письма без конвертов, конверты без писем. Слово «броня» повторялось так часто, как будто дело происходит в цехе танкового завода. Лишь у расположенной в левом углу зала интуристовской кассы не было ни души.

Там я некоторое время спустя и увидел Веру, Веру Генриховну Талан, 1955 года рождения, коренную москвичку, бывшую медсестру (фамилия изменена. — Е. Д.). Я знал ее еще со студенческих времен. Позже она стала любовницей легендарного (в определенных кругах, ясное дело) Хосе.

...У Хосе, наверное, проблем с билетами (в Большой театр, сауну или на самолет) никогда не возникало. Хотя его международные вояжи туда-сюда вызваны были вовсе не доступностью аэрофлотских билетов. Ездить этот парень любил с ощутимой для своего кармана пользой. Равно как и ходить по театрам.

Юркий, глазастый, небольшого роста Хосе скупал валюту везде. В основном у подруг Веры и других московских проституток. Среди его партнеров по бумажному бизнесу, кроме того, были таксисты, сокурсники, спекулянты и интуристы. Он «коллекционировал» конвертируемые ассигнации. А сам потом вывозил эти деньги... на Запад.

Из показаний Морелоса Батиста Хосе Хулиана, 1951 г. р. (фамилия изменена, так как семья высланного из СССР гражданина Гондураса осталась в Москве): «Примерно в 1979 году я познакомился с жителем города Химки Московской области Поддубным Александром Дмитриевичем... Поддубный познакомил меня с водителем такси, с которым он поддерживал преступные отношения. Они знали, что я иностранец... Примерно в пять приемов скупил у водителя по имени Борис (кличка «Кустик») 2500 финских марок из расчета 50—60 рублей за 100 марок (тогдашний курс — 16,76 руб. за 100 марок. — Е. Д.). Всю скупленную валюту я потратил на личные нужды в магазине «Березка»...

Здесь валютных дел мастер, наверное, покривил душой. Как и все подобного рода умельцы, он, повторю, копил марки и доллары для вояжей в Европу. Из показаний студента, обучавшегося

в СССР в середине 80-х: «22 февраля я, мой приятель Арнольдо (Грилэтт Рохас Арнольдо, 1960 г. р., гражданин Венесуэлы. — Е. Д.) и его знакомый (следствием установлен. — Е. Д.) выехали из Москвы поездом в Западный Берлин. Там Арнольдо и его друг купили норковую шубу за 3900 марок и попросили меня привезти ее в СССР, воспользовавшись тем, что я имею свидетельство о браке и под этим предлогом могу ввезти в Союз женские предметы одежды. Через три дня втроем вернулись в Москву».

Ну, и так далее. И тому подобное. Валюта — владельцам западных магазинов. Вещи — отечественным потребителям.

Только за полтора года один Хосе «экспортировал» более 50 000 долларов, не пользуясь никакими контрабандными ухищрениями: «В таможенную декларацию я вписал лишние 6000 долларов, исправив цифру... По указанной декларации записал на свой счет в Банк для внешней торговли как официально ввезенную в СССР валюту, так и скупленную на территории Советского Союза. Исправленную декларацию я уничтожил».

Греческие таможенники в 1988 году задержали Аднана Кашоги, нефтяного магната из Саудовской Аравии, за «попытку незаконного вывоза валюты», поскольку он вывозил гораздо больше денег, чем отметил в таможенной декларации при въезде. (Он выиграл 160 тысяч долларов в казино на острове Керкира.) «Излишки» конфисковали. А вот с нашей таможенной проблемой могло, пожалуй, и не возникнуть: достаточно было бы, по рецепту Хосе, поорудовать немного бритвой и шариковой ручкой. У нас декларации заполняются без дубликата, словно никуда-то квитанция у уличного фотографа, на чью честность вынуждены (порой напрасно) полагаться его клиенты. Нет эффективного способа проверки таможенных документов. Да и некоторые работники банка часто закрывали глаза на «неточности» в бумагах. Вернее, смотрели, но, если позволить себе фелетонный оборот, через водяные знаки ассигнаций.

Из показаний Хосе: «Конкретно тем работникам Банка, которые получали от меня валюту, я подарков не дарил, но по праздникам приносил сувениры некоторым из них».

Нынешняя редакция Таможенного кодекса СССР принята четверть века назад! На последний квартал 1987 года намечалось утверждение нового ТК. Но воз и ныне там. Может быть, действительно: тише едешь — дальше будешь?

Но ведь для специалистов не секрет: изъязыны нынешней декларационной системы, допускающей альтернативные решения — заметить подделку декларации или нет, — провоцируют правонарушения. Во второй половине 80-х десятки работников интуристских магазинов арестованы за нарушения правил валютных операций и взятки. Причем взятки самого разного характера. Каких только, оказывается, вариантов не существует! А кто даст гарантию, что и ныне нечистые на руку кассиры не обменивают предприимчивым иностранцам валюту их стран на более дефицитные доллары США? Получая

смена '89

ЗАКОН И ТЫ

в виде тайных комиссионных, как заведено, свои три «гривы» с каждых ста?

Быть может, настало время шире внедрять карточную систему? Ведь той же картой «American Express» или аналогичной ей владелец этого суперчека оплачивает все услуги — гостиницу, ресторан, покупки в магазинах. Практикуется у нас продажа на чеки серии «Д» в специализированных торговых предприятиях. Рост сети этих магазинов, возможно, уменьшит уровень валютных махинаций. Хотя все это, конечно, полумеры.

...В ноябре 1988 года на обсуждении нашумевшей повести «Интердевочка» в конференц-зале издательства «Молодая гвардия» прозвучало любопытное, на мой взгляд, утверждение: валютную проституцию можно искоренить махом, за один день (чего не скажешь о древнем ремесле вообще). «Надо сделать рубль конвертируемым, и вся эта проблема будет сведена к нулю». Верно. Однако сделать рубль конвертируемой валютой в приказном порядке невозможно. Пока наше государство не в состоянии гарантировать обеспеченность рубля товарами и услугами на уровне мировых стандартов, конвертируемая отечественная валюта остается лишь карамельной утопией, родимый рубль не будет свободно обращаться за рубежом. Ныне у нас проблема даже с внутренней конвертируемостью.

А ведь было время: царские императоры и советский золотой червонец котировались на мировом рынке. Курс рубля к доллару был в октябре 1922 таким же, как и накануне первой мировой войны, то есть за доллар США давали чуть менее двух рублей. Нынешний курс смехотворно не соответствует истинному положению вещей. О каких шестидесяти копейках за доллар можно говорить, коль скоро туристы из некоторых восточноевропейских стран и моряки дальнего плавания скупают его иногда у валютчиков за 7—8 рублей? Курс того самого рубля, который мы ныне отдаем за пару кооперативных пирожков с капустой, рассчитан в 1961 году и предусматривает золотое содержание 0,987412 грамма. Вопросы будут?

Если будет, то поясню. Золотое содержание рубля не соответствует официальному начиная с середины 30-х. Валютный курс рубля давно не отражает реальный паритет покупательной способности рубля и доллара США.

Мы искренне возмущаемся порядками в ЮАР («Этот бар только для белых»), «Парк для цветных»...), мы негодуем по поводу сегрегации в школах Алабамы и Флориды. Но полагаю руку на сердце неужели нас не смущает, что для наших-то гостей не существует запретов на посещение каких-нибудь там кегельбанов, баров и дискотек (это было бы странно и некрасиво!), но при этом налицо разветвленная сеть заведений, нам совершенно недоступных и ориентированных исключительно на

обслуживание иностранцев и выходящих вокруг девиц. Разве наличие спецмагазинов и отсутствие в широкой продаже товаров из ассортимента этих самых магазинов — явление нормальное? Не говоря уже о раздельных залах в аэропортах для «своего брата» и «варягов». С различным уровнем сервиса, между прочим.

Стыдно? Похоже, не всем. Отчего никто не удивляется, что, например, иностранец может взять в Москве машину напрокат, а наш с вами земляк нет? У нас что, машин больше, чем у них? Или они нужны москвичам меньше? А книги русских классиков, причем на их родном языке? Почему мы пользуемся услугами спекулянтов, а «Березки» ломаются от книжного изобилия? Там легко купить «Мастера и Маргариту», в которой М. Булгаков описал посещение Бегемотом и Фаготом валютного магазина и наметил первопричину...

«Выказывать уважение» к чужеземцам повелось еще со времен петровских. И, наверное, с этих же самых времен отношение к ним сложилось такое, как будто они из другого теста. Причем лучшей закваски. К иностранцам везде относятся иначе, чем к своим согражданам, но нигде, пожалуй, не ставят на них оптом клеймо первого сорта, тем самым считая нормальным, что второй сорт — реальная категория для оценки человека. Я решительно против столь популярного кое-где активного неприятия «чужеземцев», но чувствовать себя второсортным потребителем оставшихся после интуристских «спецобслуживаний» ресторанно-зрелищных благ как-то не очень приятно. Давайте поровну.

Где точка, в которой уважительное отношение к иностранному переходит в фетишизацию всего заграничного? Наверное, это происходит, когда почтение подменяется поклонением. Некоторые причины такого отношения полагают исконно русские традиции. Помноженные на осознание величия собственного народа... Как знать? А может, это действие бюрократической магии, возведенной в квадрат валютного дефицита? С которым бороться труднее, чем с валютчиком Хосе? Никогда карательными изысками не изжить левый валютный рынок. Закон рынка объективнее Уголовного кодекса. Спрос рождает предложение. Ловкачи-студенты — это всего-навсего симптом, а недуг глубже. Наш недуг. Родимый, кровный.

...Билет я все-таки купил. Без помощи обладательницы долларов Веры Талан, с которой мы все же, по старой памяти, обменялись вежливым взаимоприветствием. Летели мы на одном самолете. Но регистрировались в разных залах. И к трапу — на разных автобусах.

Евгений ДОДОЛЕВ

ВАЛЮТОТЕНЬИ
СИНДРОМ

ВИЖУ ОКО !..

Вы садитесь в удобное кресло, тонкий лучик света откуда-то сбоку падает на лицо — доктор изучает ваши глаза.

А после говорит с вами не о дальнозоркости или близорукости, не о диоптриях и режиме чтения, а о том, каково состояние... нервной системы, сосудов, печени, почек, как «чувствуют себя» суставы, сердце, легкие...

Ольга ПЕТРОВА

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Иридодиагностика — определение состояния организма по ирису, радужной оболочке глаза — известна человечеству с глубокой древности. В пещерах Малой Азии найдены наскальные изображения радужки и ее связей с различными частями тела. В Индии, Китае еще три тысячи лет назад врачи анализировали мельчайшие изменения цвета глаз заболевшего человека. Этими знаниями владели и древние египтяне. Жрец фараона Тутанхамона Ель Акс был не только замечательным иридодиагностом своего времени, но и способствовал распространению метода из Египта в Вавилон, Тибет, Индокитай. Ель Акс описал иридодиагностику на двух папирусах, каждый из них длиной 50 и шириной 1,5 метра. Он умел «фотографировать» глаза с помощью пластины из цинка или никеля, покрытых серебристой жидкостью особого состава, — подносил такую пластину к лицу больного, держал ровно четыре минуты, затем смазывал ее еще раз специальным раствором и снова держал перед глазами 30 секунд. После химической обработки изображение на пластине становилось цветным. Яркие, четкие «снимки» радужной оболочки глаз Тутанхамона были найдены в его гробнице. Они говорят о том, что правитель Египта был чрезвычайно болезненным человеком. Распознавать недуги своих пациентов по ирису пытались и лекари средневековья, но постепенно об этом методе стали забывать.

Заслуга возрождения иридодиагностики в XIX веке принадлежит доктору медицины из будапештского предместья Игнацу фон Пекцели. Однако только в наши дни, когда на помощь медицине пришли ЭВМ, телевидение, совершенная фотоаппаратура, оригинальный метод диагностики обрел «второе дыхание». Им заинтересовались в Англии, Франции, ФРГ, Японии, США, Канаде. Изданы десятки научных трудов, создана международная ассоциация иридологов, несколько лет назад в Чехословакии состоялась первая международная конференция. В СССР пионерами в этой области стали профессор Е. Вельховер и Ф. Ромашов. Отдел клинических исследований — небольшой научный центр, который Евгений Вельховер возглавляет в одном из столичных вузов, — уже приступил к практическому обследованию работников ЗИЛа, автозавода имени Ленинского комсомола и некоторых других предприятий. За помощью к иридодиагностам обратилось и московское «Динамо». Что же заинтересовало футболистов?

— Сегодня наши ученые уже могут довольно точно оценивать наследственный статус человека. То есть тот «запас прочности», жизнестойкости, который достался каждому из нас в наследство от предков, — объясняет Евгений Вельховер. — А от этого во многом зависит, сможет ли тот же спортсмен в перспективе добиться более высоких результатов. Да что спортсмены! Военные, полярники, шахтеры, водители, все те, чьи профессии нередко связаны с экстремальными условиями, — разве они не нуждаются в таком строго научном и в то же время довольно простом профессиональ-

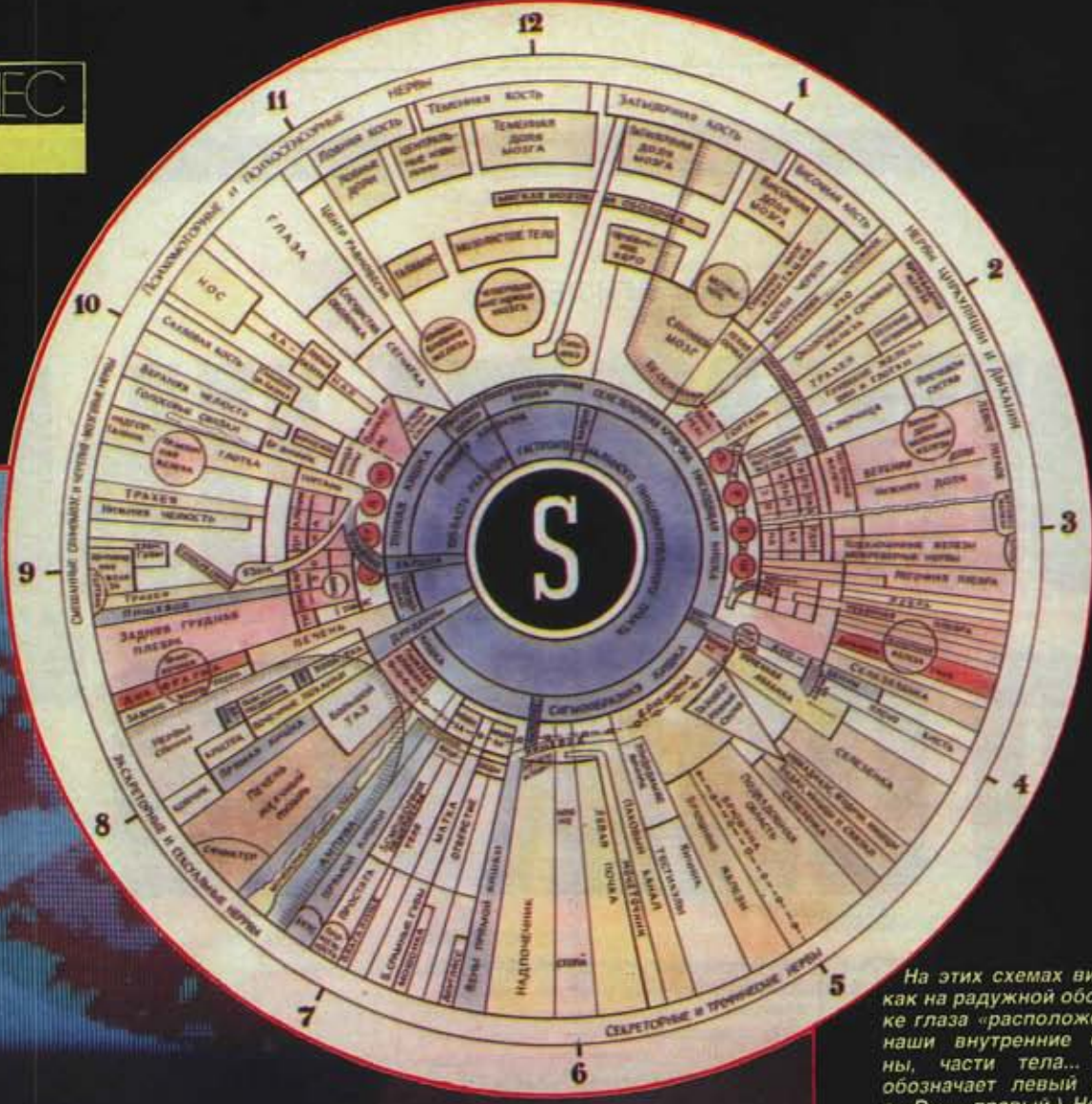
ном отборе? Если, с точки зрения наследственности, ты «троечник» (оценка ведется по пятибалльной системе) — очень велика вероятность заболевания, срыва. Найди себе дело поспокойнее.

— А не забракуют ли вы таким образом какого-нибудь будущего Суворова? Ведь известно, что в детстве будущий фельдмаршал был болезненным ребенком...

— Я уверен: изначально крепкий человек при правильном образе жизни и соответствующих тренировках имеет больше шансов добиться серьезных успехов в работе, чем наследственно ослабленный. Так что каждому лучше выбирать дело по плечу. Кроме того, в нашем отделе разработана и другая программа: оценка сопротивляемости организма агрессии внешней среды, в том числе инфекции. Сами понимаете, такие знания могли бы очень помочь участковым и цеховым врачам в индивидуальной профилактике пациентов. В сотрудничестве с конструкторами одного научно-производственного объединения мы создали уже два комплекса для компьютерной иридодиагностики, разрабатывается довольно компактный автоматизированный аппарат «Ира», который может использоваться в обычной поликлинике, небольшой больнице и даже врачами «скорой» для экспресс-оценки состояния больного.

В поиске — ученые Центрального института усовершенствования врачей, ЦНИИ гастроэнтерологии. Сотрудники латвийского Центра микрохирургии глаза создали банк цветных слайдов, где зафиксированы радужные оболочки глаз пациентов, у которых «барахлят» сердце, сосуды, желудок. В поиск включились также ученые Украины и некоторых областных центров Российской Федерации. Только что вышла в свет первая в нашей стране научная монография по иридодиагностике, где описаны новейшие из разработанных советскими учеными методики определения болезней. Пока что иридодиагностические тесты используются на практике довольно робко, для предварительных врачебных заключений. Осторожность Минздрава понятна. Однако один из авторов монографии, Е. Вельховер, считает, что достоверность иридодиагностических методов даже выше, чем у новомодной компьютерной томографии. Например, при заболеваниях желудочно-кишечного тракта рентген позволяет поставить точный диагноз лишь в каждом втором случае, а верность «указаний» ириса — 84 процента. Особенно ярко возможности иридодиагностики проявляются там, где, как говорят

На этих схемах видно, как на радужной оболочке глаза «расположены» наши внутренние органы, части тела... («S» обозначает левый глаз, а «D» — правый.) Но диагноз все же — дело врача.

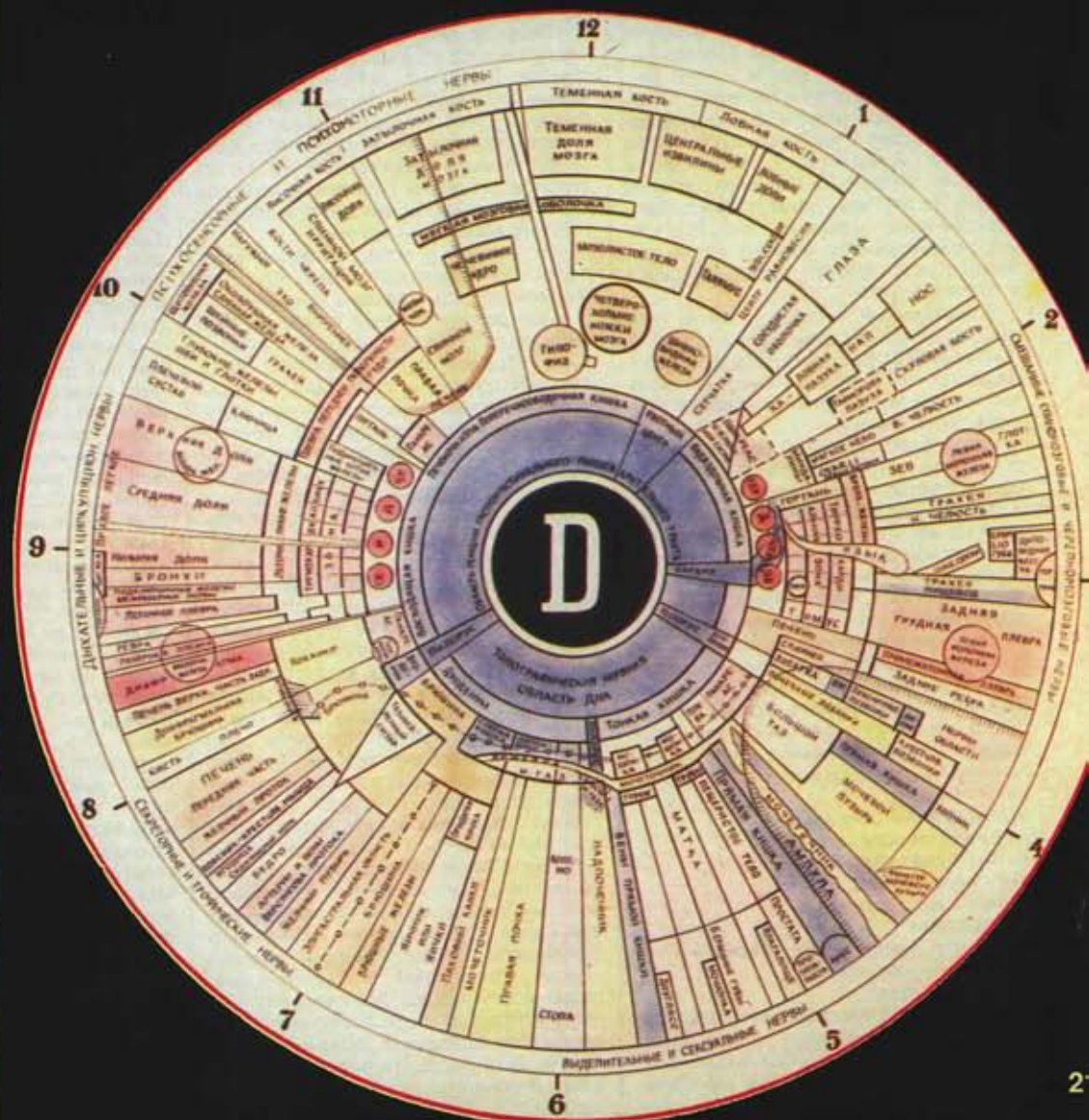
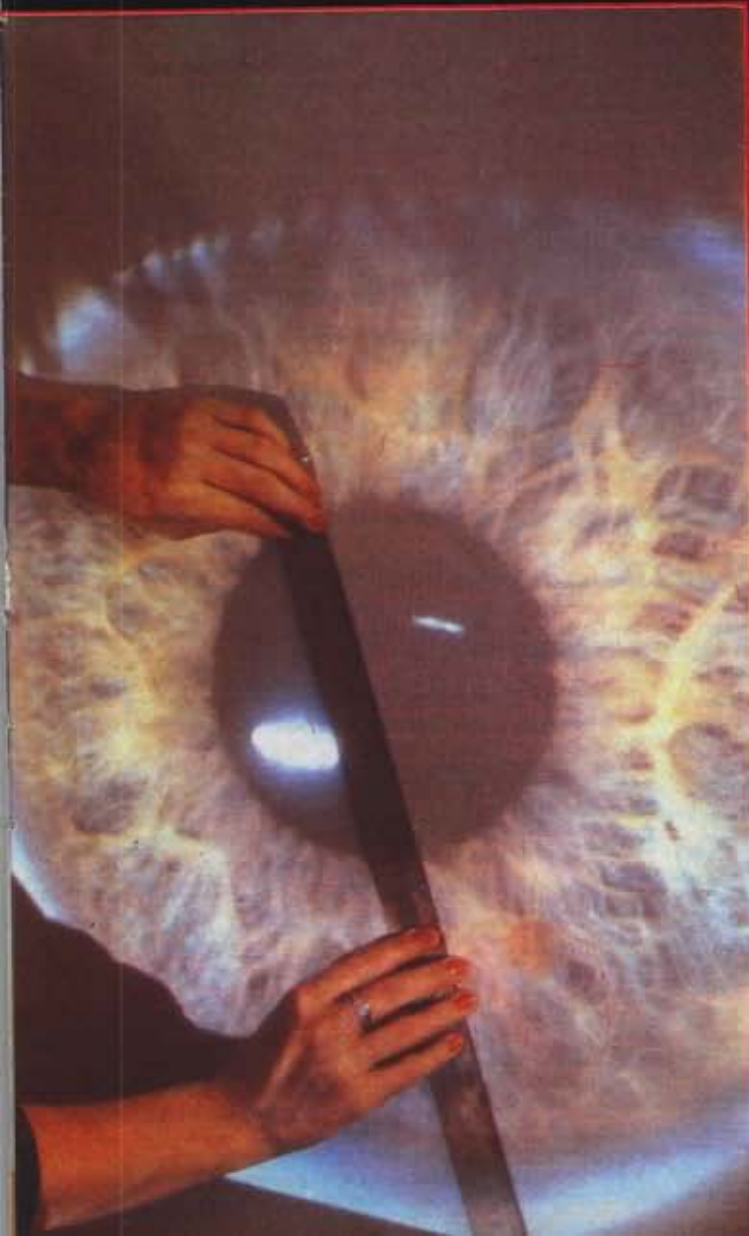
врачи, смазана клиническая картина заболевания: были случаи, когда человека укладывали в больницу с подозрением на инфаркт, а глаза «говорили» о язве, или готовили к операции, а радужка сигнализировала об опасности со стороны сердца. Более тонкие анализы подтвердили правоту иридодиагностики.

По интересному пути пошли сегодня в отделе медицинской ботаники Центрального республиканского ботанического сада АН УССР в содружестве с поликлиникой для ученых: здесь с помощью иридодиагностики контролируется эффективность фитотерапии — лечения травами — при язве желудка.

Как же объясняется удивительный факт, что на небольшой по площади радужной оболочке глаза «уместился» практически весь человек и что «картинка» состояния его организма на редкость точна? Некоторые советские ученые предлагают такой вариант ответа. В радужной оболочке есть особые клетки — хроматофоры, от которых зависит цвет глаз. Хроматофоры — биологически активные точки, через мозговые центры связанные с внутренними органами. В ответ на сигналы о неблагополучии сосудов, сердца или желудка в них происходят изменения — теряется меланин, красящее вещество, и таким образом в радужке появляется светлый участок. Если болезнь переходит в хроническую стадию, картина меняется — пятно темнеет. Это своего рода защитная реакция: темное пятно не пропускает свет к участку мозга, ответственному за большой орган, охраняет его от дополнительного раздражения.

Евгений Вельхвер отстаивает гипотезу о самой активной роли ириса в биоэнергетическом обмене между человеком и окружающей средой. По его словам, радужка — сложная светоулавливающая и светотрансформирующая система, включенная в процесс белкового обмена в нашем организме. Замечено, кстати, что у старых людей она в основном отражает различные спектры света, у подростков — поглощает. Не случайно детям рекомендуется чаще бывать на улице, на свету. Однако, по некоторым данным, и онкологические заболевания тоже стимулируются солнечным светом. Врачам и больным это надо учитывать.

Кто знает, какие еще секреты в ближайшем будущем откроет людям иридодиагностика, не подскажет ли она принципиально новых методов не только распознавания, но и лечения недугов?

начальством и мечтает лишь об одном — чтобы ничего не менялось и не стало бы хуже. Они еще не понимают, что «как все» — это и вздыбленный хохолок на голове, брюки-варенки и страсть к тяжелому року, что подлинное проявление своей индивидуальности, реализация собственных творческих возможностей заключаются все-таки в чем-то другом.

О другом пути — картина режиссера Александра Сокурова «Дни затмения». В начале декабря в Москве, во Дворце культуры завода имени Владимира Ильича несколько дней подряд шла шоу-преьера этого совсем не кассового, весьма сложного фильма, сопровождающаяся художественной выставкой, концертом симфо-авангарда и прочим (наподобие арт-рок-парада во время премьеры «Ассы», только в другом стиле). Сокуров, в сущности, исследует те же проблемы, что и авторы уже упоминавшихся работ, но делает это принципиально иначе, средствами философского авторского кино. Поскольку каждая работа этого режиссера — своего рода «послание человечеству» (так не без иронии заметил один критик, я же, цитируя его, иронию решительно снимаю), то суждение о «Днях затмения», минуя киноведческие подробности, будет иметь прямое отношение к предмету нашего разговора.

Дерзкие порывы души — вроде выхода на Сенатскую площадь — не к месту во «время колокольчиков», если использовать образное выражение рано решившего уйти из жизни барда Александра Башлачева. Отчаявшиеся найти свободу и красоту во вне, ищут ее внутри себя. Это вообще у нас в крови: «Каторга! Какая благодать!» — читаем у Евгении Гинзбург в «Крутом маршруте», а потом у Галича: «Я выбираю свободу Норильска и Воркуты» (поистине, такое возможно только в России!).

На чужбине, почти что в ссылке (если иметь в виду не периферию географической карты, а периферию духовного бытия), живет герой сокуровского фильма. Белокурый красавец, зачарованный принц, невеста как оказавшийся на краю земли, среди гор и пустынь. Фантазмагоричность, ирреальность его существования (вот он — советский театр абсурда «дней затмения!») подчеркивается многими обстоятельствами: русский в непривычной, другой среде, включающей в себя иной язык, климат, обычаи, у героя загадочная профессия — изучает «ювенильную гипертонию у детей старообрядцев», его книги и научные изыскания мирно соседствуют с питоном, ползающим по убогой утвари его странного дома... Камера показывает то солдат в казарме, то сумасшедших в больнице, то танцующих на свадьбе — людские множества, спящие некоей общей целью или общим несчастьем, в которых нет места человеку, думающему и чувствующему на особицу. Нищие хибары, босоногие дети и — монументальные серп и молот посреди дороги, наглядная агитация... Страх, тоска и — голос Брежнева, обрастающего по радио к «доблестной советской молодежи». Расстрел солдата-дезертира, не вынесшего этого ада. Как тут выжить, не сломаться, не сойти с ума?

Герой фильма, врач Дмитрий Малахов, знает ответ на этот вопрос. Он прежде всего самодостаточен, ему не скучно с самим собой, его единственная реальность — мир его души. Поэтому он отказывается покинуть этот бедный, населенный несчастными людьми уголок земли, несмотря на увещания сестры, на пример друга, отправляющегося искать землю обетованную. Дмитрий же обрел эту землю внутри себя, поэтому весь ужас действительности над ним уже не властен. Выжить герою помогает и гармония, уже накопленная, к счастью, к моменту его рождения, собранная человечеством по крупицам на всех пепелищах своей многовековой истории, гармония эта сияет в божественных аккордах и диссонансах Шумана, Оффенбаха, Шнитке. Культурный контекст — драма человеческой души

«одинокое голоса человека» (так называется еще один фильм Сокурова, снятый им по рассказу Платонова) богат и величествен — он в итоге поднимает душу эту из тлена и праха, делает ее бессмертной. Можно соглашаться или не соглашаться с таким типом поведения, способом жизни, как у героя фильма, — мне кажется, остаться человеком, сохранить душу живую — это уже немало. И это подчас куда труднее, чем уйти с головой в немногочисленное, но близкое по крови людское братство тех же рокеров, например.

Юность и возмужание режиссера Александра Сокурова и сценариста Юрия Арабова пришлись на «дни затмения» — эта боль не отпускает и не отпустит их, думаю, уже никогда. Отсюда то трагическое неприятие данного тебе сегодня, сейчас мира, которым пронизан их фильм. Отсюда попытка найти столь нетривиальный выход из сложившейся — не по их воле! — ситуации. Отсюда и уровень обобщения в картине, столь пугающей некоторых, — не о Дмитрии Малахове, не о себе, авторы фильма, в сущности, говорят о поколениях и говорят от его имени. В определенном смысле это действительно «послание человечеству» — рассказ-предостережение о деформации человеческого сознания, необратимом изменении структуры личности, которые могут привести нас в итоге к гибели, абсолютному краху. Предостережение это слышано, вот мнение одного из первых зрителей: «Продуманный, выстраданный, активный протест может быть дороже идеи, воспринятой без сопротивления. В этом смысле кино Сокурова просто необходимо, это, может быть, недостающая грань общей культуры».

Безжалостный социологический срез жизни молодых представлен в другом заметном фильме, дебюте сценариста М. Хмелик и режиссера В. Пичула «Маленькая Вера». Его героиня абсолютно типична, она будто выхвачена из толпы тех ярко, не по возрасту накрашенных девочек, что часами прыгают на дискотеках, «балдеют» в кафе и барах и не утруждают свои хорошенькие головки размышлениями о жизненном предназначении, несовершенстве окружающего мира и так далее. Они разительно отличаются от иных рокеров-интеллектуалов, но у обывателя вызывают точно такое же раздражение своим вульгарным видом и отсутствием моральных запретов. Эти девочки тоже выросли такими, какие они есть, не на пустом месте: кинематографисты подробнейшим образом показывают родословную своей героини — город Мариуполь, он же Жданов, где действительность мало похожа на те прекрасные дали, куда протягивает руку каменный человек на площади, семья, где папа пьет, а мама всю себя отдает соленьям и маринадам, друзья, из всех возможных жизненных целей угадавшие пока лишь одну — удовольствие, а поскольку люди они молодые, то удовольствие сексуальное. Полуживотное, ограниченное существование маленькой Веры по своему куда драматичнее и страшнее, чем даже покаленные судьбы валютных проституток из «Хау ду ю ду» и наркомана из «Исповеди», хотя бы потому, что таких, как Вера, несть числа.

Итак, на нашем экране едва ли не впервые за последние десятилетия явлена миру правда о молодых — если не вся, то хотя бы верхушка этого айсберга. Герои «времени колокольчиков» услышали свои песни, увидели самих себя со стороны. Куда они направят завтра свою энергию протеста, чем обернется их напускное (или естественное?) безразличие ко всему и вся, что не они сами? Ответа на это нет в фильмах, посвященных их судьбам. Что спасет их души, покаленные задолго до того, как они появились на свет? Может быть, вечное, христианское, то, что на все времена — милосердие, доброта, любовь к ближнему, возрожденное и очищенное от всего наносное понятие морали?..

смена '80

ОГЫТ

Александр АЛЕКСЕЕВ

Там, куда я собирался, никто не знал моего настоящего имени. Все это чем-то напоминало детектив. Я огляделся по сторонам, еще раз мысленно повторил «инструкции» и вошел в телефонную будку. Номер долго не отвечал. Наконец трубку сняли. Волнуясь, я отбарабанил заготовленный текст.

— Приезжайте прямо сейчас, — ответил мужской голос. — И ничего не бойтесь!..

Дверь открыла женщина средних лет в переднике.

— А вас уже ждут!

В комнате за накрытым столом сидело человек двадцать. Были среди них и совсем молодые, и люди уже в годах.

— Проходите, садитесь! — На меня смотрели приветливо, но без особого интереса, не так, как встречают долгожданного опоздавшего гостя. Позднее я понял, что все так и задумано: не смущать вновь пришедшего пристальным разглядыванием и вопросами; человек, попавший сюда, и так преодолевает нелегкий психологический рубеж, ему нужно время, чтобы освоиться, почувствовать себя равным с другими.

— Как вас теперь называть? — полупешотом спросил меня сосед справа, мужчина лет сорока.

РАССКАЗ
О ТОМ, КАК
ВЫРАВАТЬСЯ
ИЗ ГОРЬКОГО ПЛЕНА

Анонимные Алкоголики

— Меня зовут Андрей, — представился я и, конечно, солгал. Но здесь, похоже, никто не придает значения именам.

— Хорошо, Андрей. Мы очень рады, что вы пришли. Располагайтесь.

Прерванный разговор продолжился. Я начал успокаиваться; налил себе чаю и потихоньку осматрелся. Наверное, на моем месте сейчас волновался бы любой — впервые я попал к людям, которые называют себя «Анонимными алкоголиками». А точнее — пришел в московское отделение всемирной ассоциации «Анонимных алкоголиков». За пятьдесят лет «Эй-Эй» (сокращенное название) приобрела сторонников в 114 странах, помогла излечиться от пьянства миллиону человек. С прошлого года группы «Эй-Эй» появились и у нас — в Москве, Ленинграде, Киеве.

...Этого парня никто не просил рассказывать о себе (здесь вообще никого не заставляют делать что-либо против желания, ведь главный принцип «Эй-Эй» — добровольность), но он начал исповедоваться как на духу.

— Я всегда был веселым, любил компании. Играю на гитаре, знаю тысячу тостов. Везде меня хорошо принимали. И, конечно, не обходилось без рюмки-другой. Постепенно друзья пережились и времени на забавы у них не осталось. Я переключался в компании помоложе. А однажды проснулся в понедельник и вдруг понял, что прежние мои друзья уже вроде как стесняются меня, избегают. А мне уже ничего не надо было, кроме как получить свою рюмочку. Я стал таким услужливым, добреньким... И рядом никого не было, чтобы сказать: «Митя, что же ты делаешь?» На работе пригрозили отправить в ЛТП. И я уволился. Денег не стало, вокруг меня были такие же, как я, никому не нужные горемыки...

Я слушал эту исповедь и чувствовал неловкость, словно читал чужой дневник со всеми откровениями его автора. Мои соседи по столу сидели молча, на их лицах не было ни удивления, ни смущения: похоже, подобные монологи — дело для них привычное. Чисто инерционно я ждал, когда же начнется само лечение, когда кто-то из собравшихся станет объяснять этому парню, что пить — плохо, вредно и тому подобное. Но лечение уже началось! В том-то и особенность «Эй-Эй», что большинство присутствующих здесь, излечиваясь сами, одновременно исцеляют и других.

Что делать человеку, который пьет, но хочет бросить? Какой выбор его ждет?

Вариант первый — лечебно-трудовой профилакторий (ЛТП). Сюда попадают те, кто уже перешагнул все запретные грани. Алкоголики-хулиганы, алкоголики-тунядцы и т. п. Как правило, по решению суда. Потому и принадлежит ЛТП к ведомству МВД, потому и ходят тут все в казенной одежде, кое-где даже с бирочками на груди.

Два года изоляции от общества. Хотя и не тюрьма, но и не санаторий. Харч, дисциплина, режим, работа — все, по замыслу, должно воспитывать, а точнее — перевоспитывать, внушать мысль, что на воле лучше, тем более если не пить... Этим вроде и оправдывается суровость климата, царящего в ЛТП. Исцелению мешает то, что «элтэлэшкини» живут и работают тут не по собственному зову души и многие мечтают поскорее отсюда выбраться, чтобы им не мешали жить в «прежнем режиме»; поэтому в основном здесь не лечатся, а именно отбывают срок, как наказанные.

Трудно внушить мысль о пагубно-

сти алкоголя тем, кто не хочет этого понимать. Особенно, когда таких людей рядом большинство (в ЛТП — имеется в виду), когда среди них почти нет тех, кто хочет вылечиться. Когда вместо того, чтобы рассказать, как можно бросить пить и какая при этом начинается жизнь, тебе рассказывают, что можно пить, если нет привычного спиртного, — очень трудно загореться желанием пополнить ряды трезвенников.

Однако для тех, на кого уже не действует никакое убеждение, ничего, кроме страха, лучше воспитательной меры, чем экскурсия в ЛТП, пожалуй, и не подобрать. И тот, кто побывал здесь единожды, вторично попадать сюда вряд ли захочет.

«...Вышел из ЛТП и снова угордил к старым друзьям, — читаю письмо Николая Н. из Челябинска. — Никто, кроме них, меня и не ждал! И я так рад был их вниманию, что снова запил. За корешей, за добрую дружбу. И все покатило по-прежнему...»

Не забудем и то, что попадание в ЛТП — это запись в трудовой книжке, прочитав которую, кадровик часто уже не думает о том, изменился ли человек, устраивающийся на работу, или нет — раз был «там», значит, дело с ним лучше не иметь.

У «Анонимных алкоголиков» не принято расспрашивать друг друга о прошлой жизни, уговаривать бросить пить, запугивать. Принцип добровольности не нарушается ни в чем. Пожалеть могут: сами прошли через это, понять могут, поддержать, но — никакого давления, шантажа. Никаких записей в трудовой книжке, никаких мет. Это — второй основополагающий принцип «Эй-Эй»: ты не одинок, знай об этом. От тебя не отвернулись — мы рядом, протяни руку. Не нравится — можешь уйти. Прошел ЛТП, лечился тайно у платных врачей — не думай об этом, никто не осуждает тебя. Можно жить так, как ты жил, а можно и по-другому, решай, все зависит от тебя. Никто за тебя не сделает этого шага.

Это так нелегко — отказаться от своей прежней жизни — признать, что алкоголь победил тебя, что ты подчиняешься ему полностью! Но признаться в этом, осознать свою слабость — первый шаг к выходу из тупика. Второй — признать, что без посторонней помощи не излечиться.

«Эй-Эй» не дает стопроцентного результата, да и никто, наверное, не сможет его гарантировать. Примерно каждый четвертый из тех, кто приходит в группу «Эй-Эй», больше здесь не появляется. Но ведь трое из четырех остаются!

— А вчера я почувствовала, что еще немного — и сорвусь, — рассказывала женщина лет тридцати, — еле дождалась сегодняшнего вечера, чтобы прийти сюда... Пригласили меня в гости старые друзья. И началось: «Тряхнем стариной!.. Выпей, не капризничай!..» Они не понимают, что это не каприз. Когда от тебя уходит муж, не дает встречаться с маленькой дочкой... Это не каприз...

Она замолчала. Молчали и все остальные. Практически каждый прошел через это. Как им знакома эта боль!

Когда не помогает наркоз, может помочь просто доброе слово. Вера в то, что ты сможешь преодолеть эту боль. Великое дело — когда в тебя верят.

Вариант номер два. Наркологическая больница. Я шел в нее, и все никак не мог набраться смелости подойти к прохожим и спросить: «Вы не подскажете, как пройти?..» Боялся их презрительных или удивленно-нисходительных взглядов. Понимал, что это смешно и все же... Это понимал я, обычный человек, а как быть тому, кто и по виду, и образу жизни — потенциальный пациент этой больницы? Тот, кто выходит отсюда после 180-дневного лечения, наверное, испытывает такие чувства едва ли не всю жизнь. Слышит за спиной шепот: «Говорят, он исправился, а вдруг?..»

Конечно, условия в наркологической больнице не сравнить с ЛТП. И приходят сюда добровольно. Но, наверное, главный минус больницы — это то, что о лечении становится известно всем. Если захочешь потом поехать в загранкомандировку, решишь получить водительские права — обязательно возникнут трудности. Устроиться на работу потом тоже можно не везде — в литейный цех, к примеру, уже не возьмут. Кто-то наверняка и думает: «Эх, сидел бы я, не лечился — меньше бы приключений на свою шею заработал!»

Можно понять тех, кто с подозрением относится к бывшим пациентам наркологических больниц, есть на то объективные причины, но как быть с теми, кто действительно вылечился, а кому не верят? И кто-то, уже зная о перспективах, ожидающих после лечения, не спешит в больницу, загоняя болезнь вглубь...

Увы, часто бывших пациентов наркологических больниц ждет не поддержка, а недоверие, подозрительность. Проблемы социальной реабилитации недавних больных волнуют и самих врачей: «Что же получается, кто больной, кто здоровый — решаем не мы, а кадровик на производстве?»

Чай в чашках уже начал остывать, когда кто-то водрузил на стол слайдпроектор и повесил на стену экран. Один из присутствующих, ставший зайдлым туристом, готовился рассказать о своей поездке в горы.

«Да ведь это же клуб общения! — подумал я. — Куда можно просто прийти и поговорить». О чем? О чем угодно. Кстати, рассказывают, что первая группа «Эй-Эй» возникла когда-то именно так: два человека, решившие бросить пить, поняли, что общаясь, разговаривая, легче бросить пить. Парадокса в этом нет. Могут возразить: и выпивают ведь тоже под разговор. Все верно. Разговор помогает в обоих случаях. Только разный разговор — у тех и у других.

Мой вопрос: «Сколько времени вы не пьете?» все воспринимали спокойно, отвечали даже с гордостью. «Два месяца», «год», «три дня»...

Ну хорошо, думал я, можно понять тех, кто, желая бросить пить, пришел сюда. Но что заставляет приходиться тех, кто уже не пьет? Некуда время девать?

Я говорил на эту тему со многими членами группы «Эй-Эй». Мне объяснили на примере американцев. Даже те, кто приходит в группу не первый год, не считают себя вылечившимися, хотя уже и не пьют. Именно эта психологическая установка — «я еще не освободился от своего недуга» — помогает им «держаться форму, повышать бдительность». Надо постоянно себя контролировать. Это во-первых. Во-вторых — изоляция от прежних друзей (а точнее — собутыльников, способных в короткое время вернуть своего приятеля к прежней жизни), общение с теми, кто выбрал для себя трезвый путь, — это помогает удерживать равновесие. Ну, а кроме того, уже давно замечено, что самые активные пропагандисты трезвости — бывшие алкоголики...

Вариант номер три. Наркологический диспансер. Почти то же, что и в наркологической больнице, только амбулаторно. Та же регистрация, те же косые взгляды сослуживцев: «Ах, состоите?!» Кстати, направляют сюда часто по решению трудового коллектива, поэтому многие пациенты только делают вид, что лечатся. Таблетки выбрасывают. Обманывают одновременно врача, сослуживцев и себя. Зато по тридцать третьей статье не уволят — всегда можно отбиться: «Я же лечусь!»

Можно ли тут рассчитывать на выскок кдд?..

Вариант номер четыре. После тихого, дремлющего в покое белых стен диспансера, коридоры 1-й анонимной

хозрасчетной амбулатории Москвы кажутся чуть ли не вокзалом. Народу!.. Всех возрастов и национальностей.

— Пациентов у нас в этом году стало больше, — сказали мне в регистратуре. — Только первичных больше восемь тысяч. Будете записываться?

— Да я паспорт не взял.
— И не надо. Мы записываем не по фамилиям, а по номерам. Без документов.

Вот откуда популярность амбулатории! Кроме всего прочего, здесь работают хорошие врачи, практикуют современные методы лечения, в том числе и иглофлексотерапию. Двухнедельный курс стоит от 24 до 30 рублей. Двухмесячный — 100.

Я спросил у главного нарколога Москвы Э. М. Дроздова: «Сколько больных, пройдя курс в наркологических больницах и диспансерах, вылечиваются?»

— Вся беда в том, — ответил Эдуард Михайлович, — что после окончания курса они могут попасть к старым друзьям. И тогда все лечение пойдет насмарку. Очень важно, какие люди окажутся в тот момент с ними рядом...

Перед тем как расстаться, мы, по существующей здесь традиции, скинулись (кто сколько хочет, но не больше трех рублей) на будущий чай в следующую пятницу. Один из присутствующих, мужчина лет тридцати, смущенно прятал глаза. «Наверное, больше не придет!» — вполголоса объяснили мне. Его никто не осуждает: каждый решает сам, хватит ли ему решимости идти дальше по дороге из тупика. Ведь вступление и выход из «Эй-Эй» — дело добровольное.

На прощание один из основателей группы показал мне пачку писем. Из Свердловска, Харькова, Магадана, Москвы. В них вопросы, невеселые истории о пьющих друзьях и знакомых, просьбы о помощи. Здесь отвечают на все письма. Рассказывают о своей методике, советуют, приглашают к себе.

Писем много. И если раньше их хранили у кого-то из членов группы дома, то теперь у московского отделения «Эй-Эй» есть свое помещение. По пятницам собираются во Дворце культуры имени Ильича. Несколько комнат выделены им и районные отделения Всесоюзного общества трезвости (например, на улице Рудневой, 11, где они встречаются по понедельникам).

Движение «Эй-Эй» у нас еще только в стадии развития, а в странах, где у него много сторонников, практически в любое время по известным адресам можно найти работающую группу.

— Когда и у нас будет так же, — убеждали меня, — тот, кто придет к нам, уверен, — в девяти случаях из десяти бросит пить!

Теперь у человека, который решил бросить пить, но сделать это без посторонней помощи не в силах, есть пятый вариант — пойти в группу «Эй-Эй». Конечно, это не значит, что остальные четыре варианта так уж плохи. Дело-то уж больно индивидуальное. Но, на мой взгляд, три первых варианта нуждаются в совершенствовании. Что там менять конкретно — решать специалистам. Как минимум, может быть, изучить международный опыт «Эй-Эй» и использовать его в своей практике? Часто ведь не нужно изобретать велосипед, он уже давно изобретен.

— Заходите, Андрей, — улыбнулся мне хозяин, — мы будем вам рады. Наш номер телефона не секрет. Если понадобится кому-то из ваших друзей — пусть звонит. Каждый новый звонок — это значит, что еще один человек решил побороться со своей бедой.

ОТ РЕДАКЦИИ. Сообщаем телефон московского отделения «Эй-Эй»: 471-59-96. Звонить сюда можно по понедельникам с 18.00 до 23.00.

Коллаж Владимира ЗАЙЦЕВА

Николай ЛЕОНОВ

— Не пойдет, начальник,— Иван ухмыльнулся.— А мне что? Тебя полкашом сделают. А я? Еще не известно, кто за этим мухомором стоит! На юге кого-то пришили, мне враз башку оторвут. Что я-то с дела буду иметь?

Гуров умышленно перешел на «ты», Иван его подержал, они смотрели друг на друга, словно дружки-содельники.

— Не обижу,— сказал Гуров.

— Как? Сколько?

— Лебедев твои координаты не знает?

— Не знает.

— А я забуду.

— И все? — возмутился Иван.

— А чего ты хотел? — тоже возмутился Гуров.

— Так не пойдет!

— Как знаешь. Думай. Позвоню утром.

Гуров не рассчитывал, что Иван примет его предложение, он стремился запутать преступников до такой степени, чтобы они невольно вступили с ним в единоборство. Вступив в игру, они наверняка должны ошибиться. А вот тогда и появятся долгожданные улики.

Как только Гуров ушел из номера, Иван позвонил Лебедеву, не мешкая, подкатил к его дому и рассказал все, кроме собственных планов.

— Он тебя заигрывает,— выслушав, решил Юрий Петрович.— Как выследил? Теперь он знает слишком много. Его необходимо убрать.

— Ищи придурков на стороне,— ответил Иван.— Против конторы я не пойду.

Рисунки Алексея ОСТРОМЕННОГО

БЕСПЛАТНЫХ ПИРОЖНЫХ НЕ БЫВАЕТ!

НЕ БЫВАЕТ!

— Гуров сейчас один, успех гарантирую.

— Подполковник один, пока живой. Мертвым он поднимет огромную стаю. Они не будут спать и жрать, пока не разорвут нас.

— Что ты предлагаешь?

— Сейчас он нас не видит. Едем. Мне нужны деньги.

— Не смейся. Ты умный, а я дурак? Деньги — единственная моя защита.

— Ты прав.— Иван почесал в затылке.— Давай поделим и разбежимся. Половины мне хватит, я не трону тебя. Зачем мне лишний труп?

— Во-первых, лишний висит на тебе давно, во-вторых, не желаю уходить в нелегалы, а я на старости лет хочу жить спокойно, а не ждать, когда придут.

— Сука ты старая.— Иван говорил зло, однако смотрел с уважением.— Хорошо. Я кое-что обмозговал. Ты завтра к вечеру встретишься с ментом, потолкуешь с ним, остальное тебя не касается.

— Не пойдет, он слишком хитер.

— Ничего, против лома нет приема,— усмехнулся Иван.

— Нет.— Лебедев покачал головой.— Я не доверяю тебе, Иван, расскажи подробно, что задумал.

На следующий день после того, как Гуров побывал в гостинице у Ивана Лемешева, он, разгуливая по пустой квартире, подводил не очень утешительные итоги. Зазвонил телефон.

— Товарищ подполковник, докладывает Иван Лемешев.— Иван, довольный своей шуткой, хохотнул.

— Слушаю, докладывай,— подыграл Гуров.

— Обмозговал твоё предложение, решил, что мне тоже кое-что перепасть может, так что давай попробуем.

— Как отреагировал многоопытный Юрий Петрович? — поинтересовался Гуров.

— На что?

— Ладно, Иван, не валяй дурака. Что тебе сказал Лебедев?

— Что сказал? — переспросил Иван.— Сказал, чтобы я не верил ни одному твоему слову.

— Что ты надумал? — Гуров рассердился, так как врать не любил, а сейчас только этим и занимался.

— Чего мне думать? — удивился Иван.— Для этого ваши головы существуют. Давай сегодня втроем повстречаемся, ты свое проталкивай, а уж старик не знаю, как ответит. Ежели я тебе мешать стану, так ты знак подай, я сметаюсь.

— Там поглядим. Где и когда?

— Ты часиков в семь выходи из дома. Я за тобой подъеду,— ответил Иван.

— Чувствуется рука профессионала,— рассмеялся Гуров.— Договорились.

Начав личное расследование, подполковник завел специальную тетрадь, в которую подробно записывал все свои поступки и ответные действия преступников. На первом листе Гуров крупно написал: «Полковнику Орлову. Лично». Если что, не дай бог, случится, начальник обнаружит тетрадь сразу и запустит розыскную машину на полный ход. Уважаемый Петр Николаевич полагает, что доказательства преступлений Лебедева не существуют в природе. Будут доказательства, Гуров не сыщик. Он записал состоявшийся только что разговор, свои комментарии и предположения и положил тетрадь в письменный стол.

Гуров решил не бриться, надел потертый костюм, старые ботинки, оглядел себя в зеркало и остался доволен. Он выглядел как человек, который еще не опустился, но уже согнулся. Лебедев данный факт должен заметить.

Затем Гуров вынул из карманов документы, записную книжку, бумажник, оставил лишь мелкие деньги. Выпил маленькую рюмку коньяку, смочил ладонь, потер лацканы пиджака. Ровно в семь вышел из дома. У подъезда стояло такси, Гуров открыл заднюю дверь, увидел Ивана и сел рядом:

— День добрый.

Иван расплылся в улыбке:

— Привет. Сегодня ты без руля. Хорошо поговорим, плохо ли, выпьем обязательно.

Водитель, видимо, знал, куда ехать, так как сразу тронул машину.

— Не употребляю,— недовольно буркнул Гуров.— Слушай, Иван, настроение у меня паршивое, не бойцовское, давай перенесем на завтра.

— Не пудри мне мозги. Сначала ты меня подбиваешь, я старика еле уломал, он тебя боится, как огня. Теперь... — Иван повернулся, долго смотрел в заднее стекло, пытаясь определить, есть ли за ними слежка.— Теперь вот крутить начинаешь.

Гуров взглянул на карточку водителя и спросил:

— Семен Семенович, в вашем парке кто сейчас командует?

— Перестраиваемся и все командуем, потому порядка никакого. Раньше на все твердая такса. Плати на въезде и выезде, на мойке и механику — тогда порядок.— Водитель матернулся.— Теперь вроде не берут, боятся, но никто ничего делать не желает. Одно слово — бардак!

— Не сразу Москва строилась. А с вашим директором я знаком.

Продолжение. Начало в № 2.

— Если его не посадили,— вставил Иван.
— Ефимыча? — возмущился водитель.— Он сам кого хочешь в кутузку упрячет.

Они проехали по Ленинградскому шоссе, у «Сокола» свернули на Волоколамское, через несколько минут остановились у ресторана «Загородный».

— Спасибо и всего доброго, Семен Семенович,— сказал Гуров, выходя из машины.— Увидишь директора, передай поклон от Льва Ивановича Гурова.

Водитель не ответил, лишь кивнул. Иван расплатился, взглянул на Гурова:

— След кропишь, боишься, замочим?

Этой фразой он практически себя выдал. И Гуров, чтобы не акцентировать внимание преступника, быстро заговорил:

— Сколько в Москве живу — ни разу тут не был. Уютное местечко! А кормят как?

Иван понял, что сболтнул лишнее. «Кретин, урод недобитый,— ругал он себя.— Мастеру холодильных установок даже мысль, что можно кого-то «замочить», прийти не может».

— Я тут на новенького,— ответил Иван.— Но раз Юрий Петрович сюда прибыл, значит, голодными не останемся.

Лебедев занимал столик на втором этаже, куда вела деревянная, по-домашнему уютно поскрипывающая лестница.

Когда Иван с Гуровым подошли, Лебедев, едва прихватив, кивнул.

Гуров занял место напротив хозяина, окинул взглядом стол и лишний раз убедился в уме и предусмотрительности Лебедева. Вроде бы стол и праздничный, а в то же время скромный: одна порция икорки, одна — рыбки, маслины, салаты, никакого торгашеского изобилия.

Из небольшого графинчика Лебедев налил Гурову рюмку водки, жестом пригласил угощаться.

— Март на износе, а весны не видать. Не везет нам с погодой, Лев Иванович.— Он мельком оглядел Гурова.

Подполковник почувствовал, что и небритое лицо, и изношенный костюм его старый финансист отметил.

— Не праздничный у вас вид, выглядите, словно осенний понедельник.

Гуров пожал плечами. Иван довольно хмыкнул.

— Иван Николаевич, пожалуйста, сходите позвоните и возвращайтесь минут через сорок,— сказал Лебедев.

Иван выпил, взял кусок черного хлеба и молча ушел. Лебедев долго разглядывал Гурова, не таясь, с открытым интересом, словно вещь в магазине, решая, покупать или не покупать. Утром ему позвонили по междугородному, сообщили, что от Гурова ушла жена, проверяющая из Москвы «землю роет», материал собирает тщательно и ничего хорошего в ближайшем будущем подполковника не ждет.

«Эк тебя враз скрутило,— думал Юрий Петрович, подливая в рюмки.— Куда гонор и самодовольство подевались?»

— Будем молчать? — спросил Лебедев и, не дождавшись ответа, продолжал:— Можно, конечно, просто пообедать и разойтись. Полагаю, целесообразней взаимоотношения выяснить и к данному вопросу не возвращаться.

— Говорено уже.— Гуров делал бутерброд с такой тщательностью, будто важнее дела не было.— Зачем зря слова тратить?

— Вы, позволю себе заметить, противоречивы. Чужого, совсем постороннего человека в наши дела притянули. Опять же пришли сюда вроде бы не арестовывать, не допрашивать — поговорить. Или не так?

— Я пришел, чтобы в последний раз предложить вам явиться с повинной и назвать нам человека, который застрелил Кружнева.

Юрий Петрович, скрывая улыбку, спросил:

— И только? Больше ничего?

— Нам достаточно, да и вам хватит.— Гуров чуть повысил голос, выпрямился, но слова прозвучали жалко, неуверенно.

«Переигрываю. Может фальшь почувствовать»,— решил Гуров и уткнулся в тарелку.

— Значит, так,— Юрий Петрович кашлянул и продолжал:— Субъект, которого вы по ошибке втянули в наши взаимоотношения, никакого касательства к делу не имеет, о нем забудем. Суть сложившейся ситуации такова.— Он начал загибать холевые пальцы.— Да, я подпольный финансист, располагающий значительными средствами. Компетентные органы занимались моей персоной и оставили в покое, так как сегодня наконец-то Закон стал Законом! Хвала всевышнему!

— Ну Господь Бог тут совсем не виноват,— усмехнулся Гуров.

Юрий Петрович на реплику не отреагировал и продолжал:

— МУР к моим делам никакого отношения не имеет, соответственно и Лев Иванович Гуров ничего иметь не должен. Так?

— Лев Иванович Гуров не только носит звание и занимает должность, но и...

— Не надо! — перебил Лебедев.— Вы не на трибу-

не, а за обеденным столом. Вы по своей природе охотник! Самолюбивый отличный профессиональный охотник. У вас отняли добычу, чуть не вырвали зубы, оскорбили, унизили. Жизнь складывается не из одних побед, надо уметь и проигрывать, и, самое главное, не пробовать отыграться. У вас, Лев Иванович, ничего не выйдет, вы только положение свое усугубите!

— Жизнь покажет! Еще не вечер!

Юрий Петрович снисходительно улыбнулся. Но Гуров допустил ошибку — он поднял голову, и Лебедев увидел в глазах сыщика такую уверенность и беспощадность, что понял: в оценке противника он грубо ошибся.

— Дать бы тебе, дураку, по лбу, чтобы в глазах потемнело,— закричал он.— Фанатик! — махнул рукой.— Извините, но вы и ангела из терпения выведете, а я лишь человек.

— Пустяки, сочтемся,— миролюбиво ответил Гуров.

— А может, действительно сочтемся,— подхватил мысль Юрий Петрович.— Я вас не боюсь, но, не скрою, жить вы мне мешаете. Я человек в возрасте, готов заплатить за свой покой. Только не говорите о чести и прочей ерунде,— генералы брали и берут, ничего вы не перестроите.

Лебедев завел разговор о взятке, прекрасно понимая его бессмысленность. Он уже решил, что будет делать дальше, но хотел, чтобы Гуров поверил в иллюзию мирной встречи. Один предложил взятку, другой отказался, и разошлись.

— Мы с вами люди взрослые, нас не перевоспитаешь,— сказал Лебедев, как бы подводя итог разговору.— Каждый остается при своем. Действуйте, как желаете. Доказательств у вас нет и не будет. Испортили себе карьеру вконец.

— Шашлык. Шеф-повар рекомендует!

С подносом в руках подошел Иван. Кланяясь, выставил на столик мангал с шашлыком и две бутылки минеральной воды.— Желаете кофе?

— Иван Николаевич, перестаньте дурачиться,— сказала подошедшая официантка.— У меня будут неприятности.

— Кофе, пожалуйста,— сказал Гуров.

Когда официантка отошла, Иван спросил:

— Договорились? Мне так чего обломится?

— Ты бы, Иван Николаевич, уезжал из Москвы,— ответил Гуров.— А то рядом с Юрием Петровичем тебе так обломится, что лет на десять хватит.

— Не пугай, я свою статью знаю,— ухмыльнулся Иван.

Когда съели шашлык и выпили кофе, Лебедев сказал:

— Иван Николаевич, проводи гостя. Я тут задержусь, отдохну.

Гуров встал, качнулся, поплыл куда-то, потолок кренился. Иван крепко взял его под руку, громко сказал:

— Держись! На воздухе полегчает!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Очнулся он сразу, словно вынырнул из-под воды солнечным днем. В глаза ударил яркий свет. Белый потолок, электрические лампочки без абажуров, в голове — боль и пустота. Гуров провёл ладонями по лицу, осмотрелся. Ровные ряды коек, храл и стоны. Стало холодно, он натянул на себя тонкое одеяло, затем резко сел. В голове взорвалась боль, зеленеватая муть поплыла перед глазами, рот наполнился горькой слюной. Он хотел сплюнуть, не нашел, куда именно, и, даваясь, сглотнул. Знобил, он потер голые плечи, покрытые пупырчатой кожей, поднялся и обнаружил, что на нем, кроме трусов, ничего нет.

Что со мной? Где я? Увидев обитую жестью дверь с глазком в центре, подошел, постучал. Никто не ответил, он стукнул сильнее.

— Ложись, алкаш. Все одно, не откроют,— раздался чай-то голос.

— Мне тоже в сортир требуется,— пробормотал кто-то, заскрипела кровать.

Шлепя босыми ногами, к Гурову подошел невысокий мужичонка с заплывшими глазками, поскреб под мышками, зевнул.

— В первый раз, что ли? Стучи, не бойсь! — он отнесил Гурова и забарабанил в дверь.— Стража! Открывай, начальник, не то тут нальем!

Послышались шаги, дверь приоткрылась, молодой сержант милиции пропустил шмыгнувшего в дверь мужичонку, а Гурова оттолкнул.

— Позовите дежурного офицера,— сказал Гуров, пытаясь придать голосу спокойную уверенность.

Сержант закрыл дверь, через некоторое время впустил обратно мужичонку и кивнул Гурову, мол, проходи. Гуров шагнул было в туалет, но, увидев на цементном полу пенистые лужи, остановился и повторил:

— Позовите дежурного офицера.

— Тебя связать? — В равнодушных глазах сержанта блеснул тусклый огонек.

Из-за двери напротив туалета донеслась длинная нецензурная брань. Человек ругался вяло, безысход-

но. Сержант толкнул дверь, и Гуров увидел небольшую комнату, в которой стояли две железные койки, одна из них была пуста, на другой лежал мужчина в трусах. Руки его были привязаны к изголовью, ноги — к проржавевшей раме. Мужчина попытался выгнуться, выпятил дряблый синюшный живот, безвольно упал и заснул.

— Я офицер милиции.— Гуров почувствовал, что краснеет.

— Хотя министр! — ухмыльнулся сержант, обнажив белые ровные зубы.— Плацкарты есть, хочешь, привяжем? Или взад пойдешь?

— Пропустите меня к телефону, я позвоню дежурному по городу...

Сержант коротко ударил Гурова в живот, швырнул за порог и захлопнул железную дверь.

— Дай спать, дура!

— Слушай, коллега, ложись,— раздался миролюбивый голос.— Новичкам везде трудно. Поверь, до шестидесяти никто отсюда не выпустит.

«Коллега»,— подумал Гуров,— любимое слово генерала Турилина. Хорош я буду у него на ковре...

Гуров не хотел думать, как оказался в вытрезвителе. В мозгу билась лишь одна мысль: как вырваться отсюда?

— Сколько сейчас времени?

— Да уймись ты, клейменый!

— Около часа. Ложитесь, постарайтесь вздремнуть.

— Спасибо, коллега,— ответил Гуров, сел на койку, сжал голову ладонями так сильно, словно хотел выдавить из нее ответ, почему он здесь, как все произошло? Расплывалось лицо Ивана Лемешева, грустно улыбался Лебедев. Снова вспыхнула боль, словно в мозг вонзилась тупая игла и мучительно захотелось в туалет. Гуров вспомнил пенистые лужи на цементном полу, тусклые глаза сержанта и почувствовал, что может заплакать. От этой мысли ударил озноб. Гуров натянул на плечи тонкое байковое одеяло и ощутил такую беспомощность и отчаяние, какую не испытывал никогда в жизни.

— Знаете, меня тоже мучает бессонница,— раздался уже знакомый интеллигентный голос.— Я вам советую, ложитесь, коллега, попробуйте вздремнуть, до утра еще далеко...

Гуров не ответил, плотнее закутался в одеяло, которое не грело, а царापало, сосредоточился. Подбери слюни, разозлился! Безмозглый кретин ты, а не сыщик! Ну с этим потом разберемся... Сейчас необходимо отсюда выбраться. Встретиться с любым офицером. Как пройти мимо сержанта? Уговорить, убедить его невозможно, он тупой садист. Заставь меня продежурить здесь хотя бы пару месяцев, в кого бы я превратился? Не отвлекаться, решать задачу. Что может повлиять на человека, отвыкшего думать и чувствовать? Страх? Как его напугать?

— Коллега!

— Что, что? — ответили из дальнего угла, заскрипела кровать.— Вам плохо?

— Недавно... Инфаркт,— от омерзения к самому себе Гурова затосило, и он громко рыгнул.

За спиной раздался треск, громкие шлепки босых ног, мощный удар в дверь.

— Падлы! Придурки недобитые! — хрипло прорычал кто-то и вновь шаркнул кулаком по двери.— Пей молоко, сука, не мешай людям жить! Стража!

Гуров покосился на дверь, увидел краксистую фигуру, широкую волосатую спину. Дверь распахнулась, стучавшего хотели схватить, но мужик вовремя отпрянул, был опытным судя по всему.

— Лapy уберил! Человек помирает! Передай своему вертухаю, что он будет сто лет объяснения писать!

Сейчас врач придет, сделают укол,— испугался Гуров, поднялся и, тихо постанывая, побрел к двери.

— Зачем пьешь, дура? — мужик подхватил Гурова за локоть.— Коли бои обидел, дома сиди, валерьянку глотай.

Дверь была открыта, в глубине коридора раздали быстрые шаги. Гуров оттолкнул подбежавшего лейтенанта, увидел за его спиной белый халат и быстро пошел мимо, сам не зная куда. Схватить его уже не решились. Сделав еще несколько шагов, Гуров увидел дежурную часть, каких перевидал в отделениях милиции тысячи, проскользнул за барьер, снял телефонную трубку, набрал 02. Подскокил лейтенант, Гуров неожиданно осевшим хриплым голосом крикнул:

— Стоять! — Услышав ответ телефонистки, спокойно произнес: — Говорит подполковник Гуров, соедините меня с дежурным по МУР.

Соединили с дежурным по городу, трубку снял не помощник, как обычно, а главный. Гуров знал его плохо и обратился сугубо официально.

— Товарищ полковник, говорит подполковник Гуров, нахожусь в медвытрезвителе,— он повернулся к лейтенанту.— Ваш адрес? — продиктовал адрес.— Прошу прислать машину.

— Известно! Послала! Позор! Стыд! — ответил дежурный и положил трубку.

Гуров ни позора, ни стыда не ощущал, наоборот, сейчас им овладели чувства победителя: эйфория, подъем...

С улицы буквально ворвался майор с повязкой «по-

мощник дежурного по городу». Равнодушно взглянув на Гурова, крикнул:

— Дежурный! — увидев стоявшего рядом лейтенанта, не снижая голоса, словно разговаривал через улицу, отчеканил:

— Помощник дежурного по городу, майор Чекалин. Ваш регистрационный журнал.

Больше десяти лет назад, когда Гуров был переведен в Управление МУРа, Чекалин был уже «старичком». Не шибко умный, он авторитетом среди оперативников не пользовался. Недавно его перевели в дежурную часть, где майор дослуживался до пенсии. Гурова, который обошел его по должности, званию и уж, конечно, по авторитету, Чекалин, естественно, не любил.

— Что вы кричите, майор? — спросил Гуров. — Люди спят, а я здесь.

Только сейчас Гуров сообразил, что он голый, и представил, как выглядит со стороны.

— Гуров? — Чекалин пригляделся, даже затряс головой. Когда узнал, не сдержал улыбку. — Лейтенант, отдайте гражданину одежду, к восьми утра в Управление доставьте рапорт на мое имя.

В специальной комнате Гуров неторопливо оделся, в дверь то и дело кто-то из дежурного наряда заглядывал, неожиданно появилась голая волосатая фигура его «освободителя».

— Ешь твою мать, начальник, ну теперь тебе будет, — прошептал он, качнув лохмотной головой.

— Давай, давай, ложись на место, — окликнули из коридора, и «освободитель» исчез.

Гуров долго возился с карманами брюк и пиджака, которые оказались вывернутыми так тщательно, что подкладка не желала заправляться на место.

Затем он расписался в протоколе, что вещи ему возвращены, никаких документов, денег, даже носового платка при нем не оказалось.

— Где меня подобрали, лейтенант? — спросил Гуров.

— Мерзляковский переулок, у дома четыре.

— Утром с рапортом пришлите весь наряд, водителя машины тоже. — Гуров замялся, решая, как попрощаться. Не говорить же «до свидания». Затем сказал: — И распорядитесь, чтобы вытерли пол в туалете.

В машине Чекалин закурил и, выпустив тугую струю дыма, сказал:

— Ну теперь, Гуров, ты действительно стал самым знаменитым сыщиком Москвы и Московской области.

— Не сомневаюсь, — сухо ответил Гуров. — Соедини меня с дежурным.

— К чему? Через пять минут ты полковника увидишь.

— Майор, соедини меня с дежурным.

— Сейчас мог бы горю и не показывать, — ответил Чекалин, но снял трубку внутреннего телефона, передал Гурову.

— Товарищ полковник, снова Гуров беспокоит. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы меня отвезли в медчасть, сдать кровь на анализ.

— Черт бы тебя побрал, сыщик, — в голосе полковника проступили человеческие нотки. — Дай трубку Чекалину...

Алкоголь в крови Гурова не обнаружили, врач сделал ему укол, заставил выпить какой-то горький порошок и приказал выспаться. Майор Чекалин расстроился, отвез подполковника домой, а заключение экспертизы — в Управление.

Он проснулся за несколько минут до того, как звякнул будильник, и начал вспоминать ужин в ресторане «Загородный». Вскоре удалось восстановить события до мельчайших подробностей. Он выпил рюмку водки из общего графина, воду разливал Лебедев, но из одной бутылки... Иван принес шашлыки и две бутылки минеральной воды. Стоп!

Бутылки были открыты, Гуров помнил точно, из одной Иван наполнил бокал ему. Вода была холодной, и он выпил ее залпом. Здесь! В конце концов в какой конкретный момент и что именно ему подсыпали, значения не имеет. Он попался, словно мальчишка, теперь можно хоть десять заключений представить, загремел в вытрезвитель, и точка. Придется писать рапорт, объясняться с Орловым, с Константином Константиновичем, а уж разговоров среди оперативников... представить нетрудно.

Первым позвонил Орлов.

— Как себя чувствуешь? — не здороваясь, спросил он. — Я не твоим душевным состоянием интересуюсь. Ноги, руки, голова.

— Великолепно.

— Плохо. Придется врать. Ты болен, неожиданно поднялась температура. Ты в отпуске, больничный лист не нужен. В Управлении без моего разрешения не появляться. Генералу я доложу, хотя он, конечно, уже в курсе. — Орлов говорил быстро, в конце выдохнул и спросил: — Лебедев?

— Он.

— Сопляк ты, хоть и подполковник.

— Петр Николаевич, тебя убийца, разгуливающий

по городу с пистолетом в кармане, не интересуют? — ласково спросил Гуров.

— Лева, не паясничай! — Орлов сердито засопел. — У нас в Тимирязевском три трупа. Не до твоих фантазий, сиди тихо, отдыхай, — и положил трубку.

Точно, не до меня, понял Гуров. Больше ни о чем подумать не успел, телефон зазвонил снова.

— Лев Иванович, майор Крячко беспокоит, как здорово?

— Отлично, Станислав. Ты по Тимирязевскому задействован?

— Неизвестно.

— Выяснится, позвони. Ты мне срочно нужен.

— Смеешься?

— Кажется, нет. Подожди, — спохватился Гуров. —

Сейчас в дежурную часть прибудет экипаж патрульной машины вытрезвителя. Потолкуй с каждым в отдельности, включая водителя. Треси до тех пор, пока из них правда не посыплется. Меня не могли бросить в переулке, а они доложили дежурному, что подобрали меня в Мерзляковском. Врут. Добудь правду, Станислав. Она не для моей реабилитации нужна, для дела.

— Сделаю. Не скучай.

Только Гуров положил трубку, задрезжал междугорный.

— Подполковник? — раздался восторженный голос Ольги. — Докладывают административно высланные, у них полный порядок. Какова оперативная обстановка в Москве?

Гуров с прискорбием отметил, что, видимо, научился врать профессионально, так как болтал легко, непринужденно, и голос у него был веселый и естественный.

Когда Иван вывел засыпающего на ходу Гурова из ресторана и усадил в такси, водитель сказал:

— Не повезу.

— Держи. — Иван протянул десять рублей. — На Пресню, сдачу оставь себе.

Иван обшарил все карманы Гурова, но, кроме пятнадцати рублей и носового платка, ничего не нашел. Жаль, конечно, очень уж он рассчитывал забрать у сыскаря служебное удостоверение, но тот, будто учуял недоброе, документов с собой не взял. «Ксиву и пушку прихватил бы — тогда ему смерть», — рассуждал недоброжелательно Иван. — Но на нет и суда нет. Все и так неплохо сложилось».

Иван выяснил заранее, где находится вытрезвитель. Остановив машину неподалеку, он выволок тяжелое тело, затащил во двор, бросил метрах в тридцати от дверей вытрезвителя, и, опрыскав Гурова водкой, отошел в сторону.

«Рафик» появился довольно быстро, милиционеры потоптались у тела, Иван услышал невнятный говор, смех и шутки и, убедившись, что шустрого подполковника уволокли по месту назначения, поехал к Лебедеву.

— Давай кончать, — сказал Иван. — Мне эта история надоела. Езжай, бери деньги. Я тебя здесь подожду. Утром я из Москвы уеду. Ясно, что, когда Гуров очухается, ему не до меня будет, но чего бы с ним начальники ни делали, под замок его не запрут. Он теперь совсем озверелый будет, а мне это ни к чему... Лебедев бросил на стол сберкнижку.

— Утром сберкасса откроется, можешь получить. Хочешь уезжать, вольному воля, но я бы тебе советовать оставался.

Иван пролистнул сберкнижку, кивнул.

— Все правильно, это за прошлое, а за нынешнее?

— Ты себя оберегал больше, чем меня, Ваня, — ответил Лебедев. — Дело не в деньгах. Я справедливость люблю.

— Ты? Справедливость? — Иван опешил. — Замочить я тебя не могу, но вот морду набить, сука старая... — и двинулся на хозяина.

Юрий Петрович не шелохнулся.

— Тебе, что, дурак, деньги больше никогда не понадобятся? — Юрий Петрович плеснул в бокал коньяку. — Недоработали мы с тобой. На мне грех, недодумал. Трудно было его по затылку кирпичом шархануть? Бесчувственного...

— Черта лысого! — Иван тоже выпил, но немного, понимая, что сейчас нужна трезвая голова. — Ты большой финансист и машинатор, но с МУРом не знаком. Сыскари бы вмиг унюхали, что чернуху подсовывают. И закрутились бы колеса. Чем занимался последнее время подполковник, кому мешал? На тебя бы вмиг высочили. Нет, мы верно сработали. Пьянка не уголовщина, а сегодня для партийного хуже пьянки криминала не существует. Друзья ему поверят. Так, полагаешь, у него врагов нет?

— Хорошо, — согласился Лебедев. — Зачем тебе уезжать? Несколько дней он будет по коврам ходить, отписываться.

— А потом? Он же первым делом меня искать начнет.

— Найдет, — кивнул Лебедев. — А ты посмотришь в его пронизательные глаза и спокойно расскажешь, что он в ресторане неожиданно изрядно выпил, и ты помог ему сесть в такси.

— А он поверит?

— Конечно, нет, — Лебедев ласково улыбнулся. — Просто мне хочется на товарища после этой истории взглянуть. А вдруг его так начальники тряхнут, что он помячает? Человек, Иван, по своей природе загадка, всякое может случиться. И ты тут очень пригодисься.

Юрий Петрович взял лежавшую на серванте книгу, вынул из нее сберкнижку.

— Тут пять тысяч, получи, разделим поровну, а там поживем увидим...

Иван задумался. «Умен старый, слов нет, партнер сильный, одно плохо — не боится меня», — рассуждал Иван. — Все козыри у него на руках, а так вести игру не годится, наверняка проиграешься».

Иван Лемешев привик, что его боятся, Лебедев тоже сначала испугался, а теперь одержал верх в игре, смотрел в глаза спокойно, даже пренебрежительно.

— Ты не заснул? — грубо прервал его размышления Юрий Петрович.

— Устал, — неожиданно для себя признался Иван. — И мент твой мне надоел. Может, пошлем к чертовой матери, ничего он нам не сделает. Я уеду, ты останешься, поживем тихо, осмотримся, суд на юге закончится, и все утихнет.

Предложение, конечно, соблазнительное, но принять его Лебедев не мог. Он Гурова боялся, и пока ситуация с подполковником окончательно не разрешится, решил Ивана не отпускать.

— Ну, а если он что-нибудь на нас раскопает и новый материал республиканской прокуратуре подбросит? наших друзей прижмут покрепче, и они заговорят в полный голос? Тогда как с нами будет?

— Не заговорят, — уверенно ответил Иван. — У тебя касса, а назвать меня все равно что застрелиться.

Иван рассуждал логично, Юрий Петрович готов был с ним согласиться, вот только одно покоя не давало. Почему Гуров не успокаивается и прет как танк? Подполковник не дурак, одними эмоциями он руководствоваться не станет, что-то он знает такое, о чем Лебедеву неизвестно. Кроме того, очень уж хотелось перевербовать сыщика. В ресторане Лебедев увидел в его глазах уверенность и непримиримость, но они ярко вспыхнули и погасли. Гуров тогда производил впечатление человека надорвавшегося, потерянного. Может, как девятый вал, поднялась буря и на спад пошла? А сейчас он в изоляторе «протрезвеет», и начальство окончательно похоронит его идеализм... Подловить его на слабости и купить? Что-то, но двойную игру Гуров вести не будет, если уж он скажет «да», то можно не сомневаться...

— Ты сам-то умом не двинулся ненароком? — усмехнулся Иван. — Глаза закатыл, улыбочка, как у идиота.

— Поздно, спать пора. — Лебедев посмотрел на часы. — Решись остаться, две с половиной мне завтра принесешь. Уедешь, я тебе эту мелочь дарю. Только больше ко мне не обращайся.

— Как бы ни решил, позвоню. — Иван пошел к двери, рассмеялся. — А товарища подполковника мы с тобой неплохо упаковали, будет что вспомнить на старости лет...

Гуров бесчисленное количество раз прокручивал в памяти и восстанавливал свои слова и поступки за последние дни. Все вроде делал правильно, а в финале сплошной позор. Конечно, ход с вытрезвителем предугадать было сложно. Однако Гуров вчера решил твердо, что пить будет только налитое из общей посуды, потом забыл, расслабился, прошлепал. Кретин, урод, растяпа, — клеймил он себя.

Позвонили в дверь. Распахнув ее, Гуров шутовски раскланялся, и только после этого узнал своего начальника, полковника Орлова.

— Вольно, подполковник, — Петр Николаевич начал стягивать мокрый плащ. — Рассказывают, что на фронте после массированного арталета некоторые начинали пить и плясать. — Орлов долго и внимательно разглядывал своего друга.

— Давай, — сказал он, проходя в гостиную, — поговорим.

Гуров усадил полковника рядом с телефоном, сам устроился напротив.

Орлов, утопая в низком кресле и вытянув ноги, смотрел на друга с неприязнью.

— Ты мужик настоящий, иначе я бы с тобой не дружил, сейчас не приехал, — Орлов засопел. — Негоже злостью копить, ждать, пока ты сам очухаешься. Ты, Лева, как-то незаметно уверовал в свою исключительность. Ты сыщик подходящий, слов нет, мы это учитываем. Но ты офицер, коммунист, человек, который живет и работает среди людей и обязан считаться с самолюбием окружающих, с их мнением о твоей персоне. А ты порой не считаешься. Где твои девочки? Они тебе мешают, ты их отослал. Хорошо, плохо им — плевать, главное, твое дело. Любят — стерпят. Сколько людей в Управлении тебя недолюбливает, да и просто терпеть не может, тебе безразлично. Они хуже тебя, глупее, менее профессиональны, а у Гурова своя дорога — столбовая, и он как танк прет, никого не замечая. Цель оправдывает средства? Лес рубят —

щепки летят? Так, Лева, ты один можешь остаться: Даже твои враги не верят, что Гуров напился. Но в вытрезвитель ты попал и никуда от этого не денешься. Алкоголь в крови не обнаружили, а наркотик нашли. Как людям объяснить? Или ты полагаешь, что общественное мнение существует лишь у мещан и обывателей, а талантливые и принципиальные живут по своим законам, особняком.

Ладно, Лева, считай, что воспитательную работу я закончил, и перейдем к делу. Только знай, мне порой тебя очень жалко бывает. Орлов вздохнул. — Хотя и отлично понимаю, что слово «жалость» оскорбляет твою величественность.

Орлов перегибал умышленно и понимал, что делает больно, видел и бисеринки пота над бровями друга, и побелевшие пальцы на сцепленных руках. Но уж быть так быть, а иначе с Гуровым и говорить о его персоне бессмысленно, отшутился, и вся недолга...

— На людей никогда не плевал, неправда, девочек от случайности уберечь хочу, а товарищам можно объяснить, — Гуров облизнул пересохшие губы. — Выполнял специальное задание, прокололся... Надо объявить выговор... Наказать...

— Не волнуйся, — миролюбиво ответил Орлов. — Приказ будет. А насчет специального задания? Всем известно, что ты в отпуске. И о служебном расследовании знают. Твое личное дело не сегодня-завтра в министерство затребуют. Тебя, подполковник, с должности снимать надо. Ох, Лева, Лева, — он как-то по-бабьи вздохнул, — в недобрый день ты на мою голову свалился.

— Увольняйте!

Орлов собрался сплунуть, но, увидев под ногами ковер, сдержался.

— Ладно, с твоей персоне закончили, давай о делах. Врать ты не будешь, а вот не договаривать — можешь, так что выкладывай все, полностью.

Гуров поднялся, принес из кабинета тетрадь с записями, протянул Орлову. Полковник прочитал заголовок, взглянул на Гурова и сказал:

— Ладно, ступай на кухню, организуй что-нибудь, — и начал читать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Юрий Петрович надел свежую рубашку, повязал галстук, хотя никуда не собирался идти. Последние дни он редко выходил из дома, но одевался так, словно каждую минуту ждал гостей. Объяснялось это тем, что он начал замечать в себе непонятную лень, равнодушие. Привыкший жить активно, по жесткому распорядку, после разгрома «империи», потеряв почти все связи, Лебедев начал терять себя. Целый день он только и думал, чем заняться. Телевизор Юрий Петрович не любил, читал с удовольствием, да сколько можно?

Иван деньги принес, решил остаться поглядеть, чем закончится история с подполковником. Шел третий день, как Гуров выбрался из вытрезвителя, а вестей о себе не подавал. Лебедев не сомневался, что Гуров должен объявиться немедленно, человек с таким самолюбием молча проглотить подобную пилюлю не способен.

Сегодняшняя позиция Лебедева выглядела неуязвимой. Парадоксально, но факт, процессы, происходящие в обществе, работали на него. Еще недавно его могли «взять» по подозрению, на основании косвенных слабых улик, запереть в каземат, начать мурить на бесконечных допросах. Сейчас, дудки, никто не рискнет. Перестроились товарищи или нет, а последствия необоснованного задержания отлично понимают.

Юрий Петрович так озверел от тоски, навязчивых мыслей, что взял с полки томик Достоевского и, листая «Преступление и наказание», незаметно задремал.

Он так расслабился в зыбком покое видений, что дверной звонок буквально подбросил его в кресле.

— Лев Иванович, какими судьбами? — Лебедев неловко растопырил руки, готовый действительно обнять шагнувшего через порог Гурова. — Вот радость нечаянная! А я, признаться, соскучился, привязался к вам, честно сказать. Вы ведь вроде как моя совесть, раздельно с грешным телом кочующая. Перебрали вы тогда в «Загородном», надеюсь, добрались благополучно.

Гуров прошел в комнату, не снимая сырого плаща, провел ладонью по влажным волосам, сказал:

— Я нашел способ доказать вашу вину. Вы напрасно меня отравили, теперь-то я точно не отступлюсь. Вот. Пожалуй, и все. Не прощаюсь. Мы вскоре увидимся.

Пока Лебедев подыскивал достойный ответ, Гуров вышел на лестничную площадку и, полуобернувшись, добавил:

— Вы сейчас начнете искать ответ на вопрос, зачем я приходил. Скажу. Я пришел, чтобы напугать вас. Вы перестанете спать, есть, будете постоянно ломать голову и окончательно запутаетесь. Именно этого я и добиваюсь. Не мучайтесь, явитесь с повинной.

Иван Лемешев изнывал от безделья. Двадцать тысяч, гонорар за убийство Кружнева, Иван убрал в тайник, который заранее оборудовал в гостинице, там держал и пистолет. Появилась шальная мысль: пистолет уничтожить, как единственную серьезную улику. Однако новый сейчас не раздобудешь, а сколько стоит Иван Лемешев без оружия? Денег при его образе жизни хватит где-то на год, а дальше?

Жил он скучно, однообразно, выпить, загулять как следует и то нельзя. Женщины для души не было, для постели — найти не проблема, так это много времени не занимает. Иван неожиданно размечтался о тихом провинциальном городке, в котором был прописан и «работал», о доброй, простой женщине, даже не подозревавшей, чьи рубашки она стирает, кого ждет по вечерам, с кем ест за одним столом, спит в одной постели. А чем не жизнь? Тоска подкатывала комом, и наконец Иван не выдержал и достал из чемодана коробочку со шприцем. Он не считал себя наркоманом, подкалывался время от времени, снимая напряжение. Видимо, у него был очень здоровый, сильный организм, так как наркотик над ним власти пока не приобрел. Иван в этом не сомневался, убежденный, что «на игле сидят» лишь слабовольные придурки. И не замечал, что интервалы между подкалываниями медленно, но неумолимо сокращаются, а дозы «зелья» увеличиваются.

Юрий Петрович не знал настоящего имени своего гостя, звал Иосифом, видел третий раз в жизни, но твердо был убежден, что этот человек — лицо, приближенное к «императору», находящемуся сейчас в тюрьме под следствием и держащему в своих руках ниточку, на другом конце которой висела судьба Лебедева. Иосиф, как и в прошлые встречи, был одет неряшливо, небрит, грустен, говорил тихим, извиняющимся голосом, постоянно шмыгал носом.

Юрий Петрович понимал, если Иосиф прилетел лично, значит, дело чрезвычайно важно.

Гость выкладывал привезенные подарки: дыню, виноград, грецкие орехи, круг сулугуни, баночки с аджикой и бутылки с ткемали, завернутую в фольгу бастурму и бутылку домашнего вина. Казалось, разыгрывается сценка «Прибытие в Москву» заботливого родственника с далекого юга.

— Вот так. Тяжелые времена, но не оскудеют наши земли. — Иосиф, потирая руки и шмыгая носом, с довольным видом оглядел свои подарки, будто до конца выполнил возложенную на него миссию и сейчас для приличия выпьет традиционного чаю, расскажет о многочисленных родственниках и уйдет.

— Большое спасибо, очень благодарен, — произнес Лебедев, взял сверток с бастурмой, понюхал, закатил глаза. — Потрясающе.

Черт бы вас побрал, фальшивых, неискренних показушников, — думал он, усаживая гостя, справляясь о погоде, дороге, здоровье жены и детей, но не имея понятия, существуют ли они на свете...

— Ты стал для нас, как брат, — сказал Иосиф, выпив вторую чашку чая и жестом отказываясь от следующей.

«Начинается, — понял Лебедев, — сейчас меня, как ближайшего родственника, распнут на кресте».

— Твоя беда — наша беда, твоя забота — наша забота.

— Да, да, я знаю. Когда начнется суд? — не выдержал Юрий Петрович.

Иосиф зашмыгал носом, взглянул печально:

— Нам нужна твоя помощь, мой друг. Твой брат не хочет видеть тебя рядом на жесткой скамье.

— Не повторяйся. Не стоит меня пугать. Я вам нужен на свободе, братская могила хороша только для неизвестных солдат.

— Грубый ты человек, русский. — Глаза Иосифа были полны укоризны.

— Прямой. Мы не братья, даже не сестры, а деловые партнеры, кончай свои восточные сказки, переходи к делу!

Иосиф потер сизые небритые щеки, затем вроде бы смахнул слезу.

— Трудно с тобой...

— Я сказал, кончай! — повысил голос Лебедев. — Зачем прилетел?

— Помочь тебе. Вы, русские, словно не одной крови. Даже шакал не душит шакала. А твой полковник хочет загрызть тебя.

— Гуров пока не полковник, — ответил Лебедев. — Что тебе известно?

— Его хотят уволить, и он взбесился, хочет отмыться твоей кровью, брат...

— Уволить? Это было бы неплохо. Не ждал я от тебя хороших вестей, спасибо, — Лебедев повеселел. — Наберемся терпения и подождем.

— Дело твое, но деньги нам нужны сейчас. — Голос Иосифа потерял елейность.

— Что вы, как нищие, побираетесь? У ваших единокровных мало денег? Они могут купить госбанк! Пошарьте в своих карманах.

— Не лезь в чужой карман. У тебя наши деньги, отдай.

— Я не отказываюсь, приходи завтра — пригото-

влю, свои долги я всегда плачу, — ответил Лебедев, радуясь, что можно враз покончить с этим гиблым делом.

— Я деньги не повезу, — сказал Иосиф. — Слишком старый, в тюрьму поздно садиться. К тебе завтра придет другой человек.

— Нет! — крикнул Лебедев. — Никаких новых людей видеть не желаю! Ты возьмешь здесь, вынесешь из дома, там делай, что хочешь, передавай, кому пожелаешь. Напишешь расписку, отпечатки пальцев, порядок знаешь... Все выполнишь и свободен.

Он подумал: что, если расплатиться сейчас? Старик не опасен, ему со мной не справиться. Деньги под рукой, отдать и забыть. Гуров на последнем издыхании, даже если его не уволят, сошлют в такую дыру, что ему будет не до меня. Сегодняшний его визит — чистой воды блеф, не более. Юрий Петрович взял себя в руки, одернул. Не спеша, сдохнешь на самом финише. Никто не должен знать, где я держу всю кассу.

— Давай, Иосиф, не будем ссориться, как мальчишки, приходи завтра.

— Нет, я буду ночевать у тебя, а деньги возьмет другой человек, — твердо сказал Иосиф. — Он уже в Москве, здесь, на этой улице. Если я через час не выйду погулять, он придет в твою квартиру. Я желаю тебе добра.

Иосиф неожиданно испугался, знал, что Иван в Москве, и потому врал: на улице его никто не ждал. Он действительно прилетел с содельником, но тот уехал к знакомой девице, ждал звонка.

— Если хочешь знать, кто тебе друг, сожги свой дом, — тяжело вздохнув, произнес Иосиф. — Мужчина не проходит равнодушно даже мимо чужого пепелища. В дни моей юности, русский, жили мужчины.

— Иван в Москве, ты это знаешь, зачем нужен лишний человек?

— У моего человека нет пути назад, он не может продать.

— У Ивана тоже нет обратной дороги, — возразил Лебедев.

— Иван все знает, может потопить всех.

— Только вместе с собой.

— Да, верно, но человек, живущий на игле, слаб, и если его запрут на замок...

— Иван наркоман? — перебил Лебедев.

Иосиф шмыгнул носом, кивнул и совсем тихо, будто боялся, что кто-то подслушает, сказал:

— С Иваном мы расстаемся.

Юрий Петрович не понял, что услышал приговор, рассмеялся.

— Иван — человек, который сам решает подобные вопросы, думаю, что он не согласится. Кроме того, он мне нужен еще здесь, в Москве.

— Ты говоришь, как мальчик. — Иосиф достал из кармана маленькую пластмассовую коробочку, открыл, и Лебедев увидел, что в ней лежат три ампулы. — Передай Ивану, скажи, от меня.

Только теперь Юрий Петрович понял, что означает слово «расстаемся», и отстранился.

— Нет. Товарищи знают о моей связи с Иваном, когда труп найдут, проведут экспертизу, — убийство повесят на меня.

— Ты глуп. — Иосиф положил коробочку на стол.

«Действительно, глуп, — подумал Лебедев. — Какая разница, кто передаст смертельный наркотик? Все равно моя связь с Иваном установлена, и его смерть обязательно свяжут со мной. А, может, подполковник не доложил начальству и в МУРе ничего обо мне не знают?»

Иосиф положил на стол половинку трехрублевой ассигнации.

— Завтра в десять утра ты позвонишь по этому телефону, — он коричневым сморщенным пальцем ткнул в фиолетовые цифры на засаленной трешнице, — встретишься с человеком, он даст тебе вторую половинку. Ты передашь ему деньги, и мы с тобой квиты.

«И вы уложите меня рядом с Иваном, — подумал Лебедев, — ну поживем — увидим. Или, как выражается мой персональный голубоглазый сыщик, еще не вечер...»

— Хорошо. — Юрий Петрович положил половинку трешницы в нагрудный карман пиджака. — Ложись, отдыхай.

Иосиф вынул из кармана старинные часы, щелкнул крышкой. Склонив на бок голову, выслушал переливчатый бой и поднялся.

— Пойду по Москве, надо подарки внукам купить, вернусь в пять.

Через три часа Иосиф дремал в кресле самолета. В девять вечера, поняв, что азиат обманул и не вернется, Лебедев позвонил Ивану, но того не оказалось в номере.

Юрий Петрович просчитал все возможные варианты и пришел к выводу, что, как бы судьба подполковника ни сложилась, его нельзя оставлять в живых. И сделать это должен Иван. Стрелять он не захочет, следует подсказать ему ход, который использовал покойный Кружнев, — свинтить гайки крепления переднего колеса машины. А уж сделать так, чтобы Гуров выехал на

загородное шоссе,— это забота Лебедева. Сначала убрать подполковника, потом Ивана... Все в жизни повторяется. Совсем недавно Кружнев убил Артеменко, а Иван убил Кружнева. Такую систему тоже придумал не Лебедев, он видел подобную историю по «видео», кажется, она называлась «принцип домино». Если костяшки домино поставить рядом вплотную друг к другу и крайнюю толкнуть — они повалят друг друга.

Иван вышел из такси и несколько кварталов шел темными пустыми переулками. У стоянки присел на лавочку, покурил, присматриваясь к обстановке. В доме Гурова светились желтыми огоньками только два окна. Кому-то не спится, равнодушно подумал Иван и затоптал окурки.

Белые «Жигули» Гурова стояли в ряду других машин, и это облегчало работу. Да и работой-то такие пустяки назвать было трудно.

Иван оглядел стол, уставленный дарами Иосифа, и, потирая руки, сказал:

— Прибыли гости с юга, вижу, еще не перестроились. Давай закусим, шеф.— Он взглянул на часы.— Завтрак или еще ужин? — усаживаясь за стол, как бы между прочим спросил:— А для меня лично ничего не передали?

— Получишь завтра, то есть сегодня, когда помянем подполковника Гурова,— ответил Лебедев, исподволь наблюдая за Иваном,— не знал, что ты балуешься морфием.

— Ты меня не воспитывай, хорошо? — Иван был спокоен. Организм еще добавки не требовал, да

и в номере оставалась одна порция.— Выкладывай новости.

— Деньги, деньги. Иосифу пора о вечности думать.— Лебедев положил себе на тарелку зелень.— Утром подполковник должен поехать в Домодедово, ты его сопровождаешь...

— Надеюсь, не в его машине? — рассмеялся Иван.— Идея твоя, профессор, понятна, только все не так просто. А если он не поедет?

— Должен поехать, если бы Гуров сейчас был подполковником МУРа, то мог бы послать кого-нибудь вместо себя. Но он сегодня частное лицо. Поедет.

Иван поглядывал на хозяина недоверчиво:

— Ты, профессор, человек умный, но не пытайся меня обехать. Если все кончится хорошо,— он имел в виду смерть Гурова.— Благополучно... ты выделяешь мне долю сполна.

Юрий Петрович понимал, что Иван потенциальный покойник, разговор ведется пустой, но вынужден был играть по правилам и начал торговаться.

— Сколько?

Иван поднял палец.

— И я уйду на заслуженный отдых.

— Столько у меня нет,— твердо сказал Лебедев.— Я должен рассчитаться с Иосифом, и сам надеюсь еще пожить.

— Точно выразился,— Иван кивнул.— Хочешь пожить, не торгуйся.

— Знаешь присказку про шкуру неубитого медведя? — Лебедев решил не перегибать палку и закончить разговор мирно.— Будет в руках шкура — не поссоримся, люди разумные.

— А мент спит себе и не знает, сколько его шкура стоит,— Иван налил немного коньяку.— Пожелаем человеку удачи.

Гурова разбудил телефонный звонок. Посмотрел на часы — шесть. «Как в старое доброе время, когда я был на Петровке нужен», — подумал он и снял трубку.

— Квартира сто три, товарищ Гуров? — затараторил девичий голос.— С почты беспокоят... На ваше имя поступила телеграмма. Срочная. Но почтальон придет позже. Вам прочитать?

— Читайте,— Гуров сел и окончательно проснулся.

— Сегодня обязательно встречай наш рейс, целую, жена. Повторить?

— Спасибо, запомнил,— Гуров положил трубку.

«Что могло случиться,— рассуждал Гуров.— Да ничего, шлея под хвост попала... Наш рейс? Давала телеграмму по телефону, не потрудились взглянуть на билет. А может, случилось что-нибудь? Позвонить Серову? Скорее всего Рита ему ничего не сказала, чтоб не отговаривал».

В восемь утра Гуров выехал со стоянки. Надо бы цветы купить и заправиться. Бензоколонка есть по дороге, а цветы — в аэропорту,— и Гуров переключил внимание на темы, менее приятные, чем цветы и предстоящие объятия...

В тот день, прочитав дневник Гурова, полковник взглянул простовато и задал чисто женский, не имеющий ответа, вопрос:

— Ну и что?

— Петр, ты в своем уме? — Гуров даже развел руками.

— С утра был, а сейчас не уверен. А ты?

— Не отвечай вопросом на вопрос!

Орлов долго рассматривал Гурова, зачем-то вытянул губы дудочкой и скосил глаза на кончик собственного носа.

— Не смеши — глупо!

— А чего ты ждешь! Возможно, Лебедев — крупнейший пройдоха и организатор убийства. Тогда скорее всего именно по его инициативе на тебя наехала «телега» и ведется служебное расследование. Тебе больно и обидно...

— Слушай, Петр, у тебя много друзей? — перебил Гуров.

— А у тебя? Ладно! — Орлов махнул рукой. — Выдохни. Можно предположить, что твой Иван профессиональный убийца? С твоей фантазией вполне возможно. Оставим. Меня интересует, что конкретно ты делаешь и как собираешься себя вести в ближайшем будущем? Открыл частное сыское агентство?

Гуров обиделся, на друга не смотрел и не заметил, что Орлов уже не сидит в кресле развалившись, а выпрямился, напрягся.

— Ты же мне людей не даешь, — ответил Гуров. — Я один с ними разберусь.

— Дурак ты, — Орлов вновь откинулся в кресле, — самовлюбленный человечек, хоть и подполковник и заместитель начальника отдела МУРа. Тебе одному, если не грош, так целковый — красная цена.

Не «грош» и не «целковый» взбесили Гурова. Никто никогда не смел называть его «человечком». Он ничего не ответил и отправился в ванную умываться. Когда вышел и, дрожащими руками комкая полотенце, собрался произнести ответную речь, Орлов уже надел плащ и открыл входную дверь.

— Я твою тетрадочку прихватил, может, музей криминалистики заинтересуется, — сказал он равнодушно. — Отдыхай, будут новости, звони.

Гуров растерялся. Пойти к Константину Константиновичу? В Министерство? Может, Петр с ума сошел? Сколько раз работали по более хлипким версиям! А я считал его умницей и своим другом. Постепенно он успокоился. Воевать решил в одиночку...

С утра и до поздней ночи Гуров прохаживался по улице Воровского, не теряя из поля зрения нужный подъезд, жевал на ходу бутерброды, начал покуривать. Он уже узнавал некоторых работников Верховного суда, знал влюбленных из Гнесинского училища. На него стали обращать внимание постовые, стоявшие у посольства...

Приехавшего на такси Иосифа, хотя в жизни его и не видел, Гуров узнал сразу. Деревянный чемодан и сумка с огромной дыней не оставляли сомнений, что человек прибыл с юга.

Через час с небольшим южанин вышел на улицу, ни чемодана, ни сумки при нем не было. Деньги он не берет, понял Гуров, может, Лебедев расплатился бриллиантами? Вряд ли, они сейчас возьмут только наличные, не станут связываться с реализацией.

Гуров прошел за гостем на Калининский проспект, когда Иосиф остановил такси, подполковник подождал, пока он усядется, потом подбежал и распахнул дверцу.

— Привет, шеф! Далеко собрался?

— Домодедово, — ответил водитель.

— Извини, — Гуров захлопнул дверцу и вернулся на улицу Воровского.

«Зачем он прилетал? — рассуждал Гуров. — Наверняка привез какие-то распоряжения, не доверяет телефону». В восемь вечера подполковник уехал домой, приняв решение завтра же обратиться в Главное управление уголовного розыска МВД. Он понял, что один ничего не сделает.

Подполковник гнал машину в аэропорт, думая сейчас лишь об одном, сумеет ли он купить цветы?

Иван на такси ехал следом. Напутствуя его, Юрий Петрович несколько раз повторил, мол, ты должен своими глазами убедиться, что милиционер выбыл из игры. В конце концов нам не обязательно, чтобы он уробился насмерть, если устроится на две-три недели в больницу, вполне достаточно.

Иван начал преследование машины Гурова от самого дома, но затем понял — ни к чему, если таксист поймет, за кем они едут и увидит аварию.

— Приятель, можно не торопиться? — попросил он водителя. — Вчера принял лишнее, мутит.

— У тебя от ханки, а у меня от плана голова болит, — недовольно ответил водитель.

— Не в деньгах счастье.

— Философ, — буркнул водитель, но, увидев протянутый Иваном четвертной, заулыбался. — Счастье, конечно, не в деньгах, только без них мутно.

«Жигули» Гурова исчезли в потоке машин, Иван прикидывал, успеет ли мент выехать из Москвы или колесо отвалится раньше? Вот будет номер, если он тормознет у светофора, колесо скосочничает, и всей истории конец.

Они проскочили пост ГАИ, вышли на прямую, водитель заерзал:

— Здесь-то можно прибавить, чего мы тянемся, словно баба с дитем на руках?

— А ты поспешай не торопясь, — ответил Иван и увидел грузовик с прицепом, который выехал справа, неловко развернулся и перегородил им дорогу.

Иван рассмеялся, а водитель матюгнулся и затормозил. Грузовик дергался безуспешно, и лишь минут через десять, выбрасывая клубы черного дыма, развернулся и освободил дорогу. Они проехали еще с десяток километров, и Иван начал беспокоиться. Никакой аварии на шоссе не было. Неужто подполковник доедет благополучно?

— Кто-то пристроился, — водитель увидел аварию раньше Ивана. — И дорога сухая, — он сбросил скорость и, как большинство водителей, смотрел на перевернувшуюся в кювете машину с любопытством. — Частник.

— Останови, — сказал Иван, глядя на милицейский «мерседес» и рафик «Скорой помощи». — Кажется, белая «шестерка»?

— Ну? А тебе чего?

— У меня дружок на белой «шестерке» должен меня провожать, — сказал Иван, выскакивая из машины.

Когда Иван подбежал к месту аварии, «Скорая» отъехала. Крыша у белой «шестерки» была смята, видимо, машина перевернулась, стекла разбиты. Иван взглянул на номер. Это была машина Гурова.

— Товарищи! — инспектор ГАИ возмущенно оглядел собравшихся. — Люди вы или нет? Разбили человек, а вы стоите, рты поразедали.

— А чего это он? — спросил кто-то. — Пешеход, что ли, выскочил?

— Колесо отлетело, виши, валяется.

— Товарищи водители, я вас сейчас штрафовать буду, здесь стоянка запрещена! — повысил голос инспектор.

Мужчины, не торопясь, расходились к своим машинам, а Иван стоял, мял сигарету, вспоминал подполковника, его тонкое лицо, голубые глаза, чуть насмешливую улыбку.

— Торопимся, торопимся, — уже миролюбиво произнес инспектор и дал Ивану прикурить. — Молодой мужик, хорошо хоть один был.

— Как он?

— Как, как? — Инспектор посмотрел на своего товарища, который, сидя в «мерседесе», разговаривал по телефону. — Может, и соберут по частям.

«Может, жив останется?» — думал Иван, возвращаясь к такси. — Нет, мне надо точно завязывать, психом стал. Сколько людей порешил, а из-за паршивого сыскаря слюно распускаю. Он бы, сука, меня под вышку недрогнувшей рукой подвел!»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Каждому воздастся! — патетически воскликнул Юрий Петрович, выслушав сообщение Ивана и протягивая ему коробочку с ампулами, которые привез Иосиф. — Всем сестрам по серьгам.

— Верно, Юрий Петрович, пора расплачиваться, — Иван убрал яд в карман.

— Через пять дней получишь сполна, — Лебедев рассчитывал, что за такой срок убийца наверняка разок уколется.

— Жаль расставаться?

— Привезти надо, я же такие деньги не в диване держу.

Иван поднял палец.

— Один лимон. Ни камни, ни металл я не возьму, мне торговать негде.

— Половина, Иван. Тебе и пятьсот тысяч до конца жизни хватит.

Иван отошел к окну, повернулся к хозяину, задумчиво разглядывал его, затем сказал:

— Ведь точно знаю, что верить тебе нельзя! Не могу допетрить, где и как ты меня объехать хочешь. Пять дней — хорошо. В нелегалы ты не уйдешь. Защиты тебе просить не у кого. Неужто впрямь решил заплатить? Чудеса... Иосиф, конечно, деньги не взял, кто их повезет? Неужели ты?

Юрий Петрович усмехнулся, покрутил пальцем у виска.

— Есть человек: с Иосифом прилетел. Я думал, ихний окажется. Нет, русский...

— Русский? — удивился Иван. — Каков собой?

— Не видел, по телефону разговаривал, вечером договорились встретиться, — ответил Юрий Петрович. — Со мной пойдешь.

Иван кивнул, думая, брать с собой пистолет или нет.

В дверь позвонили длинно, уверенно. Лебедев пошел открывать. Мужчина лет тридцати в плаще и с непокрытой головой шагнул прямо на хозяина, Юрию Петровичу пришлось отскочить.

ТАМ, ГДЕ РАСТЕТ КОВЫЛЬ...

западным искусством расширило кругозор донского художника, но не отразилось на его мировосприятии и художественных принципах. Писать природу такой, как она есть, какой она предстает перед глазами, на этом он стоял и остался стоять до конца. Не без иронии писал Крылов жене из Венеции: «Живу на этом самом канале и кое-что работаю».

...И наступили годы взлета. Перелом обозначился еще до поездки в Европу. Тогда Крылов буквально набрал в стелу на счастливый сюжет: козел-вожак будит спящего пастиуха, мол, вставай, соня, рабочий день окончен, пора двигаться к дому, стадо уже собрано и ждет. Картина «Пора домой» обошла многие отечественные и зарубежные выставки, была замечена, оценена по достоинству зрителями и жюри, отмечена премиями.

Стремясь развить прорезавшийся наконец серьезный успех, Крылов решил создать «чистый» степной пейзаж, без примеси сюжетной жанровой картины. Главный мотив остался прежним: степь донская, широкая, ковыльная. Но настроение, чувство простора удалось выразить полнее. Вещь получилась цельная, захватывающая; зритель не рассеивал внимания, не оталекался от пейзажа для осмысления жанровой сценки, как это было в работе «Пора домой».

Картина «Степь ковыльная» принесла Ивану Крылову асероссийскую известность. Понравилась она и европейцам. Донской пейзаж экспонировался в Берлине, Брюсселе и Париже, где был удостоен высшей награды — золотой медали. Шел предвоенный 1913 год. Он принес еще одно памятное событие — состоялась долгожданная, давно выстраданная персональная выставка работ художника и не где-нибудь, а во вновь завоеванной столице, в Санкт-Петербурге.

Публика выставку посещала, но критика особо не баловала, обходила вниманием. Традиционное искусство, опирающееся на академическую выучку, ее интересовало тогда мало, оно лежало вне модных новаций. К тому же творчество Крылова носило ярко выраженный национальный характер, в записные столы эстеты полагали, что «стоящая» живопись должна обязательно иметь западный привкус.

Начавшиеся войны и революции отодвинули дела искусства на второй план; картины почти перестали продаваться, прекратились заказы на портреты...

Крылову еще предстояло прожить долгие годы. Он продолжал работать до последних дней, но ничего равноценного «Степи ковыльной» создать уже не мог. Его лучшее время осталось позади. А содержание семьи и дома, покупка художественных материалов и все другие статьи расходов остались. Немало времени Иван Иванович потратил на разъезды по городам юга России в поисках заказов на театральные декорации. «Всево написал декораций до 30 тысяч квадратных аршин», — вспоминал Крылов.

В конце 1936 года художник умер. А скромное, теплое, понятное каждому дарование Ивана Крылова продолжало очаровывать зрителей. Не имея никаких официальных почетных званий, он стал подлинно народным художником.

Когда смотришь на полотна Ивана Крылова, вспоминаются слова дружка пейзажиста, земляка и товарища Крылова, передвижника Николая Дубовского:

«...Они лишь ушли от нас, но никак не умерли. Ведь то, чем они жили, осталось у нас и после них в их творениях. И разве мы не имеем с ними тесного общения и по сию пору? Разве не дарят они нас своею радостью?»

Окончание. Начало на 12-й стр.

Окончание следует.

31-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Стартует наша очередная шахматная олимпиада. Приглашаем читателей «Смены», любителей древней игры, принять в ней участие. В ходе заочного соревнования вам предстоит решить шахматные задачи и этюды советских и зарубежных авторов (в том числе и оригинальные, нигде ранее не публиковавшиеся). Как и в предыдущих олимпиадах, наши конкурсные задания будут составлены только из миниатюр, которые пользуются особой популярностью у шахматистов благодаря ясности содержания и простоте формы.

Олимпиада проводится в 14 туров, каждый тур состоит из нескольких заданий. За выполнение отдельного задания, в зависимости от степени его трудности, участник соревнования получает от одного до пяти баллов. Максимальная сумма баллов за правильное решение всех заданий олимпиады равна 100. В соревновании установлены квалификационные нормативы для выполнения и подтверждения спортивных разрядов по шахматам: 32 балла для получения четвертого разряда, 52 балла — третьего, 92 балла — второго. Двадцать пять участников, добившихся лучших результатов, объявляются победителями олимпиады и награждаются дипломами «Смены» и книжными призами.

ПЕРВЫЙ ТУР

1. Публикуется впервые

Белые: Крб6, Фf8, Ке5, пп. b7, c6(5)
Черные: Крс7, Са7 (2)
Мат в 2 хода (1 балл)

2. Публикуется впервые

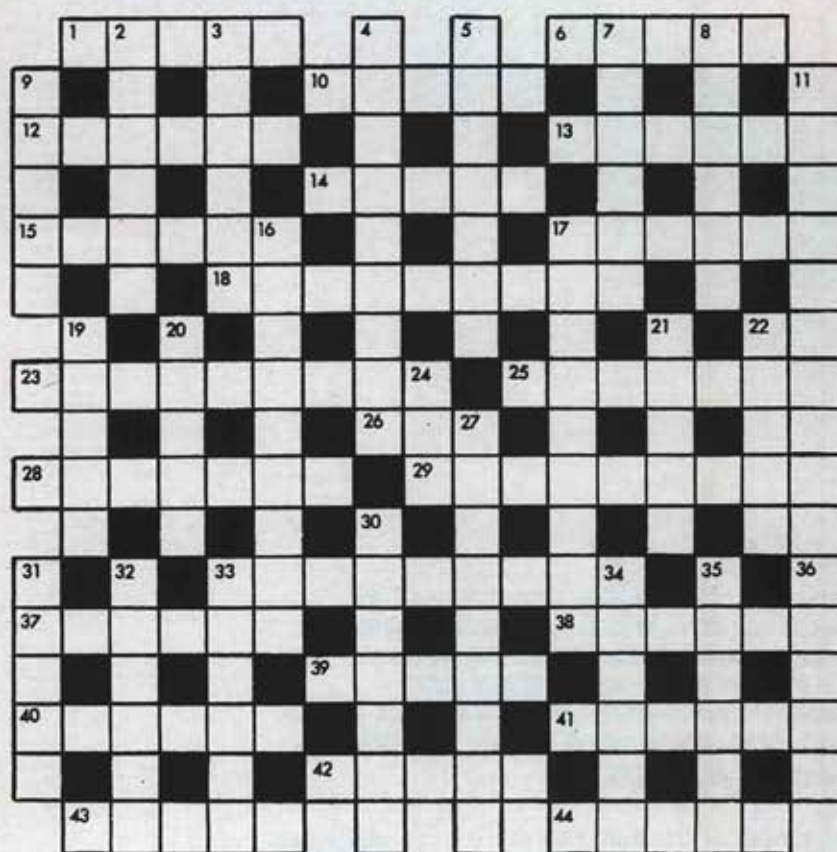

Белые: Крб8, Фh4, Са5, пп. d5, e7 (5)
Черные: Крд7, п.с6 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

Каждый участник должен прислать ответы на задания только на открытках (без конвертов!) с пометкой «31-я шахматная олимпиада. I тур». После решения следует указать фамилию, имя и отчество, возраст, профессию, спортивный разряд по шахматам и домашний адрес. Последний срок отправки писем (по почтовому штемпелю) — 1 апреля.

КРОССВОРД

Составил Д. Смирнов, Можайск

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Сабо, танкетки, чуни (общее название).
6. Каждая участница самого шумного в мире базара. 10. Эфир — слух, ... — осязание, огонь — зрение, вода — вкус, земля — обоняние (пять проявлений-элементов древнеиндийской философии). 12. Обычное в рабочей среде название «самолетного» сплава. 13. Неотъемлемое качество изобретателя. 14. Русская сказка о «семейном подраде». 15. Кит, главная пища которого в Антарктике — рачок-черноглазка. 17. Представитель одного из основных древнегреческих племен. 18. Город в Швеции, где в 1912 году Россия впервые участвовала в олимпийской парусной регате. 23. Физик, который в 1799 году изобрел проекционный фонарь, хотя секрет его знали уже жрецы Древнего Египта. 25. Алмаз по химическому составу. 26. Удав в сказке Р. Киплинга «Маугли». 28. Человек

в корабельном экипаже, очень тонко чинящий карандаши. 29. Семья армянских живописцев XVII—XIX веков. 33. Другое название наперстянки, ценного лекарственного растения. 37. Сверкающее оружие, которым Индра — царь богов в индийской мифологии — победил Солнце. 38. Сторожевой корабль, послуживший в октябре 1917 года революции. Этот корабль шел впереди буксиров, когда в Кольский залив вывели на испытания атомный ледкол «Ленин». Корабль должен был снабжать атомоход водой и паром. 39. Овидий во время написания «Скорбных элегий» и «Писем с Понта». 40. Причина стука, который слышит в океане акустик, если вблизи кит. 41. Самая распространенная в Европе пресноводная рыба. 42. Навездник на скачках. 43. Одно из русских названий завертки, рычага. 44. Судно запорожских казаков.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Голландский полярный исследователь, хорошо игравший на флейте. 3. Каждый из объектов, образующих «огненное ожерелье» Тихого океана. 4. Участок, отделенный от основного древесного массива полянами. 5. Русское название бойкой бранчливой женщины. 7. Кусок марли на ране для остановки кровотечения. 8. Самоцвет, который в торговле часто называют топазом. 9. Один из самых поэтических женских образов у Фенимора Купера. 11. Опера Р. Леонкавалло. 16. Периодическая опись государственного имущества для учета доходов в Польше XVI—XVIII веков. 17. Переселение из одной страны в другую. 19. Название купца в Древней Руси. 20. Трагедия Марины Цветаевой.

21. Единственный кулик, зимующий на Дальнем Востоке. 22. Человек, работающий на срезе двух стихий (воды и воздуха). 24. Мыс на восточном берегу Испании. 27. Плавающий аэродром. 30. Черная глубоководная рыбка, способная проглотить добычу во много раз больше себя. 31. «Критика и существует затем, чтобы разъяснить ... скрытый в созданиях художника» (Н. Добролюбов, «Темное царство»). 32. Обеззараживающий белый порошок. 33. Степень ясности речи, разговора. 34. Место, откуда Дон Гуан «самовольно в Мадрид явился» в одной из маленьких трагедий А. Пушкина. 35. Вольтер как критик религии. 36. Обычный прием нечестного человека.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 3 (1481) ФЕВРАЛЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН

(заместитель главного редактора)

Борис ДАНОШЕВСКИЙ

(заместитель главного редактора)

Александр КУЛЕШОВ

Андрей КУЧЕРОВ

Альберт ЛИХАНОВ

Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ

Сергей ПОПОВ

(ответственный секретарь)

Юрий РАГОЗИН

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ

Владислав СЕРИКОВ

Виталий ФЕДОРОВ

(главный художник)

Художник

Александр КЛИЩЕНКО

Технический редактор

Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 20.12.88.

Подписано к печати 03.01.89.

А 08802. Формат 70 × 108¹/₁₆.

Бумага для глубокой печати.

Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.

Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.

Тираж 2 500 000 экз.

Заказ № 3540.

Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок, Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

707 И ЕГО БРАТЯ
Счета Советского
имени В. И. Ленина детского фонда

ОБЩИЙ СЧЕТ — 707

Он открыт во всех отделениях всех банков СССР. Внося на этот счет средства, коллективы заводов, бригад, школьные классы, студенческие группы могут быть уверены — все эти деньги будут обращены в помощь детям, причем большая их часть идет на осуществление местных программ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СЧЕТ — 707101 в ОПЕРУ Жилсоцбанка СССР.

Средства, перечисляемые на этот счет, идут на осуществление всесоюзных программ в помощь детству.

СЧЕТ 707402 в ОПЕРУ Жилсоцбанка СССР, взносы на который можно тоже внести в любом отделении банка, собираются на капитальный ремонт лаборатории для доктора Васильева, который занимается помощью детям, больным церебральными параличами.

СЧЕТ 707703, открытый в ОПЕРУ Жилсоцбанка СССР, получил имя «Надежда». Средства, поступающие на него, направляются детям, больным онкологическими заболеваниями.

Местные — республиканские, краевые, областные отделения Детского фонда — могут открывать специальные счета для осуществления программ. СЧЕТ 70700001 во Внешэкономбанке СССР Советского детского фонда принимает валютные взносы во всех видах валют от советских и иностранных граждан.

открыт
отделения
беркассах
ДИТЯ С НИМБОМ» («Смелый
ОЛЕЕ ВОССТА

ЕЩЕ

Отцы и дети. Потери и обретения
«Артек». За роскошным забором
берг. Размышлен

35 коп.
Индекс 70820.